

Меч на ладонях

Андрей Муравьев

Меч на ладонях

«Автор»

2007

Муравьев А. Л.

Меч на ладонях / А. Л. Муравьев — «Автор», 2007 — (Меч на ладонях)

В Гардарике загадочный волхв предлагает наемнику нурману выкрасть шкатулку у местного ярла. Подумав, викинг соглашается... С этого и начинаются события, перевернувшие историю современного мира и породившие историческое противостояние религий. А главными действующими лицами становятся казак и археолог из 1896 года, красноармеец из 1939 и фотограф дикой природы из 1999. Переброшенные в далекое прошлое, они вынуждены бороться с теми, кто считает себя выше людей. В поисках статуи забытой богини герои путешествуют по Европе в нелегкое для нее время первого крестового похода, сражаясь и флиртуя, защищаясь и защищая тех, с кем свела их судьба.

© Муравьев А. Л., 2007

© Автор, 2007

Содержание

ВМЕСТО ПРОЛОГА	5
ЧАСТЬ ПЕРВАЯ	9
Глава 1	9
Глава 2	53
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Андрей Муравьев

Меч на ладонях

ВМЕСТО ПРОЛОГА

16 октября 1094 года. Бордо. 10.30

Булдырь¹ был самым неприметным. Дверь, выходящая на боковую улочку к порту, была открыта, столы надраены и вычищены до блеска, призывно гудел камин, обещая случайному путнику тепло и горячую еду. В узкие прорези в стенах, плотно закрываемые на ночь крепкими дубовыми ставнями, хозяин заведения даже вставил дорожную слюду, но все ухищрения не помогли – посетителей внутри было раз-два и обчелся.

Голод и нищета царили на французской земле. Вот уже который год все надежды на добрый урожай не оправдывали себя. То дожди, то засуха, то мор – Бог гневался на земли Аквитании. Редкие пейзажи, распродав на рынке излишки зерна, старались по-быстрому исчезнуть из суеты городских улиц; виноградарям, потерявшим побеги благородной лозы еще в весенние морозы, уже давно ничего не давали в долг, а иноземные купцы, казалось, позабыли дорогу в эти края. Надежда оставалась только на случайных, залетных гостей, таких как эти двое чужеземцев, вольготно развалившихся на широких, выскобленных добела лавках.

Один был одет как богатый купец из мавританской Иберии. Может, толедец, может, валенсиец – он щеголял в длиннополом халате, богато расшитом и подпоясанном золотым кушаком, на пальцах переливались перстни с драгоценными камнями размером с перепелиное яйцо, на эфесе сабли сверкал гигантский голубой топаз из далекой Индии. Был мусульманин молод и красив собой: коротко стриженная острая бородка, чистое холеное лицо, властные, но благородные черты лица. Впечатление немного портили плутоватые глаза, которые их обладатель прятал за густыми бровями и полуприкрытыми, будто в полуденный жар, веками, да нервные, перебиравшие тесьму пояса пальцы.

Собеседник его, напротив, явно происходил из стран северных, дальних. Невысокий, уже немолодой, щуплого телосложения, он был одет в поношенный тулуп, привычный для диких померанцев или даже гардариканцев. На голове – вылинялый заячий треух. Из-под пол верхней одежды выглядывали стоптанные простенькие сапоги на деревянной подошве. Кожаный пояс северянина был лишен каких бы то ни было украшений, а из оружия он мог похвалиться разве что суковатым посохом со сбитыми концами.

Судя по внешнему виду, мавру следовало бы быть хозяином положения, господином, требовавшим отчета у услужливого холопа, но кабатчику, изредка бросавшему на странных посетителей взгляд из приоткрытой двери кухни, казалось, что именно нищий старик отчитывает холеного язычника... Впрочем, владелец заведения ничего не понимал в услышанном – язык, на котором разговаривали гости, был ему неизвестен.

Между тем старик говорил:

– Мне что, все придется делать самому? – Звуки речи разносились по всему залу. – Раньше ты был моим первым помощником, а теперь у меня такое чувство, что я один бьюсь над решением наших проблем!

Испанец пожал плечами:

¹ Булдырь – кабак.

– Ну, вы ведь знаете этот Восток, батяня, – пока они соберутся что-то делать, сменятся поколения, на месте городов появятся пустыни, а там, где лежал песок, разольются моря. – Он примирительно всплеснул руками. – Мне самому противна эта тягомотина. Я делаю все, что могу...

Старичок вспыхнул:

– Ты мне зубы не заговаривай. На меня твои способности не действуют. – Он перегнулся через стол и ухватил собеседника за край халата, с силой притянув к себе. – Мне нужен результат, а не эта пустопорожняя брехня!

Ибериец попробовал отстраниться, но кисти рук, удерживающие полы его верхней одежды, были будто из дуба.

– Э-э-э... Я прямо и не узнаю вас, папа. А где же хваленая выдержка Повелителя Ратей? – Мавр с усилием разогнул пальцы старика и отодвинулся. – Где ледяное спокойствие? Где тот, который одним видом останавливал несущиеся на него колесницы, кого не мог вывести из себя даже занесенный бивень боевого слона?

Старичок сник.

Молчание затягивалось. Смущенный реакцией собеседника, мусульманин явно ступался и тоже затих.

– Так что ты узнал? – сквозь зубы выдавил северянин.

Испанец снял тюрбан и почесал кудлатую вспотевшую голову.

– Ну, во-первых, батяня, кто-то из наших все еще поигрывает в перворожденного – уж очень аккуратно детки заматают за собой все следы...

Обладатель линиялого треуха вскинулся:

– И тебе на это понадобилось две тысячи лет?!

Мавр откинулся на лавке, примирительно подымая ладони вверх:

– Папа, я вас умоляю... Какие такие две тысячи?! О том, что эти выродки утянули из северной лаборатории Дур-ан-Ки², мы и узнали-то недавно.

Северянин поморщился:

– Хорошо... Двести лет?!

Мусульманин согласно кивнул головой:

– Вот это уже ближе к реалиям.

Низенький «батяня» встопорщился:

– Это, по-твоему, быстро?!

Ибериец закатил глаза:

– Ну, как могу, так и работаю... – Он почесал холеную бородку, мимоходом оценив игру граней гигантского рубина на собственном перстне в отблесках огня камина. – Она на Севере, в Гардарике, это, кстати, твои территории.

Старичок деланно удивился:

– Ты уже не считаешь Гиперборею своей?

Испанец почесался, но углубляться в полемику не стал, сделав вид, что не заметил сарказма.

«Батяня», ожидавший более бурной реакции, поморщился и вернулся к основной теме беседы:

– Так она еще и где-то у смертных?

Мавр надел тюрбан и утвердительно кивнул:

– Нелюди посылают туда отряд.

Теперь задумался северянин. Он долго скреб бороду, сопел и наконец взорвался:

– Нелюди, говоришь... А себя ты, верно, уже причисляешь к приматам говорящим?!

² Дур-ан-ки – связь земля – небо (*шумер.*).

Лицо иберийца стало серьезным.

– Простите, мастер. Слишком много кручусь среди смертных, даже думать начинаю их категориями.

– Среди смертных... Крутится... – Старичок успокаивался. – Да ладно. Закончится – все отдохнем.

– Так что мне делать с... отверженными? Может – сведем под корень?

Северянин думал долго. Когда испанец уже устал наблюдать за игрой света на гранях своих камней и начал откровенно скучать, из угла донесся приглушенный, сдобренный старческой хрипотцой ответ:

– Не надо. У нас в совете кто-то еще не наигрался. Пускай... нелюди сделают, что хотят, а потом... натравите на них кого-нибудь из местных. Нам ни к чему мелькать.

– И... на месте?

– Нет! Ни в коем случае. Пускай выведут нас к себе. Если за них возьмусь я... или ты, то вся эта свора разбежится и заляжет, – ищи их потом. Да и того, кто скармливает им нас, узнать не мешало бы... Главное – не спугнуть. А с остальным разбирайся на месте.

– Понял, постараюсь.

Старичок уже поднялся, но вдруг передумал и сел обратно, жестом попросив испанца также остаться на месте.

– Я тут подумал: сам займусь ими. Все равно на Севере сейчас других дел нет.

Мавр нахмурился:

– Не слишком ли...

Дедок взмахнул рукой, прерывая собеседника:

– Не слишком. Я засиделся, а ты можешь протянуть это дело еще тысячу лет. – Он жестом остановил готовые слететь с языка мавра возражения. – У тебя ведь остались дела на Юге?

Тот кивнул.

– Вот и отлично. Поедешь туда. А я сам протрясусь с беглецами. – Дедок поправил треух. – Думаю, они пойдут в земли Синая. Эта глупая баба развела там проходной двор! Вот только если кто-то и помогает отверженным, так это не она...

Он забарабанил пальцами по столешнице.

– Надо, надо узнать кто. – Северянин задумчиво посмотрел по сторонам. – Кстати, как продвигаются твои начинания? Ну... в опытах?

Мавр оживился. Он оживленно придвинулся и, жестикулируя, начал что-то горячо втолковывать заинтересованному собеседнику.

В дверь протиснулся нищий щуплый паренек. Он из-под шапки зыркнул на сидящих в углу иноземцев и чуть заметно кивнул хозяину заведения. Тот смутился и начал бойчее протирать широкий стальной противень. Тяжелые времена! Разве еще год назад он мог предположить, что будет посылать гонцов к местным бонзам подворотен, надеясь получить свою долю с наводки?! Тогда его кормила его харчевня, а теперь одна надежда осталась – на карманы случайных залетных гостей.

...Иноземцы закончили разговор почти затемно. Когда корчмарь уже устал подходить и интересоваться, не надо ли чего дорогим гостям, старик северянин повелительно подозвал его, буркнул что-то неразборчиво и бросил на стол пару серебряных ноготков, показывая, что «пиршество» закончено. Мавр встал первым, тепло обнялся на прощание с собеседником и растворился в опускающихся на город сумерках, плотно притворив за собой дверь. Следом, промедлив самую малость, необходимую на то, чтобы подтянуть ослабленный на отдыхе пояс, выскользнул и старик. Тихо приоткрылась еще дрожащая дверь, мелькнула тень, и с напряжением смотревшему кабатчику показалось, что вокруг головы уходящего легким облаком мелькнуло слабое сияние...

Нищий паренек щучкой юркнул следом за «клиентами».

Хозяин харчевни вздохнул и вернулся к блестевшему противню. Каково же было его удивление, когда спустя минуту вернулся ушедший за богатыми чужестранцами паренек. Выглядел он испуганным и растерянным одновременно. Обе потенциальные жертвы, за которыми выскочил юный бандит, бесследно исчезли. Причем исчезли таким образом, что стоявшие наготове вверх и вниз по улице сотоварищи налетчика утверждали, что никого не видели. И никто не появлялся...

Разборки между подбежавшими громилами и несостоявшимся наводчиком затянулись за полночь.

...А утром из порта выпорхнули два небольших судна: крутобедрая легкая фелука под дивным белым косым парусом заскользила к берегам недалекой Иберии, а старая, нависшая над водой торговая снека взяла курс на датские воды.

– Удачи, Солнечный!

– И тебе удачи, батяня!

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

Глава 1

1

1095 год. Окрестности Ладожского озера.

Солнце устало садилось в серые набрякшие тучи. Весна в этом году рано постучалась в прибалтийские земли. Где это видано, чтобы в начале февраля в лесу уже растаял снег? Бывало, сугробы уже шли на убыль, журчала капель, но такого, как в этом году, не мог припомнить ни один старожил...

Человек шел споро, на открытых участках иногда переходя на бег. Унылый лес еще не оброс листвой и не мог укрыть от промозглого ветра. То, что в феврале не надо пробиваться через снежные сугробы, уже должно было радовать бредущего по пласту из еловых иголок и слежалых листьев одинокого путника. Радовать и настраивать на игривый и жизнерадостный лад, характерный для весны. Но Торвал Сигпорсон, не сбавляя шага, только затравленно оглянулся в поисках убежища от неизбежно приближающегося дождя. Рыжий, не по возрасту веснушчатый, среднего роста, но, как и его сородичи, широкоплечий и мускулистый наемник чувствовал себя неудобно среди леса и вдалеке от спасительного борта ладьи. Руки викинга то сжимали рукоятку засунутой за плечи секиры, то поправляли тул со стрелами, а ноги, уставшие в длительном переходе через незнакомые места, предательски дрожали и подгибались.

От рождения викинг получил лестное для каждого нурмана имя Торвальд³. Но мать его не перенесла родов первенца, и малыша воспитывал престарелый дед со стороны отца. Старик Бьерн был добрым и заботливым, но когда-то в молодости получил удар топором в лицо и страдал вследствие этого серьезным дефектом речи. Таким образом, клича неслуха-внука с крыльца землянки, он нередко проглатывал окончание имени, и грозное «Торвальд» постоянно изменялось то в «Торвал», а то и в «Торваль». Внук очень комплексовал. Окрестные дети со свойственной этому возрасту чуткостью, конечно же, поддерживали такую трансформацию, так что к зрелости рыжеволосый лучник уже и позабыл то имя, которым его нарекли при рождении. Он даже посмеивался, что норнам⁴ будет теперь нелегко отыскать нить судьбы, ведь искать девы будут одного, а находить другого.

...Грохотнул одинокий раскат грома. Сигпорсон чертыхнулся и прибавил шагу, сознавая, что его прохуdivшиеся сапоги не вынесут еще и дождя.

– Порази Тор этого римского выкормыша! – Еловая ветка, отведенная рукой, получив свободу, резко разогнулась, высыпав целую пригоршню иголок за шиворот уставшего беглеца и вызвав новую серию сквернословий.

– В задницу бы тебе эти иглы, – прошептал рыжий скандинав, отряхиваясь на ходу. Настроение, бывшее столь приподнятым в полдень, к вечеру явно шло на убыль. Впрочем,

³ Торвальд – власть Тора.

⁴ Норны – три девы-богини в скандинавской мифологии, определяющие судьбы мира, людей и даже богов.

настроение как таковое не волновало потомка норвежских мореплавателей и пиратов. Куда больше его беспокоила погоня, несомненно высланная утром по его следам ярлом Гуннармом.

Остановившись отдохнуть, Торвал прикинул, где могут быть преследователи к этому времени. Даже конные латники, пошли их ярл в погоню с самого утра, в этих чащобах не могут быть сейчас ближе Гнилого ручья, а лежащая за ручьем топь заставит их спешиться. По всему, полдня в запасе у него оставалось.

Ярл Гуннар, посадник киевского кагана или, называя его по-новому, князя, владелец Хобурга и всех северных земель от фьорда Киерголла до Волхова, четыре месяца назад нанял его, одного из самых известных лучников Норвегии, чтобы обучить своих сыновей искусству стрельбы. Богатый и образованный (по слухам, его в детстве обучил письму и еще каким-то тайным наукам плененный в набеge на Зеленый остров знахарь) ярл хотел воспитать из своих сыновей норвежских Гераклов и, подобно древним, нанял лучших ратоборцев и мудрецов Севера в учителя трем малолетним отпрыскам.

Торвал был среди избранных, но после месяцев трудов понял, что учительское поприще не для него. Да и рано еще не старому воину жить как бессильному старцу на подавания от стола ярла. И когда половину луны назад в корчме у кузницы незнакомый захожий волхв за пятой или седьмой чашей эля перечислил ему то, что уже несколько недель шептало сердце, варяг понял: его судьба в очередной раз готова совершить зигзаг. Правда, непонятно, будут ли перемены добрыми или принесут конец его бурной жизни. Добрый жрец неведомого бога, обильно подливавший густой эль в кубок собеседника, умело подвел его к главному: учить надоело, а уходить с насиженного места с пустыми руками глупо. Только голожопый кмет⁵ может пуститься в путь с котомкой на плече. Спину же воина должен украшать сверток с добычей, а его задницу – седло коня или скамья драккара. Впрочем, за неимением драккара подошла бы и ладья...

Выход, по словам старца, назвавшегося Аизром, был, и он не выглядел невозможным: требовалось украсть черный ларец с золотым ящером, который Гуннар хранил у себя в спальне, и доставить его к заброшенному храму у подножия горы, что за Кьерским лесом. Взамен Торвал получит столько серебряных марок, сколько вместит этот ларец, и добрую лодку, которая довезет его до любого выбранного фьорда.

Проблема признательности человеку, давшему ему приют и еду, мало волновала несостоявшегося учителя. Он никогда не был склонен к излишней чувствительности. К тому же ярл удержал из содержания наставника своих отроков стоимость сожженной им же (по пьяной лавочке – ну, с кем не бывает!) конюшни с тремя жеребыми кобылами.

Торвал ускорил шаг. Кьерский лес, по рассказам местных трэлей⁶, был пристанищем всякой нечести из числа персонажей вечерних саг для детей, а повстречаться с кем бы то ни было ночью не входило в планы беглеца.

Солнце, будто нехотя, собирало остатки своих лучей с серого небосвода, колебля сгущающиеся тучи неожиданными бликами. До места встречи с Аизром оставалось часа полтора пути, но теперь дорога шла через заповедные места, куда не отваживались захаживать даже местные охотники. Викинг замедлил шаг. Приобретенное за годы скитаний чувство опасности подсказывало, что на него устремлен чей-то взор. Редкий лес давал мало укрытия, но глаз, способный рассмотреть за дюжину дюжин шагов серебряную марку, не замечал никого. Варяг остановился, медленно осмотрел окрестности. Никого... Тем не менее холодок в затылке не проходил.

Негромким окриком отогнав, вероятно, затаившегося зверя, Торвал вытянул из-за голенища кинжал. Большого следивший за ним волк или рысь не заслуживали, а медведь незаметно подкрасться не сможет, да и незачем хищнику, пусть и в самую голодную пору, бросаться на

⁵ Кмет – свободный землепашец.

⁶ Трэль – крестьянин, находящийся в личной зависимости, раб (сканд.).

такую опасную тварь, как человек. Подогревая свою отвагу разумными мыслями, путник шел на журчание ручья. Именно у истока этого ручья, по словам старца, и лежит заброшенный храм, у которого должна состояться их встреча.

Про храм в округе было много разговоров. Большею частью они напоминали жуткие сказки, которыми в детстве его потчевал дед, но все сходились в одном: кроме неприятностей, ничего отсюда вынести нельзя. Поговаривали, что место это было городищем альвов до того, как сюда пришли люди, и храм, останки которого служили местом встречи, был святилищем, выстроенным еще забытым народом умартов, которых лесной народ согнал с их земли во время бегства с Зеленого острова. О том, что заставило самих альвов уйти с этих земель, легенды умалчивали, но было предположение – они просто отплыли к своим родичам в Экельтер, подальше от шумных смертных соседей. Тем не менее у смельчаков, из любопытства или по необходимости забредавших в эти места, на всю оставшуюся жизнь в сердце поселялся страх. Если они возвращались, конечно...

Чужой взгляд начинал доставлять уже физическое неудобство. Торвал сменил кинжал на более надежный лук, справедливо полагая, что любимое оружие подходит для открытого лона ручья, прекрасно просматриваемого на десятки шагов. Нехорошие предчувствия, как надоедливый гнус, кружили около викинга. Предстоящая сделка изначально вызывала сомнения, но не в натуре Торвала было отступать. Рыжий наемник не любил долго думать, решения принимал легко, без оглядки, и, как следствие, к своим тридцати четырем годам у него не было ни дома, ни семьи. Он нажил лишь славу крепкого воина и искусного лучника да десятки шрамов по всему телу, что осенью отдавались по утрам нытьем в суставах. Да еще врагов, чье число превышало число стрел во всех его тулах. Теперь еще один ярл назначит награду за его голову... Впрочем, были и друзья. Именно к одному из них, Току Одноглазому, он и собирался двинуть из гостеприимного Хобурга.

Выкрыв ларец, Торвал первым делом проверил, что за сокровище так жаждет белобородый. Перед кражей викинг наводящими вопросами попробовал через деток ярла выяснить, ради чего он будет рисковать. Как ни странно, Гуннар не делал тайны из содержимого ларца: по его словам, там хранились амулет и единственная книга ирландского знахаря, бывшего учителем маленького Гуннара. Ярл дорожил ларцом только в память об учителе и не считал нужным держать его в сокровищнице. Дело обещало быть каким-то непозволительно легким. Амулет оказался всего лишь медным бруском с причудливой резьбой и голубым камешком величиной с ноготь в центре, а книга была полна причудливых картин, но буквы, их поясняющие, не походили на руны или римское письмо. Впрочем, будь они даже на них похожи, это не помогло бы – Торвал не умел читать ни то ни другое.

Тем временем сумерки перешли в ночь. Месяц лениво освещал ручей, слепя викинга десятками бликов и делая окружавшие воду заросли еще непроглядней. До места встречи оставалось немного, однако ноги, отвыкшие от нагрузок за время сытного учительства, отказывались идти дальше. Торвалу пришлось устроить маленький привал, во время которого он в очередной раз поклялся себе начинать день с бега в лесу, а не нежиться до полудня с пышнотелыми кметками. Взгляд, сковывавший беглеца на протяжении последних трех часов, исчез. Похоже, неизвестному хищнику или надоело преследовать человека, или он решил поискать добычу помельче.

Полянка, выбранная Торвалом для отдыха, была не больше двух десятков локтей в диаметре. Он как раз шарил в суме, отыскивая остатки еды, прихваченной в дорогу, когда обострившийся за пределами зловонного поселения нюх уловил приторный мускусный запах. Не переставая копаться в сумке, Торвал скосил глаза, пытаясь определить источник. Казалось, сухие ветки, усыпавшие кустарники по обоим берегам ручья, были лучшими сторожами. Осторожность в незнакомом месте не может быть лишней. Тем не менее опасность он просмотрел, заметив приближающийся сгусток темноты, когда до него оставалось всего десяток локтей.

В такой ситуации все, что он мог сделать, он сделал: метнул суму в приближающееся нечто и отпрыгнул в сторону, вырывая из-за спины секиру. Секундное замешательство – и сгусток злобы, подкрепленный брызжущим слюной клыкастым ртом и чудовищными лапами, более похожими на утыканный иглами шестопер⁷, обрушился на человека. Уворачиваясь от когтей, удар которых легко раскроил бы его ребра, Торвал поднырнул под нападавшего и подрезал ему опорную лапу, а на выходе рубанул наугад снизу вверх.

Сближение с неизвестным врагом не пошло на пользу: зверь, заревев от боли, прыгнул на теперь уже близкую добычу, пытаясь подмять ее под себя. Секира Торвала имела острое навершие в ладонь длиной, позволяющее колоть врага в ближнем бою. В данный момент эта деталь и решила исход поединка. Отступая от летящей на него туши, викинг двумя руками вогнал секиру, на манер копья или рогатины, под нижнюю челюсть противника, моля Одина⁸, чтобы древко удержало тварь. Острие с хрустом вошло в горло животного или нечисти, но тут же последовал могучий удар в плечо, и Торвал полетел в темноту.

Ночной концерт лягушек взрезал хрип умирающей твари и знакомый звук затихающего хлопанья, с которым темная кровь толчками покидает развороченное горло.

Викинг видел это все в полузабытьи. Удар и падение немного смягчил свернутый на плечах меховой плащ, но последствия были плачевны. Мало того, что даже при одной только попытке подняться окружающие деревья начинали кружиться в хороводе, так еще и большая часть стрел в туле была сломана. Затуманенный взор Торвала отметил новые тени, но сделать он уже ничего не мог. Боевой клич, вырывавшийся из его горла, больше напоминал хрип, а рука, сжавшая единственное оставшееся у него оружие – обоюдоострый кинжал, – была не сильнее руки шестилетнего ребенка. Гул в ушах после могучего удара не позволил варягу услышать спасительный напев чужой тетивы, а туман и прыгающие в глазах стеклянные червячки укрыли от него блеск полета чужих стрел. Тщетно стоял он на одном колене и, размахивая кинжалом, призывал собратьев ночной твари подходить и разделить ее участь. Голова так и не прояснилась, а нечистоты всех скандинавских наречий, срывавшиеся с языка, остались неслышанными. Обессиленный, упал он на землю, смежив веки в забытьи, так и не заметив, как все это время из зарослей с удивлением наблюдал за ним высокий воин с луком на изготовку. После того как силы оставили Торвала, незнакомец подождал немного и мягким крадущимся шагом подошел к лежащему викингу. Убедившись, что жизнь не оставила его, воин вздохнул, достал нож и склонился над потерявшим сознание рыжим наемником.

Внезапно тугую тишину ночи вспорол звук хлопающих крыльев, и на поляну опустился большой белый ворон. Немало не смущаясь трупов тварей, птица прошествовала к телу человека и склонившемуся над ним стрелку. В течение нескольких мгновений фигура птицы начала расти, обретая все более грандиозные очертания, силуэт пернатого подернулся легкой дымкой. Будто ветерок пронесся над поляной, и вот вместо ворона над Торвалом появилась еще одна тень человека. Сухой надтреснутый голос, полный власти и сознания собственной силы, разрушил сгустившуюся тишину:

– Ты должен был следить за его безопасностью, Аиэллу.

Ледяной тон упрека не смутил ночного воина. Он нагнулся над телом викинга, развязал собственный пояс и достал мешочек из телячьей кожи. Потом, распустив тесьму, обмакнул пальцы в мазь, которой был заполнен мешочек, и начал обильно смазывать раны на теле раненого.

– Лаба простояла без присмотра почти пятьсот циклов, мастер. Низшие окончательно потеряли чувство реальности. Думаю, даже вы не смогли бы держать их в узде. – Стрелок

⁷ Шестопер – вид булавы с шипами.

⁸ Один – верховный бог в скандинавской мифологии, отец асов. Бог войны и победы.

прислушался к дыханию раненого. – К утру смертный будет на ногах, о Аиэрр-галла... Богиня обрадуется подарку. Он смелый воин.

В тоне сказанного постороннему наблюдателю легко было бы уловить оттенок иронии, но того, кто еще недавно был вороном, не смутил тон.

– Не настигнет ли его поутру погоня? – Старец нервно перебирал серебряные ракушки, наподобие четок увивавшие его левую руку.

– Аиэллу уведет их к горам или в долину горячих ключей. Нам нечего бояться, старший брат.

Торвал застонал, и Аиэллу заторопился.

– Вырежи стрелы из тварей – смертному не стоит видеть их.

По поляне пронесся ветер, вздымая в воздух опавшую листву, и тишину ночи вновь нарушило хлопанье крыльев гигантского ворона.

Аиэллу проводил полет его грустным взглядом больших миндалевидных глаз, надвинул поплотнее капюшон и, убедившись, что дыхание раненого выровнялось и смерть его подопечному уже не грозит, зашагал к трупам ночных тварей.

...Пробуждение было ужасным. Голову Торвала как будто заполнил шар из мореного дерева, которое намного тяжелее железа. Он попробовал сесть. Тут же в правом плече засадили раны от удара ночного чудовища. Вместе с болью вернулось и осознание ситуации. Солнце только начинало свой ежедневный поход по небосклону, а ведь полдень был крайним сроком, до которого ему можно рассчитывать на вознаграждение. Дальше Аиэр ждать не будет, значит, не будет ждать и ладья до спасительного норвежского берега.

Лес, несмотря на плохую славу, радовался восходящему солнцу, как и все леса: заливались птицы, искрились в утренней росе первые лучики, и запах прелой прошлогодней листвы приобретал какой-то неуловимый оттенок свежести.

Викинг осмотрел полянку в поисках тела своего противника. К его удивлению, туша чудовища, сраженного им ночью, была не единственной на поляне. Чуть поодаль громоздились еще два трупа, а у самой кромки леса лежал четвертый. Кряхтя, Торвал поднялся на ноги, перехватил секиру и побрел к ближайшей из мертвых тварей.

Чудовище, похоже, было всего на ладонь выше него самого, зато размахом плеч могло дать фору любому силачу из человеческого рода. Короткие ноги, длинные лапы, переплетенные канаты мышц, густая зеленоватая шерсть. Кожа чудовища тоже была зеленоватого цвета, что можно было заметить, несмотря на толстый слой многолетней грязи. Широченные плечи переходили в небольшую голову, немного напоминавшую кабанью, украшенную парой мощных клыков, но практически лишенную щетины. Страшная тварь, ужасное, невиданное доселе исчадь скальдовых саг для детей, лежала перед ним.

За время походов Торвал наслушался немало рассказов. Были среди них песни и сказки о разных тварях, существование которых христианский священник ярла Гуннара называл не иначе как происками «нечистого». Да и сам Торвал несколько раз по ночам видел огни и тени, которые не могли принадлежать ни людям, ни животным... Но вот так, лицом к лицу, встретиться, биться с чудовищами, да еще, по-видимому, победить...

Но почему их несколько? Несмотря на головную боль, Торвал мог поклясться, что бился с одним врагом, да и того удалось завалить с большим трудом. В ближнем бою викинг был не силен и по возможности предпочитал схватке лицом к лицу дальнобойный лук, которым владел в совершенстве.

Перед ним же лежали не один, а целых четыре зверя. Причем три убиты его стрелами. Тут было о чем подумать... Но не сейчас... позже, много позже.

Выкинув из головы смутные подозрения, викинг споро вырезал клыки у убитых чудовищ (какое-никакое, а доказательство), очистил стрелы от ошметков зеленой плоти и, порой переходя на легкую рысь, припустил к месту встречи с заказчиком.

Солнце радостно переливалось в каждой капле росы, словно опровергая все страхи, разносимые по округе об этом месте. Постепенно Торвал даже начал что-то насвистывать. Густой перелесок постепенно сменили старые ели, закрывающие небо, ориентироваться стало труднее. И хотя на лежалом пласте прошлогодних иголок каждый шаг выдавливался неглубоко, по мере возможности викинг все же старался передвигаться по звериным тропам. Изредка он даже начинал кружить, пытаясь хоть как-то запутать погоню. Впрочем, запас времени все еще был.

Храм появился неожиданно: только что вокруг был густой лес – и вот он уже стоит на поляне, а ручей, бывший проводником последние три тысячи шагов, как испугавшийся пес, нырнул в какую-то расщелину.

Викинг вздрогнул, и было от чего: перед ним открылась абсолютно ровная, без единого дерева площадка, на которой находился храм. Чужеродная проплешина посреди густой растительности. Она смотрелась как-то несуразно и нереально, а в ноздри лез раздражающий и неожиданный в этом месте запах жасмина и роз. Само здание храма, полуразрушенное, кое-где украшенное сохранившейся причудливой лепниной, сильно заросшее плющом, в ярких лучах утреннего солнца не казалось ни грозным, ни даже опасным.

У входа его ждали. Высокий, закутанный в серую хламиду стражник жестами приказал Торвалу оставить оружие у входа. Викинг хмыкнул и отступил на шаг, локтем сбрасывая тул с остатками стрел под правую руку. Тут же из стены шиповника вынырнул Аиэр.

– Не бойся, воин. – Голос старца был мягок, как теплый воск. – Здесь не причинят тебе вреда. Оставь оружие – богиня не приемлет железа в своем храме.

– Мне нечего делать в твоём храме, жрец.

Аиэр, казалось, несколько не смутился от настороженного тона пришельца.

– Мне нужно проверить, то ли ты принес мне, воин.

Торвал не уступал. Получить свое серебро он намеревался в месте, где все будет находиться перед его взором. Варяг ухмыльнулся – всего один стражник да старик жрец. Он успеет зарезать первого и настругать ломтиками второго, пытаясь, где хранится золото и серебро, прежде чем солнце начнет клониться к закату.

Но старик, по-видимому, тоже повидал жизнь и разбирался в наемниках. Из зарослей, отрезая пути к отходу, вышли еще четверо стражников. Все в одинаковых серых хламидах с низко опущенными капюшонами, вооруженные нелепыми копьями с широкими лезвиями. Из-за спины жреца выступили две высокие фигуры. Эти были экипированы лучше остальных: мерцающие темным блеском клавины⁹ и короткие мечи, красноречиво направленные в живот викингу.

– Ты пойдешь туда, куда скажут, человек, – нараспев, медленно проговорил один из мечников. – И будешь делать то, что скажут, если хочешь жить и тратить свое серебро.

Не будь ночного столкновения, Торвал не задумываясь рванул бы на прорыв, но спину и бок резало от бега по лесу, а глаза время от времени застилала пелена из танцующих прозрачных червячков. Тем не менее сдаваться и идти в храм викинг не собирался.

– Отдай мои марки, Аиэр. – Торвал бросил ларец ярла к ногам жреца, обратным движением локтя подвигая секиру под здоровую левую руку.

Один из воинов нагнулся и под взглядом безмолвствующего жреца проверил ларец. Увидев утверждающий кивок, второй из вооруженных мечами стражников убрал меч и достал из-за пояса мешок.

– Здесь в два раза больше, чем ты просил, человек. – Мешок, характерно звякнув, упал к ногам викинга. – Но ты пойдешь в храм и сам положишь жезл на руки Архвии.

⁹ Клавин, он же клавен или клавус, – доспех из металлических чешуек (реже из толстой кожи), носился поверх тонкой и более дорогой кожаной кольчуги или стеганого поддоспешного халата.

Викинга передернуло. Мягкий напевный акцент был чужд его слуху, но скандинава возмутило не это. Кто бы ни стоял напротив, этот кто-то пробовал указывать ему, что делать. Сдерживаться в таких ситуациях было не в привычках взбалмошного нурмана.

– Засунь этот жезл себе в задницу, выродок! Никто не приказывает Торвалу, сыну Сигпора, даже если у него связаны руки и ноги! А мои руки свободны, и я еще погрею ноги в твоих кишках, отродье морского ежа и шелудивой суки!

Свою эмоциональную речь викинг закончил плевком под ноги.

Жрец еле успел перехватить рванувших на наглеца мечников. Стражники с копьями тоже пододвинулись поближе – настолько, что Торвал, казалось, ощутил их дыхание.

Викинг крепко держался за рукоятку секиры, выглядывая кандидата на свой, вероятно, последний удар, но Аиэр опередил всех. Одной рукой отстранив стражу, старец вынул из-за пояса широкий медный нож и протянул его рукояткой вперед.

– Человек должен вернуть жезл моей богине, воин. Но богиня не терпит злого железа в храме. Если хочешь, возьми нож, приставь его к моей шее и, если что-то пойдет не так, убей меня, воин. – Жрец улыбался.

Через секунду викинг уже скалился в лицо стражам храма, прижимая нож к шее своего нанимателя.

– Если вам надо, чтобы я сам положил эту игрушку в руку вашей богини, то придется прибавить серебра.

Воин в клавине скривился:

– В этом мешке вдвое больше, чем мы договаривались. Но ты не унесешь его, приставив нож к горлу пленника.

Ухмыляющийся рыжебородый наемник колебался секунду. Одной рукой подхватив мешок, он ослабил веревку большим пальцем и заглянул внутрь.

Один из стражей усмехнулся и пропел второму что-то на своем языке.

– Что он говорит? – насторожился викинг.

– Он сказал, что, если бы мы желали твоей смерти, ты бы уже день как плавал в Гнилом ручье, похожий на подушечку для иглоков, – ухмыльнувшись, пропел в ответ воин с мечом, вольно переводя поговорку: «Покажи им серебро и вяжи из них веревки».

Торвал взвесил на руке мешок:

– Ладно... Где вход в ваше драное капище?

Жрец улыбнулся, словно не замечая колючего ножа у своей шеи, и отодвинул завесу, открывая проход в глубь святилища.

Торвал, придерживая безмолвного жреца, шагнул под своды древнего обиталища чуждых богов.

Внутри оказалось довольно светло и сухо. Легкий свет струился сквозь кровлю и, разбиваясь о выступы на стенах, причудливо играл на колоннах. В середине овального зала находился постамент с каменной статуей полуобнаженной женщины. Угловатые черты и массивность фигуры делали ее не похожей ни на эльфийку, ни на человека. Одна рука ее протягивала ветвь, а вторая, свободная, пробовала прижать что-то к груди.

– Куда идти? – Торвал нервничал. Он предпочитал, чтобы враги были на виду, но стражи капища старались держаться вне поля зрения.

Подавал голос жрец:

– Возьми жезл, который ты принес в ларце, и вложи его в руку богини.

Торвал послушно раскрыл ларец и выхватил похищенный артефакт. Камень в его навершии слегка поблескивал. Развернув Аиэра так, чтобы видеть руки своего нанимателя, Торвал попятился к статуе и вложил, не оборачиваясь, тонкий прут жезла в свободную руку богини. Уже отпуская теплый металл украденного сокровища, викинг краем глаза заметил, что губы жреца шевелятся.

«Ворожба», – пронеслось в его голове прежде, чем на глаза теряющего сознание нурмана навалилась мгла.

2

1906 год. Окрестности Самарканда

Раскопки медленно шли к своему апогею. Простукивание стен довольно явственно указывало на скрытую нишу, и глава археологической экспедиции Улугбек Карлович Сомохов старался не спешить. Найденный храм Ардвисуру-Анахиты, одной из основных богинь культа Зороастры в пределах древнего Согда, был главным его достижением за всю тридцативосьмилетнюю жизнь, и ученый старался не спугнуть удачу. Оригинальный анализ текстов Авесты, а также собственная трактовка пергаментов, найденных на Лалазаре, вывели его на этот храм. По предварительным предположениям, основание храма богини должно было относиться к шестому веку до н. э., а само здание, опять же только предположительно, иметь статус тайного святилища.

Официально экспедиция закончилась еще две недели назад, но древний Самарканд, неохотно отдававший свои тайны, проявил неслыханную щедрость.

Сомохов вздохнул. Солнце начало цеплять вершины холмов, указывая, что еще один день подходит к концу. Улугбек Карлович усмехнулся. Он вновь убедился, что каждая удача имеет и обратную сторону – вместе с солнечным светом таяли и последние средства экспедиции.

Сегодня утренняя бригада землекопов наконец-то очистила вход в святилище, но ученый серьезно опасался, что вскрывать вход ему придется все же собственными руками. Грант, с трудом выбитый из Парижского фонда исторического наследия, и те жалкие крохи, которые выделило Императорское географическое общество, должны были дать возможность провести двадцать дней разведывательной экспедиции. Раскопки же шли уже второй месяц, и конца им не было видно. Росла гряда достижений, таяла кучка сбережений. Землекопы прошлую неделю работали на вексель, ожидая обещанных Улугбеком новых грантов, в появлении которых он и сам уже сильно сомневался.

«Эти протянут долго», – раздумывал Сомохов, поглядывая на замызганные фигуры копателей. Вместо двух недель хорошо оплачиваемой работы им достались почти два месяца. Даже угроза, что за последние недели не заплатят, не могла омрачить довольные лица декхан¹⁰.

Руководитель экспедиции развернулся и окинул взглядом степь. Куда больше проблем вызывало поведение здешней охраны. Все местное отребье знало о том, что археологи нашли храм. Охрану экспедиции предоставил местный бек. Исторические черепки не интересовали Калугумбея, но в случае, если археологи откопают что-нибудь стоящее, возможны осложнения. И вероятней всего, именно со стороны хозяина здешних земель.

Улугбек еще раз окинул взглядом джигитовку охраны. Если нечем будет платить, гарцующие батыры исчезнут в степи, чтобы вернуться ночью уже в образе волков степей. Стоит хоть на день прерваться или уехать за припасами, как местные растянут все по камешку.

Правда, даже если охрана уйдет, в лагере останутся как минимум шесть стволов: четверо студентов археологов, Улугбек и подьесаул¹¹ Кубанского войска Тимофей Михайлович Горо-

¹⁰ Декхане – крестьяне.

¹¹ Подьесаул – воинский чин в казачьих частях до 1917 года, соответствовал армейскому штабс-капитану.

вой. Если в боеспособности студентов Улугбек сомневался, то последний был командирован в экспедицию именно для обеспечения охраны, на тот случай, если археологи вдруг что-нибудь откопают. Большую часть времени казак был балластом и занимался в основном тем, что приглядывал за припасами и багажом да препирался с землекопами. Но в его военных способностях сомневаться не приходилось.

Впрочем, кроме официальной версии командировки Тимофея, как оказалась, существовала и неофициальная. Как удалось узнать Улугбеку, во время подавления волнений в Сибири полгода назад тогда еще есаул и герой японской кампании Тимофей Горовой сильно повздорили со своим командиром, бароном Меллер-Закомельским. На одной из станций карательный отряд обнаружил поезд с оружием для повстанцев Иркутска¹², и барон приказал повесить всех железнодорожных рабочих, знавших о содержании вагонов и скрывавших от властей боевиков повстанцев, сопровождавших поезд. Всего – тридцать или сорок человек. Есаул тогда отказался выполнять приказ и чуть не заплатил за это головой. Барон был на расправу крут: Горовому грозил расстрел за измену. Спас казака командир другого карательного отряда барон Ренненкампф. Знавший кубанца по рейду Мищенко¹³, глава забайкальцев, гордо носивший прозвище «желтая смерть»¹⁴, уговорил другого барона спустить уже заведенное дело на тормозах. У казака забрали свежеполученные ордена Святого Станислава 3-й и 2-й степени и «аннинскую шашку»¹⁵ и, понизив, перевели в Астрахань. Бравый вояка не унывал и в будущем году рассчитывал вернуть утерянное звание, но тут по его голову прибыла комиссия.

Кто-то посчитал, что в деле Горового не все ясно, приехал чиновник из Саратова, и, чтобы казак не сказал чего лишнего, уже нынешний начальник подъясаула «по просьбе Императорского географического общества» передал его на усиление к местному полицейскому департаменту и командировал Тимофея с глаз долой в степи Малой Азии.

Улугбек вылил остатки кофе из недопитой чашки и отошел к бригаде.

– Как дела, Али? – обратился он к бригадиру землекопов.

– Хараши дела, начальник, – радостно заулыбался Али, откладывая кирку.

Во время разговора он покачивал головой, как игрушечная статуя маленького китайского будды. Титул начальника экспедиции вызывал жуткое веселье у местных, и те при любой возможности старались называть Сомохова «начальником».

Воспользовавшись моментом, большинство землекопов покидали лопаты и кирки и устались на Сомохова. Павел Баженин, один из студентов-археологов, следящий за ходом работ, подошел к Улугбеку.

– Если все и дальше будет идти так же удачно, то, пожалуй, к вечеру мы расчистим вход, Улугбек Карлович, – сказал он.

Али был единственным среди землекопов, кто сносно говорил по-русски. После слов Павла декханин легко перемахнул через край траншеи, ведущей ко входу.

– Улугбек-ага, – заговорил Али, по-прежнему улыбаясь. Но лицо его, на котором ярко выделялись белки глаз, грязное, залитое потом, было серьезно. Теперь, когда он прекратил кивать, невысокий глава чернорабочих напоминал гнома из швабских сказок. – Вы были добры, очень добры да и щедры с нами.

– Я должен вам и помню об этом, – ответил Сомохов.

¹² 26 января (13 января по ст. ст.) 1906 года на станции Слюдянка был задержан эшелон с оружием. Шесть читинских дружинников под руководством Бабушкина, сопровождавших поезд, были расстреляны.

¹³ Рейд Мищенко (или «наполз» Мищенко) – рейд русской кавалерии под руководством генерала Мищенко на китайский город Инкоу в декабре 1905 – январе 1906 года. «Наползом» рейд именовали из-за скорости передвижения (артиллерист Мищенко тянул за собой кучу обозов).

¹⁴ Желтый – за цвет лампасов, которые были у забайкальцев.

¹⁵ Аннинская шашка – орден Св. Анны 4-й степени.

Бригадир мялся. Он явно хотел что-то сказать, но, по свойственной азиатам привычке, подходил к делу издалека.

– Начальник дал нам меньше, чем мы договорились, но больше, чем рассчитывали. – Али по-прежнему улыбался и кивал. – Мы доработаем до вечера и уйдем из стана.

– Погоди, Али, – встрепенулся Павел, – то, что вам задолжала экспедиция, вы получите. Зачем спешите?

В отличие от Павла, не любящего всматриваться в тень, Улугбек за годы, проведенные на Востоке, привык различать все оттенки сказанного.

– Это Калугумбей приказал вам уходить к вечеру?

Али только улыбнулся и пошире развел руки:

– Мы – декхане. Земля и вода здесь принадлежать бей. Он захочет, моя, их семья, – землекоп махнул рукой в сторону рабочих, – будут голодать. Мы расчистим здесь и уйдем. Спасибо за все, Улугбек-ага.

Али поклонился и прыгнул в траншею.

Сомохов пнул песок и, сопровождаемый Павлом, двинулся к палаткам.

Навстречу уже вышагивал Тимофей Горовой. Местная жара могла укатать кого угодно, но для грузного казака климат был особенно неприятен. Он уже сменил форменную папаху на походную фуражку, вместо черкески с газырями¹⁶ щеголял по лагерю в одной гимнастерке, пил воду ведрами, а все равно на самаркандском солнце ему быстро становилось плохо. И яме ученых с черепками прошедших веков казак предпочитал палатку или полотняный навес с бутылкой местной чачи. Потому увидеть его до наступления сумерек расхаживающим по лагерю было необычно.

Археологи остановились.

По лицу подъесаула катились крупные капли пота, расчерчивая на заляпанной грязью и песком коже причудливые узоры. Тимофей Михайлович явно искал начальника экспедиции.

– Наш кашевар якись збянтэжаны¹⁷. Ти то дриснуть намылиуси, ти то якой заразы замист мясу у кашу засунув, – начал он.

Тема кухни была для Горового особенно актуальна. Перенеся два года назад в Китае местную форму дизентерии, Тимофей настороженно относился к национальным кухням и недолюбливал поваров из туземцев. Все в экспедиции знали этот маленький заворот бравого казака и старательно не замечали его.

– Я його крыху памацыв. Шо таки за мандраж, як у жынки писля вяселля.

Тимофей, волнуясь, начал жестикулировать, размахивая у носа двух археологов пудовыми кулачищами, какие больше подходили жандарму, а не кавалеристу.

– Ну и что сказал сей служитель Бахуса и последователь Оливье? – Сомохов уже знал, что раскопал Тимофей, но смутить подъесаула было нелегко.

– О то верно, бандюга та яще. Я яго крыху памацыв за грудки, так ен кажа, що местный бей казав, кабы яны тикали свидсюль до вячеры.

Казак сплюнул.

– Ну и где кашевар?

– Я його звизав и положив до котла. А то яще потравить нас напоследок.

Улугбек вздохнул. В словах Тимофея был резон.

– Кашевара отпусти – пускай уходит. А вы, Павел, будьте любезны, остальных разбудите. Вечером к нам инспекция пожалует.

– О то ж. Я ужо вси ружжа, воду и консервы до кухни знес.

¹⁶ Кубанцы имели форму, схожую с терскими казаками: папаху, черкеска, газыри (патронташ на груди), кинжал.

¹⁷ Якись збянтэжаны – какой-то сконфуженный, озабоченный чем-то.

Улугбек попадал в передряги и похуже. Что же касается Тимофея, то, по его словам, после японской кампании, где он провел длительную «командировку» в составе приданного Маньчжурской армии отряда казацких пластунов¹⁸ и где, кроме орденов и повышения, получил под Ляоляном и Мукденом¹⁹ одно за другим два ранения, ссылку в Самаркандскую экспедицию он иначе как вакацию, то есть отпуск, и не рассматривал.

– Раскопаем вход, заведем внутрь лошадей, занесем припасы и воду. А сами снаружи оборону держать будем. Это не Каракумы, какая-никакая, а цивилизация. Если ночью нас не возьмут, днем откатятся.

Сомохов не был уверен в сказанном, но, как и положено командиру, поддерживал дух в гарнизоне.

Как только Павел ушел будить спящих студентов, Улугбек сбросил маску.

– Сколько у нас патронов, Тимофей?

– Четыре скринки, да рассыпью еще е. Сотни под две. Можа крыху меней.

Улугбек вздохнул.

«Это же на час-полтора боя», – пронеслось в голове.

– Зато штуцера знатные, – казак старался приободрить поникшего командира. – Англичкие. Против местных берданок да турецких пукалок, знатные ружжа.

– Плюс мой да твой револьверы с двумя коробками патронов, – Улугбек улыбнулся, глядя, как упаренный казак лихо крутит ус. – Да и ночью посвежей. Ничего, сдюжим, Тимофей.

Горовой не спеша подкрутил грязный ус и одобрительно крякнул:

– О то ж.

...К вечеру посвежело.

Последние надежды Улугбека договориться с Калугумбеем растаяли, как вечерний туман. За входом в тайное святилище сразу начинался главный зал храма, посреди которого на небольшом постаменте стояла прекрасно сохранившаяся статуя Ардвисуры-Анахиты, матери всего сущего и богини земли в культе Зороастры. Сама статуя вряд ли привлекла бы внимание разбойников: ни жезл, который она сжимала в руке, ни ветвь, украшавшая вторую руку, ни материал статуи не были драгоценными. Зато постамент... Постамент был отлит из единого куска металла с характерным блеском и весь покрыт письменами. Не надо было производить экспертизу, чтобы убедиться, какой именно представитель химической таблицы элементов дал такой оттенок подставке статуи.

Золото...

И древний язык Согда. Утраченный навсегда с приходом ислама и вытеснением огнепоклонства. Теперь его знаки лежали у ног Улугбека.

Если бей узнает, что скрывается в храме, им отсюда никогда не выбраться. Слишком велика ценность находки, чтобы пришлое археологи смогли провезти ее через окрестные земли. Но если не дать волкам степей заглянуть вовнутрь, то, может, и уйдут к утру. Постреляют, погалдят и растворятся в утренней дымке.

– Знаем мы этого брата, – гундосил Тимофей на смеси малоросского и русского, перетягивая в капище тюки сена и мешки с овсом для лошадей. – Погарцуют, а как под пули идтить, так и нет татарвы. Бузотеры, одним словом.

Улугбек Карлович Сомохов уверенности подьесаула не разделял. Сын немецкого ученого-востоковеда и персиянки, он впитал в семье рассудительность отца и темперамент матери. Эти противоположности уживались в нем так, что, долго принимая решения, взвешивая все

¹⁸ Пластуны – разведчики.

¹⁹ Под Ляоляном (август 1905) и Мукденом (февраль 1906) произошли самые кровопролитные сражения Русско-японской войны 1905 – 1906 гг.

за и против, он, определившись, исполнял задуманное со всем темпераментом потомков оттоманов. Вот и сейчас, решив держать оборону, он даже не слушал возражения студентов о том, что, дескать, стоило бы попробовать договориться. Мол, не волки же голодные, а люди кругом.

– Я этих людей перевидал, сколько вам и не снилось, господа. – Улугбек старательно щелкал затвором винтовки, проверяя и чистя его по ходу. – Этим только кончик страха покажи, дай денюгу маленькую – и не выйти нам из этой ямы.

– Но ведь они нас охранять обещали, Улугбек Карлович, – не унимался самый младший член экспедиции, Алексей Корчагин, студент первого курса. Он увязался в дальнюю экспедицию, чтобы уйти подальше от дома, и не раз уже об этом пожалел. – Они же не могут вот так вот. Раз – и в бандиты.

Горовой, слушая эту перепалку, только усмехнулся.

– Могут, Алексей Кондратович, могут. – Казак махнул в сторону балки, где обычно ночевали охранники. – Каб не могли, то костер развели б и спать легли. А так с вечера уси за балку сховались. Выдэ месяц, и яны выдутъ.

– Меня сейчас больше наша находка интересует. – Третий студент, Семен Альтман, поправил очки и мотнул головой в сторону статуи. – Мы ее полгода искали, а сейчас, вместо того чтобы описывать, фотографировать и зарисовывать, железяки чистим.

Студенты согласно закивали и, как один, повернулись к Сомохову.

Реплика была, конечно, скорее риторической, но отвечать на нее приходилось именно ему.

Слушая эти эмоциональные препирания уже в течение почти двух часов, глава экспедиции старался не накалять обстановку. На фоне эйфории от найденного сокровища даже нападение разбойников не казалось студентам значимым событием.

Сверху послышался хруст, и в храм скатился четвертый студент-практикант Афанасий Завальяня.

– В чем дело, Афанасий? – Тимофей Горовой не был доволен отлучкой стоящего «на часах» студента.

– Да вот, слышу, вы статую описывать собрались. – Студент был выходцем с Сибири, умел пользоваться оружием и стал единственным, кому Тимофей доверил дежурство.

Улугбек закончил проверять винтовку и подошел к кружку студентов как раз в момент, когда закипающий Горовой начал устраивать разнос Афанасию.

– Да ты на карауле стоишь или попысать до кустиков пошел? – ревел подъесаул. – А ежели, пока ты тут своим статуям хвосты крутить будешь, степняки подкрадутся? Ты свои опися нам на могилки замист квиток класти будешь? Гэть звидсуль.

Афанасий молча юркнул наверх.

– Ну-ну, Тимофей Михайлович, мы, право, не на плацу, а господа студенты – не казаки из вашей сотни. – Улугбек попробовал успокоить разошедшегося подъесаула. – Если и делают промашки, то только по молодости и отдаленности своих привычек от устава караульной службы.

Тимофей только зыркнул на руководителя экспедиции.

– Нету в военном деле худшего, ніж ушедший с поста караульный, – как маленькому, принялся разъяснять казак. – Ибо если заснувший постовой еще проснуться может, то ушедший с поста помочь своим товарищам, коих охранять должен, никак не может.

Улугбек примирительно поднял открытые ладони:

– Ладно-ладно. Караул – это только ваша прерогатива. – Тимофей, услышав незнакомое слово, нахмурился, и Улугбек добавил: – Вы лучше всех нас вместе взятых разбираетесь в этом и по праву командуете в эту минуту опасности.

Горовой приосанился, но ус крутить не перестал, что легко выдавало взволнованность эмоционального выходца из Малороссии.

– Кстати, господа, – теперь Улугбек Карлович обращался к студентам, – вы, я вижу, уже освоились с оружием, коим нас наделил любезный Тимофей Михайлович, и поглядываете в сторону статуи. Так вот...

Начальник экспедиции вздохнул и поправил винтовку.

– Пока нет гостей, мы сможем осмотреть находку и помещение за колоннадой. – Улугбек Карлович махнул рукой в сторону статуи богини. – На правах руководителя первым пойду я и... – Сомохов задумался. – Я и Тимофей Михайлович.

– Да что я в тэй бабе не бачыв?! – замахал руками подьесаул, но тем не менее встал и пошел за Сомоховым. – Разе шо за компанию, шоб цэ дьяволюки не скалились.

Под завистливые взгляды оставшихся около входа студентов Сомохов и Горовой пошли в глубину храма.

Факелы не давали много света, но и без солнца Улугбек видел, какое сокровище ему повезло откопать. Все смелые предположения были верны. Это была прекрасно сохранившаяся статуя богини, относящейся к культу Ардвисуры-Анахиты – богини земли, плодородия и женского начала, яркой представительницы пласта истории, слабо изученного современниками. Вернее, слабо изучен был культ Зороастры, культ же второй по значимости богини в веровании огнепоклонников был практически неизвестен. Только в общих чертах остались записи о том, что на определенном этапе культ богини даже перерос ту нишу, которая выделялась богине сущего и начал. Авеста уклончиво ссылается на времена, когда жрецы культа богини попробовали противопоставить себя даже самому Зороастре, но стрелы солнца сожгли их, и темная сущность Ардвисуры-Анахиты, ее первородная грязь, из которой солнце выбило жизнь, была развеяна.

По всем расчетам, расцвет храма богини, обнаруженной Сомоховым, приходился на этот период и поэтому был не только интересен.

Сомохов осветил статую.

Высокая, выше человеческого роста, статуя была выполнена скорее в античном, нежели в персидском стиле. Черты лица плохо различались, но отчетливо видны были все складки хламиды, властно вытянута вперед рука с ветвью, символом жизни. Левая, с жезлом, прижата к груди. Все это говорило об уникальности находки. В статуях богини, которые были известны до сих пор, Ардвисура-Анахита всегда протягивала жезл и прижимала к себе ветвь жизни. В этой же все наоборот: статуя прижимала к груди жезл, которым она дарует смерть, и протягивала вперед символ жизни – ветвь созидания, она же ветвь тлена и символ преходящего.

Вся статуя, за исключением жезла и ветви, была высечена из цельного куска камня. Жезл выполнен из сплава меди и украшен маленьким голубым кристалликом в навершии. Ветвь состояла из наборных металлических пластин, искусно сработанных в виде листьев омелы. Но главную ценность как для ученых, так и для грабителей представлял постамент статуи. По мнению ученого, постамент был сделан из сплава с высоким содержанием драгоценного металла и весь покрыт письменами. Язык Согда дошел до двадцатого века в виде фрагментов и большей частью остался неразгаданным. Надписи на постаменте же явно дублировались: друг под другом находились три блока текста, выполненных арамейскими буквами, египетскими иероглифами и согдийской вязью. Идеальный вариант для расшифровки.

Сомохов перекинул винтовку за спину, чтобы освободить руки.

– Посветите, пожалуйста, Тимофей Михайлович. – Ученый нагнулся к надписи на постаменте.

Горовой придвинулся поближе и недовольно заворчал. В отличие от археолога, ему не нравились ни статуя, ни храм. Будь его воля, подьесаул остался бы у входа, но он не хотел выказывать даже тени суеверного страха перед молодыми студентами.

– Что-то у статуи энтой камешек разгорелся на палке. – Горовой махнул головой в сторону жезла богини. Камешек в навершии действительно слабо светился в темноте.

Улугбек только отмахнулся:

– Это фосфор, наверное. Распространенный прием для восточных культов.

Археолог присмотрелся к наверху. Казалось, камень разгорается все больше и больше. «Забавный элемент», – подумалось Улугбеку.

Он опять перевел взгляд на надпись на постаменте. Рядом топтался и сопел Горовой. Свет от керосиновой лампы играл бликами, творя из знаков причудливую мешанину. Сомохов покрутил головой, стараясь выбрать оптимальную точку, и передвинул лампу чуть правее. Освещение стало лучше, но все равно что-то ему не нравилось.

Улугбек отступил, еще раз посмотрел и недовольно вздохнул:

– Нет, двумя нашими лампами всю надпись не осветить.

Ученый сделал шаг к статуе. Его правая нога неожиданно соскользнула в щель между плитами и подвернулась. Инстинктивно Сомохов попробовал ухватиться за что-нибудь, но, на его счастье, Горовой оказался расторопней, чем можно было ожидать от грузного казака. Подъесаул подхватил археолога почти у самого пола и не дал ему упасть.

– Что ж вы, господин хороший, – пробурчал казак, удерживая Улугбека и помогая ему подняться.

Сомохов виновато улыбнулся. Левая рука его, как в тисках, была зажата мощными ладонями подъесаула, а вот в правой... Правая рука сжимала жезл Ардвисуры-Анахиты.

«Вот так коленкор», – пронеслось в голове. Сказать Сомохов ничего не успел. В глазах вспыхнуло и померкло солнце, и, уже теряя сознание, Улугбек почувствовал, как напряглись держащие его ладони Тимофея.

3

1939 год. Декабрь. Окрестности Ладожского озера. Захар.

Захар Пригодько не был ни комсомольцем, ни коммунистом. Поэтому речь комиссара роты не произвела на него никакого впечатления. Взятый на фактории, куда он пришел сдавать накопившиеся за зиму шкуры, Пригодько за время подготовки в школе красноармейца так и не проникся до конца идеей классовой борьбы. И чем белофинны отличаются от просто финнов, он тоже не понял.

Зато Захар хорошо ходил на лыжах и метко бил из винтовки. Сейчас эти навыки для комиссара были важнее идеологической подготовки молодого бойца.

Три дня назад финские лыжники зажали их колонну, идущую на подкрепление героическим частям 8-й армии, пришедшей очистить землю Финляндии от помещиков и капиталистов. Зажали у самой кромки льда Ладожского озера. Летучий отряд финнов до трехсот человек, вооруженный минометом, двумя пулеметами и несколькими автоматами «Суоми», заблокировал двести сорок красноармейцев между лесом и водой и в течение трех дней сократил их количество до восьмидесяти человек. Потерь было бы намного меньше, но юный командир батальона, попавший в окружение, в первый же день поднял солдат на лобовую атаку, чем сразу уравнил численность противоборствующих сторон. Впоследствии он удостоится посмертной Красной Звезды.

Вчерашней ночью уже комиссар роты настоял на попытке прорыва вдоль Ладожского озера. Это стоило окруженным еще двадцати человек. Третью попытку они предприняли под утро третьей ночи, и на этот раз им повезло. Красноармейцам повезло... Повезло, что нападение финнов случилось напротив небольшой балки, где выжившие в двух первых атаках

солдаты смогли погреться у костров в двадцатиградусный мороз без риска получить пулю. Повезло, что у лыжников «патруля смерти» оставалось мало боеприпасов для миномета. Повезло в том, что в отряде оказалось несколько сибирских промысловиков, призванных в Ленинградский военный округ перед операцией «воссоединения».

Захар и еще двое земляков утром проползли лысую заснеженную проплешину, отделяющую спасительную балку от пулеметного гнезда противника, забросали последними гранатами лыжников и вместе с добежавшими под огнем второй огневой точки красноармейцами пошли в штыки. Тут советским солдатам повезло еще раз: накануне вечером половина финнов была переброшена в глубь территории, а оставшиеся лыжники летучего отряда противника, вымотанные тремя днями осады, большей частью спали, и яростной атаке осажденных, выкатившихся прямо на лагерь врага красноармейцев, противостояли заспанные, полувывлезшие из спальников стрелки. Если бы прорыв планировался на пятьдесят метров влево или вправо, то пришедшие в себя финны, возможно, рассеяли бы и третью попытку. Но воинам Красной Армии очень-очень повезло...

Захар уже восемь часов шел на лыжах на север. В слабом свете зимнего дня даже его острые глаза видели немного. Кожаные ботинки на меху со смешными загнутыми носами жали ногу, но в скобу на лыжах валенки не лезли, и Захар терпел трофейную обувь. Он привык уже к узким финским лыжам и вполне уверенно скользил по крепкому насту. После прорыва большая часть оставшихся в живых солдат отступила на восток вдоль дороги, прорываясь на звуки боя к своим, но Захар не считал, что это правильно. Если за три дня Красная Армия не пробилась на помощь, значит, на востоке такие же окруженцы.

Пригодько шел на север. Идти в глубь малозаселенной финской территории было опасно, и сибиряк надеялся, что именно этого от него никто и не ждет. Лыжи оказались даже лучше тех, что остались на заимке дома. Он был бы уже далеко, если б ход не замедляли сани с комиссаром.

Комиссар роты Борис Войтман был ранен, потерял много крови, но красноармеец верил, что доведет его живым до своих. Еще полчаса на север, переждать до утра и напрямик на восток. В свои двадцать он уже не строил иллюзий насчет распростертых объятий, с которыми его встретят. Вышедший в одиночку из окружения всегда вызывает много вопросов. Но вышедший с трофейным оружием (а в саних лежали два автомата «Суоми» с шестью полными кругляшами запасных магазинов) и с раненым командиром – такой солдат может даже рассчитывать на награду.

Захар остановился и прислушался. Утренняя поземка замела все следы, но рисковать Пригодько не хотел. Погони не было, а если и была, то далеко. Ветер укрыв снегом лыжные следы на плотном насте, и только отметины от лыжных палок могли выдать путь преследователям, поэтому последние пять километров Захар прошел без них. И устал он за эти пять километров больше, чем за предыдущие пятнадцать.

Лес был тих.

Ночной привал красноармеец сперва решил устроить на небольшом скальном массиве, возвышавшемся среди столетних елей. С высоты удобней обозревать окрестности, удобней держать оборону.

Захар вздохнул и осмотрел скалу еще раз. Такая удобная и пологая издалика, вблизи она оказалась почти вертикальным шпилем метров восьмидесяти высотой. Ни одного приметного подъема. О том, чтобы взобраться на этот «Тянь-Шань», нечего было и думать.

Боец повернул в обход. Силы были на исходе, и Захар выбрал ель повыше, под юбкой которой они с комиссаром и проведут время до вечера. Разлапистая лесная красавица стояла недалеко от отвесной стороны скалы.

Не самый плохой вариант.

Красноармеец запихал сани с комиссаром под ветки и полез следом. Еловые лапы настолько плотно прилегали к земле, что наметенный за зиму под них снежок не смог даже прикрыть столетний запас иголок.

Застонал в забытии раненый. Укрытый двумя офицерскими полушубками и двумя трофейными куртками, комиссар не мог замерзнуть. Захар поправил полушубки, достал из-за пазухи трофейную флягу с коньяком и влил немного в полуоткрытый рот командира. Тот закашлялся и затих. Красноармеец отхлебнул сам и спрятал флягу. Щеки Войтмана порозовели. Пригодько удовлетворенно хмыкнул и начал устраивать лежанку на ночь.

Укрылся третьей курткой, положил под правую руку «Суоми» и вытянул ноги. Правая нога во что-то уперлась, и раздался металлический щелчок. Во рту резко стало сухо. Не двигая ногой, Захар сел. Рассказы о растяжках и минах, которыми финны заполонили возможные проходы в глубь своей земли, были одной из самых распространенных тем во время перекуров в учебке. Всю дорогу на лыжах он не задумывался о них, но стоило раздаться характерному щелчку, и все страхи вылезли наружу. Нежно, как учили старожилы, он очистил иголки вокруг ноги... И вздохнул свободней. Нога уперлась в заржавелое металлическое кольцо, торчавшее из земли.

«Вот так-так, – пронеслось в голове. – Кажись, схоронку чью-то нашел».

Захар начал аккуратненько окапывать кольцо, обнажая крышку небольшого люка. Сделанная из мореных старых досок, щедро присыпанная иголками, крышка насчитывала десятки, если не сотни лет.

– Ого! – Красноармеец попытался поддеть крышку ножом. – Никак на тайник какого-то кулака финского нарвался. А то, может, и клеть.

После трех дней на сухарях мысли о копченой колбасе и сале нежным перепевом заиграли в голове молодого бойца.

Откопав крышку, Захар попробовал поднять ее, но вросший в землю люк, да еще прихваченный морозом, даже не шелохнулся.

– Что ж ты там такое хранишь? – прошептал Захар.

Подумав несколько секунд, он полез в сани и достал свою винтовку. Штыком тщательно выколот весь лед по периметру и, где смог, из щелей между крышкой и основанием, освобождая колодец лаза. Прочистил кольцо от снега, засунул внутрь ствол винтовки и, используя его как рычаг, попробовал еще раз поднять крышку. После пяти минут сопенья, когда казалось, что или винтовка, или спина треснут, в люке что-то хрустнуло, и в лицо ему глянуло темное нутро подземного хода.

– Ну-ка, кто тут? – Захар смело сунул голову в открывшийся проем. Вместо ожидаемой кладовой охотника с подвешенными шкурами, копчеными окороками и рыбинами или хотя бы с мешками зерна и бочонками с топленным жиром он увидел только убегающий в темень лаз с обложенными камнем стенами. – Или эта схоронка больше, или... – Захар задумался. Посидев так минуту, он встал, подошел к саням и вытянул мешок с запасными магазинами к автомату. Хотелось спать и есть. – Я ненадолго, комиссар. Только погляжу, что там за ямина, и сразу назад. Я лампу твою возьму, ладно?

Войтман не ответил, да Захар и не ждал ответа. Красноармеец подхватил трофейный «Суоми», командирский фонарь электрического света, догнал патрон в ствол и нырнул в лаз, аккуратно подперев крышку хворостинкой.

– Если там и нет чего пожрать, то хоть в безопасности пересидеть сможем, – подбадривал себя Захар, протискиваясь по узкому лазу.

Фонарь давал узкий лучик света. Мрак, окружавший бойца, казался живым. Будто ватная подушка, мягкая и обволакивающая, темнота стремилась залезть в каждую частичку окружающего Захара пространства. Стало заметно холодней. Звуки леса, еще проникавшие в лаз около входа, при продвижении в глубь окончательно исчезли, и на уши почти физически ощутимо

навалилась тишина. Захара передернуло. Лаз кончился внезапно у подножия такой же узкой винтовой лестницы, выбитой прямо в породе скалы.

Теперь двигаться можно было только вверх. Боец сглотнул и задрал голову. Лучик света терялся на ступенях, не давая и примерного представления о том, как далеко тянется лестница.

– Нельзя сейчас назад, – шепнул красноармеец, подбадривая себя. – Ежели здесь что-то полезное и есть, то только по этой лесенке. Ничего, сдюжим.

Начался подъем.

По горам карабкаться Пригодько приходилось редко, ходить по лестницам еще реже. Дышать в застоявшемся мертвом воздухе было, нелегко, а тут еще начали вылезать позабытые детские страхи.

«Уж не в гости ли к королеве-ящерке я попал? – Вспомнились сказки деда Трофима, рассказывавшие непослушным внукам на ночь. – Только там стены малахитом обиты должны быть».

Малахит Захар не видел, но знал, что он зеленого цвета. А здесь камень на стенах был обычный, такого сибиряк перевидал достаточно. На сердце немного отлегло. Зато проснулись другие страхи. Красноармеец подтянул автомат.

Лестница кончилась. Перед глазами была дверь из мореного древнего дуба, украшенная одной полоской тухлявой стали с железной маской, изображавшей оскаленную морду то ли волка, то ли лисы. Захар попинал преграду плечом, поднатужился, попробовал сдвинуть вверх или вбок. Дверь стояла как влитая. Фонарик комиссара еле тлел, и его слабый лучик уже не мог разогнать тени.

– Что ж за хренотень-то, – выругался в сердцах парень и, уже от отчаянья, врезал прикладом автомата по звериной маске. Та внезапно просела внутрь, и стена с легким хрустом скользнула вправо.

В тоннель влетел свет и свежий воздух.

– Эй, есть тут кто? – Лезть дальше Захару хотелось все меньше.

Никто не ответил.

Захар выждал еще пару минут, перехватил автомат и шагнул вперед.

Он стоял посреди круглого, выбитого в скале зала. Диаметр – полтора десятка шагов. Стены зала были покрыты изморозью, из-за чего несколько лучей солнца, пробивающихся через расщелину в стене, буквально заливали зал светом. Посреди высилась статуя какой-то бабы в старорежимных тряпках. В женской одежде и в скульптурах Захар не разбирался, но разницу между статуями из парка культуры и отдыха и этой почувствовал сразу.

Лицо женщины дышало. Статуя, вырезанная из цельного куска камня, стояла на какой-то желтой подставке, загаженной птичьим пометом. У груди женщина держала палку со слабосветящимся голубым камешком, а вторую руку, со странной веткой, протянула вперед.

Боец еще раз осмотрелся. Больше в зале ничего не было.

Разве что... металлическая табличка стояла у ног изваяния. Захар поднял ее. В детстве дед пробовал его учить читать и писать, но внук учиться не любил. Позднее в школе красноармеец Пригодько усердно штудировал буквы и даже выучил такие важные слова, как «Ленин» и «Сталин», но на большее Захара не хватило. Однако и его знаний было достаточно, чтобы понять, что на табличке написано явно нерусскими буквами. Причудливая вязь больше походила на язык империалистов, и красноармеец захотел даже оставить табличку, но... передумал и засунул ее за пазуху, выкинув на пол пещеры запасной диск от автомата.

«Пойду комиссара перетащу сюда». Захар выглянул в щель. Лес прекрасно просматривался на многие километры.

Лучшего наблюдательного пункта не найти.

Войдя в тоннель, он обернулся и удивился яркому свечению камня на палке статуи.

Странный камень. Захар вернулся и выдрал из рук статуи палку со светящимся камешком. Фонарь светил тускло, а в туннеле такой светильник лучше, чем никакого. Уже поворачиваясь, он заметил, как вспыхнули ярче миллионы снежинок, покрывающих стены.

– Что за... – успел прошептать красноармеец, прежде чем в его глазах миллионы снежинок превратились в миллионы солнц.

4

Окрестности Ладожского озера. Лето. 1999 год. Костя

Костя Малышев дал рукам отдохнуть, прежде чем тянуться к следующему уступу. Солнце еще не вышло в зенит, а день уже обещал стать настоящим пеклом. За последние сорок минут он прополз по этой скале почти двадцать пять метров. До расщелины было еще метров пятьдесят, и Костя рассчитывал успеть к полудню. У него в запасе часа три, и спешить здесь не следует. Косте и так повезло, что первый костыль пришлось вбивать после двенадцати метров.

Он перевел дух и потянулся вверх. Правая нога довольно удачно примостилась на пятисантиметровом уступчике, а вот под левую пришлось забить костыль. Рывок – левая рука захватила удобный выступ скалы. Теперь оставалось правой достать костыль и вогнать его в маленькую трещину в породе.

Костя не был «пауком», способным забраться на любую скалу с помощью мела и рук. Собственно, даже профессиональным скалолазом его назвать было нельзя. Костя был фотографом. По крайней мере, работал им.

В свои двадцать пять лет он не мог сказать, что окончательно определился, чем будет зарабатывать на жизнь. Хорошее образование, данное родителями, спортивная фигура, навыки джиу-джитсу, дзюдо, а также игры на гитаре (пять лет в музыкальной школе), – всего этого было недостаточно для успешной трудовой деятельности.

Работа клерком в офисе на протяжении следующих сорока лет не казалась пределом мечтаний. К бизнесу Костя тяги не чувствовал. Торговаться вроде умел, но не любил и поэтому постарался найти что-нибудь творческое, связанное с разъездами. На данный момент он работал фотокорреспондентом московского отделения издательства «Globus», выпускающего журналы «Animal Planet» и «Wild Life».

Птичек и зверюшек Костя любил в меру, но возможность ездить по всему СНГ за счет издательства, социальный бонус, включающий подержанную «Ниву», и неплохой, даже по меркам Москвы, оклад четко определили его место в жизни, по крайней мере на несколько ближайших лет.

Сейчас Костя лез за белым вороном. Курт Зайнер, начальник подразделения, распорядился сделать фотосессию семейства бурых медведей. Но местный егерь божился, что на скале живет настоящий белый ворон. Ворон-альбинос, живущий на свободе, – настоящий раритет природы, и Костя решил подработать.

Все знают, что медведей лучше фотографировать на Сахалине. Или за Байкалом. Там их много, и пуганы они слабо. Да вот только Курту заказали серию репортажей о прелестях Карелии, и последний месяц Костя провел именно здесь. Мишек он отснял на удивление быстро, но погода ему нравилась, с егерями он подружился, возвращаться в Москву не хотелось, и Малышев поехал к скале.

Через пару месяцев можно будет продать издательству снимки белого ворона, как перекупленные у знакомого фотографа. Прирабатывать на казенных командировочных, конечно, было запрещено, но жизнь есть жизнь, и на работе сквозь пальцы смотрели на такие халтурки.

До щели в массиве, где жил, по словам егеря, уникам птичьего мира, он добрался, когда солнце уже щедро залило всю скалу июльским жаром. Обливаясь потом и поминутно засовывая измазанные руки в мешочек с мелом, Костя перевалился через расщелину в приятный после яркого солнца полумрак и рухнул во что-то мягкое. Глаза еще ничего не могли разобрать в темноте. Солнце редко заглядывало в эту пещерку, и фотограф наслаждался полумраком и прохладой после слепящих жгучих лучей, многократно отраженных от кристалликов кварца на поверхности скалы. Отлежавшись, Костя затащил в пещеру сумку с фотоаппаратом и фильтрами и страховочный трос – ворон не залетит сюда, если увидит свисающую веревку. Потом он огляделся.

Увиденное заставило фотографа вскочить.

Посреди небольшого овального зала, то ли выбитого в скале, то ли вполне естественного происхождения, стояла статуя. Статуя женщины в греческой или римской тоге, а может, в индийском сари – в женских тряпках Костя слабо разбирался. Богиня или кумир, вырезанный из цельного куска камня. Постаментом статуе служил небольшой, весь исписанный письменах или рунами кусок желтоватого металла. Черты лица статуи были достаточно грубы и мало походили на черты лица реальной женщины.

Костя начал приходить в себя. Дело оказывалось куда более значительным, чем снимки ворона-альбиноса. Накинув на шею сумку с фотоаппаратом, он подошел к статуе.

Вблизи на камне были заметны грубые следы резца.

– Да тебе ж, малая, сотни годков-то, – присвистнул фотограф, обходя постамент.

Под ногой что-то хрустнуло.

Фотограф отпрыгнул в сторону и посмотрел вниз. Там лежал проржавевший в труху дисковый магазин от автомата. По полу пещеры рассыпались латунные патроны.

– Фигня какая-то, – прошептал Костя, обходя диск стороной. Автоматическое оружие не вязалось с древним видом находки.

«Бля, да это ж культ какой-то, – пронеслось в голове. – Они ж здесь ритуалы небось кровавые творят».

Кто «они» – Костя не задумывался. Зато понял, что лазать в зал через расщелину не очень удобно для любой секты. Он осмотрел стены скалы за статуей и нашел тяжелую дверь из векового мореного дерева. На высоте груди посреди двери висела маска волка. Металлическая маска выглядела намного старше автоматного диска.

В голове фотографа начали проноситься кадры любимых фильмов об Индиане Джонсе. Напороться на хранителей таинственного культа посреди Карелии! Но, как говорится в известном сериале, – «Truth is out there»²⁰.

Костя достал из сумки револьвер. Гордость и предмет зависти знакомых, «смит-вессон», Костя получил год назад, после того как в одной из командировок на Дальний Восток его чуть не зарезали китайские браконьеры. Курт выбил для Кости разрешение на хранение и ношение оружия и дал карт-бланш на покупку револьвера за счет фирмы. Герр Зайнер уточнил, что револьвер может быть любой марки, но должен быть без наворотов, насечек серебром и прочих лазерных прицелов, то есть максимально стандартный. Через два часа начальник отделения уже пожалел о своем щедром предложении, так как Костя приволок самый дорогой стандартный револьвер из имеющихся в магазине: новый спортивно-защитный «смит-вессон» семнадцатой модели с барабаном на десять патронов, рукояткой из твердой резины, отбалансирован-

²⁰ «Истина где-то рядом» – заэкраный перевод слогана сериала «X-files».

ный под его руку, в комплекте с оптическим и коллиматорным прицелом и пачкой дорогуших патронов 0,22 «лонг райфл». Лазерный целеуказатель он не купил.

Теперь, с револьвером на изготовку, он медленно подошел к двери. Ничего не произошло.

Постояв минуту, Костя несильно толкнул преграду. Дверь оказалась заперта. Фотограф толкнул сильнее. Подождал еще минуту и навалился на нее уже всем телом, но она стояла намертво. Осмотрев дерево проема еще раз, Малышев засунул пистолет за пояс и попробовал сдвинуть, проверить или приподнять дверь.

Устав, последователь экранного образа Хариссона Форда отошел обратно к статуе. Взгляд отметил какой-то голубой отблеск. Костя нагнулся и в куче вороньего помета выковырял небольшой медный жезл. В наверху слегка поблескивал маленький голубоватый камешек полсантиметра в диаметре.

Малышев присмотрелся к статуе. Богиня прижимала к груди пустую руку, в которой явно чего-то не доставало.

«А жезлик-то в руке должен быть, – подумал Костя и вложил брусок со слегка вспыхнувшим камнем в свободную руку богине. – Вот так вот».

Он даже успел удовлетворенно хмыкнуть, прежде чем окружавший его полумрак разлетелся сотнями солнц, залив сознание ослепляющим светом.

5

Окрестности Ладожского озера. Февраль. 1095 год

Голоса...

Чей-то хриплый бас на самом краю сознания с украинским акцентом склонял по матери чью-то родословную. Не останавливаясь и не повторяясь, голос перечислял, кто, зачем и в какой последовательности участвовал в создании генеалогического древа второго участника разговора и какие новые представители животного мира украсят ряды его потомков своим присутствием.

Малышев открыл глаза.

Он лежал в комнате, даже, скорее, в зале с невысоким закопченным потолком. Попробовав встать, Костя с удивлением обнаружил, что связан по рукам и ногам. По-видимому, он был связан давно, так как руки из-за пуга совсем онемели и практически не чувствовались.

Рядом кто-то ругался – смачно, хотя и несколько монотонно:

– Да я таких, як ты, на кирмашу лейцами гонял и гонять буду, скоморох ху...в. – Невидимый голос не стеснялся в выражениях. – Я козак, мой отец, дед и прадед козаками были, и своими фокусами ты кобылу мою пугай, казалуп занюханна.

Обладатель возмущенного голоса медленно выхаркался и смачно плюнул, попробовал что-то еще сказать, но кто-то молчаливый и нетерпеливый, кому предназначались эти тирады, не выдержал. Послышались звуки глухих ударов.

Мягкий перелив чуждой речи прервал невидимое избиение. Язык был непонятен Косте, но по тону реплика более всего походила на упрек. Удары немедленно прекратились.

Тот же мягкий переливчатый голос уже по-русски спросил:

– Козак, или как тебя еще зовут, воин, скажи, не приходили ли на твою землю боги? – Голос помолчал, подбирая слова, и продолжил: – Может быть, ты знаешь о пришествии с небес

сильных богов, схожих с людьми? Может, вы сами летали к звездам? Расскажи, и я верну тебя назад, воин.

Но собеседник у невидимого следователя был крепок. Послышались все те же харкания, завершившиеся смачным плевком. Удары возобновились.

Костя попробовал перекатиться на бок, чтобы видеть хоть что-нибудь. С третьей или четвертой попытки Малышеву удалось повернуться к разговаривающим, но вместо них он оказался лицом к лицу с еще одним связанным человеком. Вид его серьезно подорвал веру Кости в реальность происходящего.

На расстоянии вытянутой руки лежал красноармеец в потертом зимнем кожаном и шапке-ушанке. Загорелое обветренное крестьянское лицо, крепкие руки с обкусанными ногтями, стянутые кожаными путами на груди, и автоматный магазин времен Второй мировой рядом выглядели до крайности необычно и как бы даже немного потусторонне. Особенно потрясло Костю то, что затертый кожаный красноармейца (это летом-то!) совсем не выглядел маскарадным костюмом.

«Ерунда какая-то, – пронеслось в голове. – Кино, что ли? Да я, наверное, в декорации влез какие-то. – Мозг старательно искал логические объяснения случившемуся. – Вылез через скалу в декорации, надумал секту себе – и пистолетом размахивать. Меня и бахнули по башке, чтобы не навредил кому. И пистолет забрали... И связали... на всякий случай, наверное».

Версия выглядела логичной.

Помутнение прошло. Сквозь дырки в потолке пробивались солнечные лучики. Пора было выбираться из этой ситуации и доказывать киношникам, что Костик – не обкурившийся дурик с вольной за пазухой.

Он постарался привлечь внимание.

– Эй, люди! Эй!! Я вас слышу. Подойдите сюда!

Звуки ударов прекратились.

Кто-то приблизился к Косте и рывком перевернул на спину.

Фотограф поперхнулся. За грудки его держало зеленокожее чудовище с мордой бабуина и красными безумными глазами. Клыки торчали из-за нижней губы.

– Ты х-хаво назвал людей, человек? – просипело создание, роняя на лицо Малышеву слюну.

В горле вопрошаемого мгновенно пересохло. Надо было что-то ответить, тем более что и чудовище замерло в ожидании, однако изо рта человека вырвался только нечленораздельный сип.

Костя начал вырываться, но тварь держала его крепко. Существо, походившее на гибрида обезьяны и персонажа «War Crafts», придвинуло морду ближе к Малышеву и, обдавая при каждом слове волной смрада из пасти, начало медленно повторять вопрос:

– Хаво ты людей назвал, чело... – Но договорить оно не успело. Из глубины зала раздался повелительный окрик, и чудовище послушно отпустило Костю.

Спустя мгновение к замершему фотографу подошло еще одно странное существо. Будто вышедший из сказок не то волхв, не то друид. Низкого роста, сухощавый старичок в белом до пят балахоне из грубоватой холщовой ткани, подпоясанный наборным ремнем и с клюкой в руке.

– Ты-то будешь отвечать, воин? – Старичок задавал вопросы на довольно правильном русском, слегка растягивая слова, как эстонцы или латыши.

Малышев затравленно перевел взгляд с чудовища на волхва и кивнул головой.

– Хорошо, – удовлетворенно улыбнулся старичок. Сухие руки перехватили поудобней посох. – Ответь мне, воин, приходили ли на твою землю боги с небес? Может, ты слышал что-нибудь в легендах? Может, люди со звезд спускались к вам?

«Псих какой-то», – пронеслось в голове Константина. Происходящее явно не хотело входить в понятные рамки реальности и продолжало издеваться над нестойкой психикой горожанина.

– Где я и кто вы? – вместо ответа просипел он.

Старичок укоризненно по-доброму покачал головой.

– Это неправильный ответ. – Волхв слегка шевельнул кистью руки, и зеленокожее чудище, ослабившись, начало пинать Малышева в живот.

Уже второй удар попал в солнечное сплетение, и парень согнулся пополам от боли. Старичок остановил чудище и повторил вопрос:

– Были ли к вам визиты богов со звезд, воин? Может, вы сами начали летать к звездам?

Откашлявшись, Костя быстро замотал головой:

– Я скажу, скажу. Было, были. Прилетали, Малдер не даст соврать. И сами мы летали, только пока не дальше Луны. – Он перевернулся и посмотрел на заинтересованного старичка. – Только не бейте больше и скажите, где я?

Чудище попробовало опять начать бить связанного, но волхв придержал его. Медленно он обошел вокруг Малышева. Задумчиво причмокивая, кивнул и что-то сказал чудищу. То обиженно мяукнуло в ответ. Старичок повторил приказ уже громче, и монстра как ветром сдуло. Волхв опустил на корточки возле Кости:

– Расскажи мне, что ты знаешь о полетах к Луне.

Малышев понял, что пересказом «Икс-файлс» уже не обойтись. Память услужливо выдало фамилию Армстронга и историческую фразу о «маленьком шаге для человека, но большом прыжке для человечества». Но ерничать не тянуло, а факты поконкретней что-то не всплывали. Насчет того, где он и кто такие этот старичок с чудищем, Костя решил не спрашивать до времени.

Слегка запинаясь, путая имена и даты, он за двадцать минут популярно пересказал историю космонавтики в СССР и США, отметил, весьма приблизительно, основные даты в освоении ближнего космоса и рассказал о планах путешествия на Марс.

Старичок выслушал его молча. Когда связанный фоторепортер закончил, разочарованно покачал головой:

– Это все не то, воин. – Волхв собирался с мыслями. – Скажи, были ли контакты у вас с другими людьми со звезд? Прилетельцев?

Теперь задумался Костя. Пересказывать байки деду не хотелось. Не выглядел дедок с цепным Франкенштейном добрым свихнувшимся уфологом. Зато очень походил, строго говоря, на законченного психа и, судя по неестественно вытянутым зрачкам, изрядного наркомана, а может, даже и убийцу фотографов и красноармейцев.

Малышев начал издали:

– Есть люди, которые говорят, что встречались с людьми с других планет и других звезд.

Старичок заинтересованно придвинулся. Но дослушать историю создания обществ поиска контактов со внеземными цивилизациями ему не дали. Юркий паренек, на вид пятнадцати-шестнадцати годков, позвякивая черненой кольчугой и длинным мечом, подбежал со спины волхва и взволнованно затараторил что-то. Говорил он неожиданно баритоном.

Связанному Косте не было видно лица прибежавшего, но эмоции на лице старичка менялись, как картинки. Видно, случилось что-то не очень приятное.

Волхв повернулся к Малышеву и удрученно крикнул:

– Плохо, что не удастся нам поговорить, воин. – Старичок покачал головой. – Ты начал рассказывать действительно интересные вещи.

Волхв задумчиво пошлепал губами и, приняв какое-то решение, встал:

– Прощай, воин.

Костя проводил глазами волхва, услышал, как хлопнула далекая дверь, и перевел взгляд на паренька в кольчуге. Оказалось, что это никакой не подросток, а взрослый мужичок невысокого роста с широкой грудью, крепкими руками, хотя и очень тонкими ногами.

Лицо воина было гладко выбрито и очень серьезно. После ухода старичка он быстро, молча осмотрел карманы и пояс Кости. После чего все с тем же серьезным выражением лица достал из ножен на поясе короткий кинжал и нагнулся к лежащему.

– Ты что делать собрался? – Костя не был уверен, что услышит ответ, но не задать вопрос не мог.

Вместо ответа мужичок коротко взмахнул рукой, всаживая кинжал в грудь Кости. Все выглядело настолько обыденно, что тот даже не успел испугаться или среагировать как-то иначе. За него это сделали другие.

За долю секунды, которая отделяла отточенное лезвие от груди фотографа, кто-то молча обрушился на спину мужичка, свалив его с ног. Костя закрутился юлой и перевернулся.

На полу, извиваясь, душили друг друга неудавшийся убийца и связанный красноармеец. Симпатии Малышева, учитывая сложившуюся ситуацию, были однозначны. Улучив момент, когда голова удушаемого, но размахивающего кинжалом тонконового воина оказалась поблизости, он со всей силы врезал по ней связанными ногами. Обладатель кольчуги обмяк и затих.

Красноармеец, шумно дыша, откатился в сторону, для верности напоследок двинув противника головой об пол.

Теперь они с Костей рассматривали друг друга.

Красноармеец заговорил первым. Медленно выговаривая слова, как будто обращаясь к больному или слабоумному, он произнес, ткнув себя кулаком в грудь:

– Захар. Пригодько. Рот-фронт. СССР, – и ожидающе замолк.

Костя, подумав секунду, ответил:

– Костя. Малышев. Москва. Россия, – и тоже замолк.

Реакция красноармейца, которого, по-видимому, звали Захар, была понятной.

– Бля. – Захар выдохнул. – А финны где? Ты что – тоже из окруженцев?

Костя отрицательно замотал головой:

– Я из фотографов.

Захар нашарил кинжал стражника и деловито разрезал кожаные путы на своих ногах.

– Зря ты сюда полез, фотограф. Фотографировал бы себе деток да стройки пятилетки. А на войне воевать надо, а не с камерой промеж окопов шастать. Как к финнам попал?

Костя задумался. Вопрос был произнесен на чистом русском, но смысл немного ускользал.

– К каким финнам? – осмелился он на встречный вопрос.

Захар, порезав путы на своих ногах, деловито освободил собственные руки и присел к Косте.

– К каким-каким... К пособникам мирового капитализма и угнетателям трудового финского народа. К клике Маннергейма²¹.

Уверенности в словах Захара не было ни на грош. Видимо, и на него окружающая обстановка действовала. Костя, робко поглядывая на кинжал в руках явно сдвинутого красноармейца, возразил:

– Так кончилась война-то. Давно.

Красноармеец смутился:

– Как кончилась? Вчера еще ж наших из-под Раате тур... – Он запнулся. – Мы, эта-а-а... отошли на перегруппировку сил для дальнейшего удара.

²¹ Карл Густав Эмиль Маннейргейм – маршал и глава Финляндии во время Советско-Финской войны 1939-1940 гг.

Костю серьезно расстраивала ситуация, в которой он уже со вторым человеком разговаривал связанным.

– Солдат, ты мне руки и ноги развяжи. А то, не ровен час, налетят кореша этого недомерка и нас с тобой в капусту покрошат.

Будто почувствовав, что разговор пошел о нем, стражник начал подавать признаки жизни. Захар нагнулся к нему с кинжалом, но Костя его остановил:

– погоди. Ты что, Захар, про языка не слыхал? Ни ты, ни я не знаем, где мы и кто вокруг. Не похожи эти ребята на белофиннов. Да и война лет пятьдесят как кончилась.

Захар стукнул по лбу стражника рукояткой кинжала и, недобро хмурясь, повернулся к Константину:

– Ты путаешь что-то, фотограф. Война идет. А закончится она тогда, когда мы Хильсинки, или как их там, тамошние возьмем и освободим угнетенный финский народ из лап капиталистов и кулаков-эксплуататоров.

Тем не менее Захар хватко разрезал путы на ногах и руках Малышева. Тот благодарно посмотрел на Захара и начал растирать руки.

– Бог с тобой, солдат. Война с финнами, так с финнами. Правда, когда я родился, мы уже почти лет тридцать как и финнов, и немцев, и японцев, мать их, победили.

Костя массировал ступни, восстанавливая кровообращение.

Захар сидел напротив, разглядывая одежду и ботинки Малышева.

– Слышь, фотограф. А ты, часом, не из контры будешь? Чтой-то одежда на тебе ненашенская.

Костя быстро отодвинулся от красноармейца.

– Я тебе, Захар, сейчас одну новость скажу, но ты на меня с ножом не кидайся, лады?

Захар подумал и мотнул головой:

– Лады, фотограф. Давай политинформацию.

Костя тщательно подбирал слова.

– Видишь ли, Захар. Война, про которую ты говоришь, между финнами и СССР закончилась больше пятидесяти лет назад. И мы, СССР, победили.

Захар хмыкнул:

– Еще б мы не победили. Только это ты ошибаешься, фотограф. Война идет. Как она могла закончиться пятьдесят лет назад, когда я еще вчера от этих самых финнов дра... отсту... перегруппировывался.

Костя начал по-другому:

– Как по-твоему, Захар, который сейчас год идет?

Пригодько замолчал, посмотрел в потолок, пошевелил губами и ответил:

– Одна тысяча девятьсот тридцать девятый от рожд... Просто одна тысяча девятьсот тридцать девятый. Декабрь месяц.

– Во-от, – удовлетворенно произнес Константин. – А я родился в тысяча девятьсот семьдесят четвертом году. Ну-у? Понимаешь?

Красноармеец насупился и поиграл кинжалом.

– Что ну? Дурак ты или блаженный. По-твоему, так и товарищ Сталин Иосиф Виссарионович – не генеральный секретарь?

– Так я о чем, – радостно загомонил Малышев. – Помер Сталин твой, лет уже как сорок.

– Ты говори-говори, да не заговаривайся. – Захар явно начал выходить из себя. – Ты сейчас такое сказал, что, будь мы на большой земле, тебя б... сам знаешь куда забрали.

Захар поскреб голову.

– Не то ты говоришь, парень. Но ты хоть из русских. А этот... – Захар пнул ногой бессознательного стражника. – Хрен его знает, чей. Может, и не финн.

Костя улыбнулся, осознавая, что до Пригодько начало доходить хоть что-то. Но Захар продолжил:

– Может, это немец или франкист какой.

Этот разговор прервал протяжный стон, раздавшийся в углу зала.

Переглянувшись, они поднялись на ноги и пошли на звук. Вскоре наткнулись еще на одного связанного. Гладко выбритый невысокий сухощавый мужчина средних лет с нехарактерными для блондина восточными скулами лица, одетый в шорты и старомодный френч с короткими рукавами, был связан так же, как и недавно они. Блондин слегка постанывал, крутился и явно собирался очнуться. Пригодько по-дружески пнул связанного, и тот открыл глаза. Сказать, что в них при виде красноармейца и фотографа появилось изумление, значит не сказать ничего. После попытки осмыслить увиденное у него перехватило дыхание.

Молчание нарушил Захар:

– Тебя как зовут, мил человек?

Блуждающий взгляд связанного блондина остановился на Косте, потом медленно перешел на Захара. Губы с трудом открылись, и узник просипел по-русски:

– Где я?

Захар улыбнулся.

– Мы вот с этим товарищем поспорили. Он утверждает, что освобождение финского народа закончилось пятьдесят лет назад, а я говорю, что война с белофиннами идет сейчас. Рассуди ты нас, мил человек.

Связанный перевел взгляд с Кости на Захара и мотнул головой:

– Бред какой-то. Зачем России воевать с собственной губернией? Кто меня связал и кто вы?

Малышев взъерошил волосы, повернулся к красноармейцу:

– Захар, я начинаю понимать. – Он еще раз осмотрел одежду Пригодько и связанного человека. – Захар, который, ты сказал, сейчас год идет, по-твоему?

Красноармеец хмыкнул:

– Как какой? Одна тысяча тридцать девятый. То есть одна тысяча девятьсот тридцать девятый.

– Вот, а по-моему, одна тысяча девятьсот девяносто девятый. – Он обернулся к связанному: – А по-вашему, какой сейчас год?

Связанный блондин покачал головой, отгоняя что-то, даже попробовал взмахнуть рукой.

– Бред какой-то. – Русский язык связанного был безупречен. – Одна тысяча девятьсот шестой от Рождества Христова. – Да впрочем, что случилось? Вы из людей Калугумбея?

Блондин огляделся и попробовал приподняться.

– Где студенты? Горовой? Где моя статуя?

Слово «статуя» одинаково подействовала на остальных участников разговора.

Захар посмотрел сначала на Костю, тот на него, оба – на связанного блондина.

– Точно. Статуя... Баба в тряпках. Я до нее дотронулся... – Рука Захара дернулась ко лбу, но вовремя остановилась. – Бесовщина.

Костя замотал головой:

– Я тоже за палку какой-то богини схватился. Только ерунда это.

Блондин затряс связанными руками:

– Что ерунда? Где студенты? Кто вы такие и почему я связан? Статуя – собственность Императорского географического общества, и за нее вы ответите. – Он, не прекращая, крутил головой. – Где Горовой? И развяжите меня, в конце-то концов.

Красноармеец почесал затылок:

– Ладно. Русский человек, по всему видно.

Связанный блондин выдал длинную тираду из сквернословии.

Захар нагнулся к нему и разрезал веревки.

– Русский, и то помощь. А контра ты или, допустим, из пролетариев, так это опосля завсегда выяснить можно.

Костя уже начал выкладывать в уме частички мозаики. Выглядело пока все достаточно абсурдно и ненаучно, но не абсурдней зеленокожих страшил и связанного красноармейца, думающего, что он находится в тридцать девятом. Когда закончилось освобождение блондина от пут, Малышев осмелился, как говорится, вынести версию на рассмотрение:

– Если отбросить вариант, будто нас собрали в психушке, то получается, что мы все, типа, из разного времени: шестой, тридцать девятый и девяносто девятый год двадцатого столетия.

6

Блондин хмыкнул, растирая руки, Захар оторвался от созерцания необычной одежды блондина и перевел взгляд на Костю:

– Ты, фотограф, конечно, поумней меня будешь, но я все-таки не слыхал, чтобы люди по годам скакали, как тот козел через забор. Да и будь ты из коммунизма, как наш комиссар говорил, ты б по-другому выглядел.

Обладатель шортов завертелся, оглядываясь, встал и, не обращая внимания на спорщиков, начал обходить зал. Первым среагировал Захар:

– Эй, товарищ, ты чего, потерял что, а?

Тот отмахнулся. Стоял и рассматривал какое-то темное пятно у собственных ног. Лучи солнца, пробиваясь сквозь щели в потолке, давали достаточно света, чтобы не споткнуться о неровности, но не более того. Костя подошел к увлеченно рассматривающему пол третьему участнику их группы.

– Потеряли что, гражданин? Кстати, мы не были знакомы. Меня зовут Костя, фотограф, а вот этого молодого поборника свободы финского народа от финского народа зовут Захар.

Блондин поднял слегка отрешенный взгляд, подслеповато щурясь на Костю близорукими глазами:

– Очень приятно. – Он оглядел придиричиво своего собеседника и представился в ответ: – Улугбек Карлович Сомохов. Археолог.

После секундной заминки, связанной с тем, что темы для разговоров временно оказались исчерпаны, археолог вернулся к рассматриванию пятна на полу.

– Ищем что-то, Улугбек Карлович? – поинтересовался Малышев.

– Да, знаете ли, Константин, потерял очки, вот не могу разобрать, что на полу. – Сомохов старательно щурился. – Я не буду сейчас с вами обсуждать вашу диковинную версию о разных временах и прочее, что, кстати, абсолютно антинаучно. Меня беспокоит судьба моих товарищей. А пятна на полу очень похожи на кровь.

Археолог повернулся к Захару:

– Милостивый государь, может быть, вы видели еще кого-нибудь?

Обращение «милостивый государь» подходило к небритому Захару как батистовый платок к портянкам, но в данной ситуации это не смутило ни того ни другого.

Захар, деловито вытряхнувший стражника из его одежды, связывал бесчувственного охранника его же ремнем и на вопрос только отрицательно покачал головой. Зато в Косте замечание Улугбека разбудило воспоминания.

– Кстати, перед тем как меня местные допрашивать начали, я тут хохла одного слышал. Его о богах с небес спрашивали, а он все матерился и «на х...» их посылал.

Археолог вскинулся:

– Ну и где же он?

Костя посмотрел себе под ноги.

– Нет его здесь. Унесли куда-то. Собственно, к разговору о чудесах. Меня тут до того, как в расход приговорить, такой битюг допрашивал, я его спросонья за обезьяну-переростка принял.

Захар закончил вязать стражника, засунул ему в рот кляп, сделанный из рукава рубашки, и вступил в разговор:

– Не знаю, как там про обезьянов, я их не видел. Но тебя такая зверюга тискала, я думал, такие только в сказках бывают. А вообще, я так думаю, товарищи. Ежели мы не хотим дожидаться, пока эти холуи империализма позовут подкрепление, то надобнать нам отседова дергать. Не ровен час, подойдет помощь к энтому. – Пригодько ткнул носком сапога в связанного стражника. – А у меня, к примеру, только вот – ножичек. – Захар поднял и взвесил в руке меч стражника. – Да запасной магазин от винтаря финского.

Малышев и Сомохов переглянулись.

– Верно, – поддержал Захара Костя. – Не рады нам здесь. Но мы не знаем, где мы и кто – эти. Может, расспросим стражника?

Захар деловито пробовал натянуть узкую броню на свою зимнюю одежду. В конце концов плюнул, снял кожух и надел кольчугу поверх гимнастерки. Подпоясался мечом, проверил, легко ли тот достается из ножен, надел шлем. Только после этого он ответил Косте:

– Не знаю, как ты, фотограф, а я тут никого ждать не буду. Пока мы энтого щупать будем да разбираться, нас здесь прихлопнут и имени не спросят. Далеко от линии фронта меня унести не успели бы, так что... А ты как, товарищ Улугбек, здесь посидишь или со мной к свету пробиваться пойдешь?

Сомохов не думал долго.

– Если тут казака допрашивали, то это, наверное, Горовой. Значит, и студенты где-то тут, связанные. Сюда бы жандармов... Без своих я отсюда не уйду. – Он осмотрелся и поднял кинжал, которым стражник пробовал резать Малышева.

Захар поднялся:

– Ну, не пеняйте, лихом не поминайте. – Красноармеец шагнул к двери. – Пойду я. Может, и свидимся еще.

Малышев и Сомохов проводили его взглядами. После секундной заминки первым заговорил Костя:

– Улугбек... Карлович. Найти друзей – дело важное и нужное. Но думаю, если уж есть возможность узнать, где мы, надо бы местных расспросить.

Как будто услышав эту фразу, связанный стражник заворочался.

Сомохов кивнул и присел к «языку». Повернув к свету, ученый слегка встряхнул его и, как только тот открыл глаза, спросил, где они находятся. Стражник отрицательно помотал головой, показывая, что язык ему незнаком. Археолог задал еще один вопрос на неизвестном Косте языке.

Убедившись, что связанный также его не понимает, Сомохов еще раз повторил вопрос. Связанный снова замычал. Улугбек задал вопрос на другом языке, затем на третьем. В четвертый раз вопрос был произнесен на немецком, который Малышев слегка знал. В глазах стражника появились огоньки понимания, он даже попробовал что-то промычать в ответ. Костя, молча наблюдавший за допросом пленного, выдернул кляп. Чтобы в мозгу связанного не появилась мысль позвать на помощь, Малышев приставил кинжал к его горлу.

Связанный говорил долго. Хриплые вначале, к концу монолога фразы его обрели четкость. Когда Малышеву показалось, что тон становится уж очень эмоциональным, Костя поплотней прижал к горлу кинжал, и пленник замолк.

– Ну, что он говорит?

– Говорит, плохо нам будет. Хотел подарить нам смерть легкую, милосердную, а получим долгую, страшную. Сами о смерти просить будем, а он нас ломтями стругать будет да какому-то Орху скармливать. Много сквернословий, некоторые непонятны. Старонемецкий с вкраплениями норманнских диалектов и финского. Интересно.

Костя внимательно рассмотрел связанного. Невысокий, но гармонично сложенный, с выступающим подбородком, вытянутые мочки ушей и миндалевидный разрез больших глаз. Чуть смуглая кожа с оливковым оттенком матово блестела в лучах солнца. Стражник ворочался и, судя по всему, сквернословил. Сомохов автоматически продолжал вполголоса переводить:

– Говорит, на дни вокруг только они кругом. Не уйдем никуда. Сами о смерти молить... Ну, это он уже заговаривается.

Малышев пнул связанного, тот притих и, помолчав, продолжил монолог, но уже более мирным голосом.

Сомохов задал вопрос, тщательно подбирая слова.

Пленник кивнул и что-то залепетал в ответ.

Улугбек потер подбородок и перевел:

– Правы вы были, господин фотограф. В прошлое они нас затянули. Он служит роду Апил, мало их, и их волхв, Аиэр, решил заглянуть в будущее. Вроде было их раньше много, но что-то случилось и практически все они погибли. Те, что остались, живут долго, но ждут помощи с небес. Их капище разграбили викинги тридцать лет назад. С тех пор они собирали части Архви, богини-матери. Она перенесла нас назад в их время, чтобы мы смогли рассказать, что ожидает избранных и будет ли помощь богов.

Сомохов потер затылок и кивнул в сторону молчащего связанного стражника:

– Ну, и в каком году мы? И как обратно вернуться сможем? – спросил Малышев.

Сомохов нагнулся к связанному и задал ему вопрос. В ответ раздался смех. Отсмеявшись, стражник что-то сказал. Сомохов перевел:

– Говорит, в людских календарях он путается, но вроде 1100 год от Рождества Христова. Или что-то вроде того. А обратно мы не вернемся. Все здесь умрем.

Малышев завелся:

– Это почему же?

Переводить стражнику вопрос не понадобилось. Он что-то торжествующе прокрипел, и Сомохов перевел:

– Наш третий и, по его словам, глупый друг вышел в дверь, которая ведет в караулку, где много стражи. Если еще не слышно криков, значит, его связали, а сейчас зарежут и нас.

Стражник захохотал. Будто в подтверждение его слов, дверь, в которую ушел Захар, распахнулась, и в зал ввалились двое. Сомохов и Малышев кинулись навстречу, но тревога, вопреки мнению стражника, оказалась ложной. Из двери появился красноармеец Захар, тащивший чье-то бездыханное тело.

В ответ на вопросы он только пожал плечами:

– Я тут, кажись, вашего хохла нашел.

На плаще стражника лежал бесчувственный здоровяк неопределенного возраста.

Грузный, в синих выцветших шароварах и гимнастерке, он был туго связан кожаными путами. Усатое лицо его покрывали кровоподтеки.

Рядом зашелся воплем стражник, но покричать ему не дали: Сомохов, несмотря на интеллигентное лицо, вполне жандармским тычком в зубы заткнул зарождавшийся крик, а Малышев запихал в рот стражнику кляп.

Пока Сомохов приводил в чувство и перевязывал избитого казака, Малышев коротко пересказал услышанное от стражника Пригодько. Тот хмыкнул:

– А я в эту каморку со стражей влез. Там двое сидели. Пьяные. Меня увидели – вскочили. – Захар перевел дыхание и сплюнул: – Недоростки, как и этот, но шустрые гады, жилистые. Ну, я им по голове легонечко ножиком, они и легли отдыхать. Одного несильно, а второй, ежели до доктора не отвезти, может и того...

– А усатого где откопал? – Костя показал рукой на Горового.

Захар хитро улыбнулся:

– Да в комнатенке за сенями, где эти холуи сидят. Я там пошарил на предмет оружия и еды. Нашел комнатку, где мой трофейный винтарь висит, но открыть не смог.

Известие о ситуации, в которую они попали, сильного волнения у Захара не вызывало. То ли он не придавал этому значения, то ли не доверял археологу и фотографу. Гипотезу о том, что окружающее пространство – реальность века десятого-одиннадцатого, воспринял безразлично.

– Не знаю, как там с веками, – заключил Захар, – а вот здешний народ мне не нравится. Мнение мое таково: ежели хотим гуртом отседова выбраться, то надобно двигать по-быстрому.

С предложением продолжить допрос стражника Пригодько не согласился.

– Ежели сюда с десятков таких железных лбов с ножами прибегут, они нас как глухарей на току соберут. Солнце еще высоко стоит. Идем до каморки, где винтарь мой трофейный висит, там еще барахла полно. Берем оружие – и на прорыв. Выйдем в лес, а там на восток, к нашим.

Несмотря на простоту и явную недоработанность, план Захара пришелся всем по душе. Никому не хотелось здесь торчать. «Туземец» после возвращения Захара на все вопросы отвечал только сквернословием и все норовил заорать. Не помогали ни зуботычины, ни кинжал у горла.

Замаскировав связанного малорослого воина обрывками какой-то дерюги и проверив, не вылезает ли кляп изо рта, бывшие пленники таинственной секты почитателей Архви двинулись на прорыв. Первым в униформе стражника шел Захар с мечом в руке. Далее Малышев и Сомохов несли грузного бесчувственного Горового.

Сразу за залом, где содержались пленники, находился узкий проход, заканчивавшийся дверью в маленькую караулку.

Обстановку здесь составляли деревянный стол, пара скамеек, развороченная стойка с короткими копьями. На полу – тела двух стражников. Один еще тихонько хрипел, пуская пузырьки кровью из разрезанного горла, у второго была раскрыта голова, и признаков жизни он не подавал. Две горящие лучины придавали растекшейся по полу крови причудливые оттенки. Не сговариваясь, Сомохов и Малышев согнулись в приступе рвоты. Когда тошнота при виде нескольких литров крови и мозгов прошла, Костя просипел Пригодько:

– Ты ж говорил, ты их маленечко? Один, типа, даже живой?

Захар пожал плечами:

– Вроде этот еще дышал, а тот, который с горлом... Ну, вот энтот. – Он для верности ткнул пальцем в тело. – Тот меня чуть не зарезал, я ж его же ножом и пропорол.

Сомохов согнулся в новом приступе тошноты. Костя, поборов рефлекс, нашел в себе силы спросить, где же Захар видел комнату с оружием.

– Да тута, за углом. – Захар махнул в сторону второй двери из кордегардии. – Там сенцы, а за ними лестница вниз и каморка, где у энтих котомка и винтарь мой лежат. Я, как это увидел, значит, думаю: пойду за остальными, достанем винтарь и этих с ножиками, как волк телят, гонять будем. Только там с лестницы голоса слышны. Надо тихонько комнатку отворять.

Оставив Сомохова с Горовым, который начал стонать, Константин и Захар, вооруженные копьями и кинжалами стражников, вылезли в коридорчик. Освещенный чадающей лучиной, он заканчивался очередной дверью, от которой вбок и вниз уходили темные ходы лабиринта. В каморке с оружием, найденной Захаром, было прорезано одно маленькое, не забранное решеткой окошко, в которое Костя рассмотрел висящий на стене автомат, похожий на ППШ, и свою сумку с фотоаппаратом. На лавке около стены лежали две винтовки, по-видимому принадлежащие археологу и казаку, пара кобур, два вещмешка и Костин револьвер с рюкзачком.

Из коридорчика, уходящего вниз, донеслись встревоженные голоса и звяканье оружия. Их внезапно перекрыл мощный гортанный рев, голоса сменились звуками схватки. Звонкие удары металла о металл, частые шмякающие звуки перемежались криками и ревом.

– Да там никак серьезная разборка у местных началась. – Малышев кивнул вниз.

Пригодько не ответил.

– Самое время и нам вооружаться, – прошептал Костя, которого вид огнестрельного оружия вдохновил и даже заставил забыть о своем незавидном положении. – Давай-ка, друг Захар, мы эту дверь ломанем.

Малышев смело всунул в щель дверной ручки прихваченное у стражников копьё. Нажал посильней... Еще сильнее... Вздупались жилы, зашкряпало, выгибаясь, крепкое древко. Железный наконечник копья обломился, и неудавшийся взломщик со всей дури врезался в деревянный косяк. Удар был такой силы, что правое плечо мгновенно онемело, зануло в локте.

– Здоров ты, фотограф, но дурак, – прошептал с расстановкой Захар. – Кто ж ножиком такую дверь ломает? Это ж кладовая или клеть... Она и не на таких бугаев построена.

Захар засунул руку в карман и вытащил гранату на короткой деревянной рукоятке.

– Эти блаженные у меня все оружие забрали, а диск запасной да бомбу оставили... Последняя эта. Все, что оставались у роты, перед прорывом мне и Лешке отдали. Тот свои растратил, а я одну сберег.

Костя почувствовал, что начинает закипать:

– Что ж ты, дурень сиволапый, ее прятал?! Давай мандячь ее на дверь, и рванем.

Пригодько нахмурился и покачал осуждающего головой. Тщательно подбирая слова, он ответил:

– Может, я и дурень, да только ты ж поболемня на дурня похож. – Захар похлопал по деревянным брусам, из которых были сделаны пол и стены коридора. – Ежели бомбой здесь бахнуть, нас же с тобой стенами и накроет.

Фотограф только крикнул и выругался. Безусый сибиряк был прав на сто процентов.

Покрутив гранату в руках, он отдал ее обратно.

Ситуация оставалась – хуже не придумаешь. Все могло поменяться, если получится захватить огнестрельное оружие, хотя, и это Костя понял особенно четко, говорить о том, что порох даст преимущество перед людьми, способными переносить других через века, было глупо. Кто знает, сколько еще козырей у них в рукавах, помимо разговаривающих зеленокожих обезьян? Попахивало средневековым колдовством, то есть тем, что серьезная наука всегда отрицает, но чего упорно боится типичный обыватель. Малышев не причислял себя к последним, но за время путешествий наслушался такого, что стал относиться к байкам и легендам куда менее скептически. Надо было выбирать. Красноармеец больше думал о том, чтобы им не ударили в спину из темного зева прохода, ведущего вниз. Принимать решение о способах изъятия оружия из закрытого помещения он предоставил товарищу.

Спустя минуту тыканья фотографа наличествующими острыми предметами в замок и матюгания сквозь зубы план был разработан.

Из запасного диска для «Суоми», как Пригодько называл свой автомат, был вылуцен десяток патронов. К задействованному оборудованию добавили яркую пластиковую газовую зажигалку, а от майки был оторван кусок ткани, тут же скрученный в тонкую трубочку. За

минуту патроны с помощью зубов и мата были лишены пуль, а взрывчатое вещество из всех, кроме двух, аккуратно засыпано в ключное отверстие в замке. Порошок из последних двух гильз завернули в оторванный от майки лоскут ткани и тщательно закрутили полученное, образовав своеобразный шнурок с начинкой. Самодельный жгут должен был сработать в качестве бикфордова шнура. Осталось только поджечь и посмотреть, смогут ли их усилия вскрыть замок одиннадцатого или даже десятого века.

Но воплотить план в реальность им не дали.

Шум внизу, уже превратившийся в привычный фон, начал стихать. Послышалась русская речь. Кто-то, сквернословя и громокая, взбегал по лестнице. И этот кто-то сносно изъяснялся на вполне понятном русском языке, по крайней мере на той его части, которая относится к нелитературной.

Увидев, что Костя уже собирается ринуться навстречу неизвестному, Захар удержал его.

– Погодь, фотограф, – зашипел он в самое ухо. – Не всякий самовар чайнику брат. Покамест все друзья наши с нами. Посмотрим, за кого энтот будет, а там и поручкаемся, ежели чего.

На размышления у них были доли секунды. Костя кивнул.

Подхватив обломки копья и задув по пути лучину, они ретировались в начало коридора, разумно полагая, что в неосвещенном углу их не заметят.

Звяканье и брань слышались ближе, и вскоре показался невысокий крепкий мужичок, вооруженный коротким мечом и круглым деревянным щитом. Стеганая кожаная безрукавка с нашитыми железными бляхами и круглая металлическая шапка с кольчужной бармицей²² составляли броню русскоязычного незнакомца.

Два стражника с копьями выскочили следом.

Троица была слишком занята, чтобы обращать внимание на окружающее. Стражники старались наколоть мужичка, а он умело отмахивался мечом, прикрывая незащищенные ноги и живот изрядно потрепанным щитом. Несколько раз он пробовал перейти в контратаку, но молчаливые стражники вовремя отскакивали. Из ран на ногах и бедрах храброго русскоговорящего воина струилась кровь, и видно было, что попытки контратак даются ему все тяжелее. Стражники тоже были порезаны, но их раны являлись скорее большими царапинами.

Охранники были явно сильнее, и все шло к тому, что, устав от потери крови, их противник потеряет бдительность и получит в живот копьем. Жалкие отсветы из коридора, ведущего вниз, не давали возможности Косте и Захару оценить соотношение сил более точно.

Один из атакующих, удачно поднырнув под меч, кольнул противника в стопу. Русскоговорящий мечник неловко припал на раненую ногу, потерял равновесие и опрокинулся на спину. Тут же к нему подскочил второй стражник.

И тогда Костя не выдержал.

– Стой, – рявкнул он, выступая на свет.

Следом в одежде пленного стражника и с копьем в руке вышел Захар.

Увидев знакомую униформу, стражники храма расслабились – и заплатились за это. Из-за спины Малышева, громко хакнув, Пригодько практически без замаха метнул копье. Любой из них был почти на голову выше и стражников, и мужичка с мечом, а широкоплечий сибиряк, бесспорно, превосходил изумленных представителей темного прошлого еще и по силе. Только навыков владения местным оружием не имел – копье мелькнуло мимо груди одного из последователей культа Архви и вонзилось в стену. Один из стражников отпрыгнул, второй присел. Это оказалось его фатальной ошибкой. Раненый мечник, уже лежа, всадил присевшему врагу меч в подбрюшье и откатился к стене. Оставшийся в живых стражник, верно оценив ситуацию, рванул вниз по коридору и исчез.

Захар и Костя обернулись к раненому.

²² Бармица – кольчужная сетка, прикрепленная к нижнему краю шлема и защищающая шею и уши.

– Друг, не бойся. Мы свои, – разведя руки, обратился к лежащему Малышев. Но тот либо не понял, либо не доверял незнакомцам.

Приподнявшись на здоровой ноге, мечник довольно связно высказал на смеси русского, финского и немецкого, что он думает о своих новоприобретенных союзниках.

Снизу продолжали доноситься звуки боя, и времени на дипломатические реверансы у оставшихся в коридоре не было. Они аккуратно обошли по большому радиусу прислонившегося к стене не прекращавшего ругаться незнакомого раненого воина. Малышев кивнул в сторону комнаты с оружием:

– Захар, зажигай. Если эти сектанты помощь приведут, мы не выстоим.

Сибиряк, подумав, согласно кивнул и двинулся к двери. Щелкнула зажигалка, затрещала, загораясь, ткань. Пригодько метнулся обратно, оттягивая Костю к дальней стене. Из замка полыхнуло, раздался треск. Дверь осталась висеть без видимых повреждений. Только закрывающая механизм замка пластина слегка отошла от основного полотна.

Зато из караулки на шум вылез Сомохов. За ним, пошатываясь, вышел Горовой. Окровавленное лицо казака выглядело как хорошо отбитый бифштекс. Левый глаз заплыл, рубаха была вся в прорехах, сквозь которые проглядывали многочисленные синяки и красные ссадины. Подъесаул тяжело стоял на ногах, но в правой руке решительно сжимал короткий стражничий меч.

Оглядев потерявшего сознание русскорукающегося воина и затихшего раненого стражника, Тимофей поднял глаза на опять подскочивших к двери Костю и Захара. Сомохов склонился над мечником.

– Вы, что ли, будете из наших краев? – Казак исподлобья наблюдал за ломающими замок красноармейцем и фотографом.

– Они, Тимофей, они. – Сомохов закатал штанину раненому и перематывал ему ногу обрывками чьей-то рубашки. – Я тебе говорил. Их зовут Константин и Захар.

Малышев вежливо кивнул, одновременно пытаясь открыть дверь в каморку с оружием. А Захар даже не среагировал. Время было дорого. Шум внизу начал стихать. По тому, что ругательств на финском доносилось меньше, чем мяукающих фраз поклонников Архви, было ясно, что стражники одерживают вверх над своими неведомыми противниками.

Тимофей, покачиваясь, подошел поближе.

– А что это вы с дверью-то делаете? – излишне громко спросил он. Видимо, давала знать о себе контузия.

За Костю, пытавшегося обломком копья отломать пластину замка, ответил Улугбек:

– Там за дверью оружие наше. А внизу – те, что нас схватили и тебя пытали, Тимофей.

Казак повернулся к Сомохову:

– А этот на полу – кто? – Он ткнул пальцем в лежащего мечника.

На этот вопрос ответил Костя:

– Охрана местная с ними воюет. А враг моего врага – мой друг... Наверное.

Раненый, перевязанный усилиями Сомохова, попробовал приподняться и слабо застонал.

Горовой развернулся к Косте, которому удалось поддеть пластину, закрывавшую механизм замка. Теперь фотограф натужно тянул за обломок копья, используя его как рычаг. Казак окинул замутненным взглядом дверь и похлопал Костю по плечу:

– Дай-ка я тут поспособствую.

Перехватив обломок пятерней, размерами напоминавшей сковороду, грузный подъесаул ногой уперся в стену, а спиной в косяк двери. Нажав массой тела на обломок так, что на шее и лбу проступили жилы, Горовой ногой страховал себя от возможного полета вперед. Костя оценил эту предосторожность, вспомнив, как он сам рассадил себе плечо о стену.

Старый металл замка не выдержал, пластина со щелчком вылетела из двери. Горовой удовлетворенно крикнул. Он оживал на глазах, превращаясь в подобие здорового и очень злого носорога. Малышев, глядя на заплывающие фингалами глаза казака, вспомнил старую шутку: «Носорог очень плохо видит, но это не его проблемы».

Пока Тимофей рассматривал отлетевшую пластину, Костя ловко выбил сердцевину замка и кинжалом отодвинул запорный штырь. Дверь каморки открылась.

8

Первые знакомые

Через минуту на нижний этаж храма вломилась хорошо экипированная группа. Впереди с автоматом шел Пригодько. За ним, по левую руку, с револьвером на изготовку двигался Костя, а справа – Тимофей с карабином. Спину прикрывал Улугбек со вторым карабином.

В зале царил кавардак. В отличие от верхнего яруса, большей частью вырубленного в скале, где находились караулка и пыточная, нижний ярус, включая зал, был обычной пристройкой из грубых досок и отесанных брусков. Зал был овальной формы, диаметром около пятнадцати метров. Вдоль стен возвышались деревянные резные колонны, поддерживавшие местами прохудившуюся кровлю. Посреди глинобитного пола находилось возвышение.

Зал имел три входа: со второго яруса, из видимого в проем леса, а также из глубины скалы, к которой примыкал храм. Щели в кровле давали скудное освещение – наряду с узкими бойницами на уровне второго этажа и пятью масляными светильниками.

В зале шел отчаянный бой.

Полтора десятка стражников, по росту и телосложению напоминавших четырнадцатилетних подростков, активно атаковали пяток воинов, экипировкой походивших на викингов. Стражники были одеты в темные плащи. Брони у сражавшихся почти не было. Только у викингов, к которым, бесспорно, принадлежал и встреченный наверху мечник, на щитах имелись металлические умбоны²³, да на одежде были нашиты стальные бляхи. На полу в лужах крови лежали тела троих викингов и пятерых-шестерых стражников.

Почти все из оборонявшихся были ранены, некоторые стражники – тоже. Стоял гул от ударов оружия.

Защитниками культа неизвестной богини со странным именем Архви руководил высокий (по сравнению с остальными) воин в дорогом червленом джасеране²⁴. Понукаемые его криками, остальные служители храма, вооруженные в большинстве своем прямыми копьями и гизармами²⁵, старались отжать викингов от стены. Из тех только двое сохранили щиты. Тем не менее, несмотря на численное превосходство противника, бородатая пятерка храбро огрызалась, возглавляемая невысоким широкоплечим воином, одетым в настоящую кольчугу. В руке он сжимал обломок меча.

Все это пронеслось перед вошедшими за долю секунды, которой достаточно, чтобы спустить курок. План вторжения в нижний зал, а также манеру поведения они отработали еще у

²³ Умбон – металлическая бляха по центру деревянного щита, прикрывавшая руку от возможного сквозного удара.

²⁴ Джасеран – доспех из металлических пластин, скрепленных кольцами. Редкая вещь для той эпохи и того места.

²⁵ Гизарма – вид холодного оружия, похожа на алебарду, но имеет один или несколько усов, используемых для стягивания с коня противника или выбивания у него оружия. Появление этого оружия предположительно датируется XIV-XV вв.

каморки, где хранилось оружие. Местные жрецы, а также их охрана не были им друзьями, а вот непонятные враги храма могли оказаться полезны.

Враг моего врага не обязательно мой друг, но почти наверняка союзник.

Два выстрела слились в один: Костя попал в бедро одному из стражников, Горовой пулей в голову отправил к Архви воина в джасеране. У Захара, шедшего первым, трофейный «Суоми» заклинило. Пока красноармеец нервно передергивал затвор, Тимофей вторым выстрелом уложил единственного среди защитников храма лучника, а разошедшийся фотограф лихо пальнул в еще одного стражника, но промазал.

Грохот огнестрельного оружия, многократно усиленный в тесном помещении, ненадолго ошеломил противоборствующие стороны. Но разобрались они в ситуации быстро.

Стражники, и без командира вполне организованные, разделились на две группы, одна из которых ринулась на вошедших, а вторая продолжала удерживать викингов. Те же, увидев подкрепление, с ревом пошли на поредевший строй, прорываясь к выходу.

Неизвестно, как бы сложилась дальнейшая судьба новоявленных путешественников во времени, совершенно не защищенных броней, успеет стража метнуть в них копьа, но, к счастью, Захар разобрался-таки со своим автоматом. Хакнув первой пулей, продукт финского автоматостроения выдал короткую очередь, снеся четверых стражников и ранив еще двоих. Тут же бахнула винтовка Горового, и еще одного из охраны отбросило к стене. Костя, справившись с волнением, прострелил плечо следующему. На фоне этого достижения викингов, отправивших в Хель²⁶ двоих стражников, выглядели скромно. Одного из поклонников Архви зарубили, второго проткнул трофейным копьем предводитель бородачей.

Потеряв командира и численное превосходство, смущенные непривычным грохотом, остатки почитателей культа неизвестной богини позорно бежали с поля боя.

Преследовать их ни викинги, ни пришельцы из двадцатого столетия не решились. Пошатающиеся бородачи в порубленных доспехах и четверка выдернутых из своего времени рассматривали друг друга, не выпуская оружия из рук. Взгляды людей с интересом переходили с диковинного оружия и одежды стоявших напротив на тела поверженных врагов.

Первым шаг навстречу сделал предводитель викингов. Разведя руки, он громко крикнул: – Гуннар Струппарсон. – И, ударив себя кулаком в грудь, добавил: – Ярл.

В переговоры вступил Сомохов. Ситуация вокруг не вязалась у него в голове с Российской империей, но и принимать версию Малышева о переносах во времени археолог тоже не собирался.

– Сомохов. Императорское географическое общество.

Такое представление, вероятно, смутило командира викингов. Тень тяжелых мыслей заволокла его невысокий лоб, покрыв чело непривычными складками тяжелых размышлений.

– Франк? – наконец он ткнул обломком меча в усатого Горового.

Тимофей, еще пошатающийся после допроса, ухмыльнулся и ответил:

– Не. Козак. Шпрэхн? Понял?

И, повернувшись к остальным, самодовольно добавил:

– Он меня, кажись, за лягушатника держит.

Подтянулись остальные викинги. Большинство из них не опускало оружия. Все настороженно следили за каждым движением своих незнакомых спасителей. Неожданную реакцию на реплику Горового выдал их предводитель. Осклабившись, он ткнул в Горового:

– Рус?

Все четверо кивнули:

– Да.

²⁶ Хель – Ад в скандинавской мифологии.

Следующая же фраза бородача вызвала бурю эмоций у бывших пленников Архви. Викинг широко улыбнулся и хлопнул себя в грудь:

– Карашо... Я – Гуннар Струппарсон. Ярл Хобурга. Посадник Киевского конига. Рус. Лица у четверки новых знакомых удивленно вытянулись...

Затем, правда, последовало сразу несколько непонятных фраз на жуткой смеси архаичного церковнославянского с примесью скандинавских наречий. Но, к счастью для оторопевших выходцев из двадцатого века, среди нагромождения чуждых оборотов нет-нет, да и проскакивали узнаваемые слова.

Быстрее всех к новому языку приспособился ученый. Он и взялся представлять себя и спутников местному ярлу и остальным викингам.

Гуннар попробовал выяснять, откуда появились и чем, собственно, занимаются нежданные союзники. В его версии эти вопросы звучали по-спартански лаконично:

– Чьи вы?

За всех опять отвечал Сомохов. Теперь он полностью разделял гипотезу Малышева, так что приходилось на ходу придумывать легенду.

Перед ним стоял представитель киевского князя. Значит, следовало назваться выходцем из земель, которые не являлись бы врагами для Киева. Проблема была в том, что невольные путешественники по времени не могли быть уверены в том, в какой именно год они попали. Стражник, их единственный источник информации, сам путал года по христианскому летоисчислению. А ошибка могла дорогого стоить – в конце одиннадцатого века отношения Киева с соседями менялись не просто часто, а очень часто.

Назвавшись русами, они оставили себе не такой уж большой выбор. Чернигов, Муром и древлянскую Коростень всегда шатало от признания Киевского каганата²⁷ до открытого восстания, новгородцы с их купеческой республикой вообще до Романовых слыли главными смутянами.

– Полоцкие мы, – наконец решился Улугбек. – Полочане, стало быть. Торговые гости.

Ярл понял, но, снимая вопросы, выразительно посмотрел на трупы стражников. Улугбек продолжил:

– Они в полон нас взяли. Обоз порезали, товары забрали. Нас пытали, казну искали.

Слово «казна» вызвало заинтересованность у ярла, но углубляться в расспросы он не стал. Буркнул через плечо, и трое викингов резво рванули к выходу из зала. Через десяток секунд они вернулись и выразительно развели руками. Ярл выдал длинную тираду, причудливо перемежая русские, шведские и немецкие слова.

Тем временем Костя выглянул из дверей храма почитателей Архви. Подернутый первыми набухающими почками весенний лес окружал маленькую вытоптанную полянку перед главным входом в капище. Там виднелись мертвые тела воинов храма Архви, брошенные соратниками. Больше никого не было. Стража ретировалась в неизвестном направлении.

9

Допрос с пристрастием

²⁷ Киевский каганат – одно из дохристианских названий центрального русского княжества. После крещения было принято название «Киевское княжество». Соответственно, верховного правителя Руси могли величать и князем, и, на старый манер, каганом. Скандинавы часто употребляли родные для них термины «кониг» или «конунг».

Струппарсон тщательно избегал разговоров об оружии новоприобретенных знакомцев. После того как викинги проверили прилегающие к храму кусты, местный феодал и его люди начали обшаривать капище, не обращая внимания на четверку новоявленных полочан, которые сели погреться на полянке под скупыми лучами прикрытого тучками солнца и обсудить свои текущие проблемы. Но когда воины ярла вытащили стражника, прежде связанного Сомохом с Малышевым, «торговые гости» заявили на него свои претензии.

Гуннар поинтересовался, чем этот пленник так им интересен. Версию выдвинул Улугбек Карлович. Долго и нудно, как это умеют делать ученые, он объяснял хозяину здешних земель причины, по которым им просто необходим этот человек. По словам археолога, жрецы Архви забрали редкий товар, без которого возвращаться домой в родной Полоцк торговым гостям уже не имело смысла. А следовало, наоборот, идти за лукавыми жрецами на край и за край света, чтобы покарать, отобрать и вернуться героями. Этот раритет сам Улугбек и его товарищи искали долгие годы по всему миру и, найдя, несли его на родину, пока злые и со всех сторон нехорошие враги злокозненно не напали на них, полонили и забрали цуд²⁸.

Гуннар ответ проглотил. Вероятней всего, он не поверил сбивчивому и плохо скроенному объяснению, но пленника отдал.

Однако все попытки разговорить стражника ни к чему не привели.

Бородатый предводитель и хозяин округи, прогуливающийся неподалеку, не выдержал:

– Разе так надо полон пытать?

Он вытянул кинжал и, перевернув связанного лицом вниз, отрезал ему мизинец правой руки. Поляну разорвал рев. Ярл перевернул тело к себе лицом и, сунув под нос отрезанный палец, буднично спросил:

– Говорить будешь?

Но пленник был из упрямых – он даже нашел в себе силы плюнуть в лицо ярла. Со слюной на ярла попала и кровь из прокушенной губы.

Струппарсон молча перевернул громко ругающегося стражника на живот и отхватил ему еще один палец. Потом повторил вопрос.

На этот раз поклонник Архви сломался. Коверкая русские и немецкие слова, он заверещал длинными тирадами. Выговорившись, пленник откинулся назад, сверля глазами забрызганного кровью ярла и оторопело уставившихся на средневековый допрос «полочан». Сомохов шевелил губами, переводя знакомые слова и запоминая незнакомые, но первый перевод озвучил сам ярл:

– Все ушли. По протокам на лодьях. В море будет драккар. Пойдут на вечернее солнце до Саксона, оттуда дальше до Британи и до земель Измайловых, оттуда в Срединное море и мимо Сицила и Родоса до Тарсоса. Долго морем идти – три-пять лун. – Для верности исчисления Гуннар развел пальцы. – Из Тарсоса мимо Антиоха до Эдесса. Там капище, туда идут. Капище там стоит у них несхоронное. Там много людей Архви чтут. Туда они все и ушли.

Подождав пару секунд, не возникнут ли дополнительные вопросы, Гуннар встал, достал из ножен обрубок меча и одним движением отхватил стражнику голову.

После чего повернулся к ошеломленным «торговым гостям»:

– Ну а теперь ко мне, в Хобург. Без людей, сам-самом, вы дальше Эстланда не уйдете, а купцы заморские мимо меня завсегда проходят. Вы мне и моим людям здорово помогли. Так что у меня гостите, отдыхайте, а там или по снегу через Новгород в Полоцк пойдете, или летом морским путем в Померань или Саксонь.

За всех ответил Костя. Не сводя взгляда с еще содрогавшегося тела стражника, он согласно кивнул.

²⁸ Цуд – чудо, сокровище (др.-рус.).

Знакомство

Дорога к Хобургу заняла почти весь день.

Поминая почитателей Архви, уведших с собой лошадей ярла, викинги и назвавшиеся полочанами выходцы из далеких времен топали по осеннему лесу. Четверо дружинников ярла, сменяясь с торговыми гостями, волокли носилки с двумя ранеными соратниками. Своих мертвых под присмотром одного живого они оставили недалеко от храма, обещая через день вернуться с лошадьми.

Дорогой Гуннар поначалу молчал, зато дали волю любопытству довольно понятно говорящие по-русски воины ярла. На языке Киевского каганата говорили в той или иной степени практически все местные жители, и с каждым шагом эта столь непохожая на современный язык речь становилась понятной и для невольных гостей местного посадника. Звучавший говор все-таки походил на русский язык двадцатого века. Однокоренные слова вызвали правильные ассоциации, а недопонимание снималось активной жестикуляцией и мимикой.

Рыжий коротыш, у которого из четырех верхних резцов были в наличии только два центральных, отзывался на имя Бобр. Он забавно шепелявил и здорово прихрамывал на раненную в стычке ногу. Вторым заинтересовавшимся новыми попутчиками и гостями ярла был совсем еще молодой смолянин Кухля. И Бобр, и Кухля были добровольцами в дружине ярла, пришли из русских земель в поисках военной славы и приключений. Оба интересовались, где побывали заезжие купцы, какие земли видели, о каких чудесах слыхали. Сказывался дефицит информации, характерный для одиннадцатого века. Объектом расспросов они выбрали Захара, как наиболее близкого по возрасту. Горовой выглядел страшновато, а нацепивший найденные очки Сомохов с его восточными скулами и странной одеждой вызывал у русичей и варягов явную неприязнь. Да и держался Сомохов ближе к ярлу, а субординацию дружинники блюли.

Дорогой Бобр и Кухля рассказали Захару, что Гуннар – потомок одного из скамеечников самого Трувора, брата Рюрика. Хобург – наследный лен Гуннара, и подчиняется он только киевскому столу, хотя и сдает мыт с проезжающих через Новгород торговых гостей. Городок их и сам имеет причалы, но торговать не может. Все товары только осматриваются и пропускаются в Новгород, а идущие из центральных земель Руси если имеют грамоты об уплате мыта, то тоже пропускаются. Главная задача Хобурга – быть заставой от диких варягов и сенов, что в срединные земли не в дружины русских конунгов идут служить, а в охотку пограбить.

В капище Гуннар попал, когда начал охоту за оскорбившим его учителем своих детей. Торвал Сигпорсон знатный был лучник, да вот от ветра в голове так и не избавился. Учил сыновей ярла, а вчера смылся из бурга, прихватив дорогую шкатулку. Тот, само собой, погоню во все стороны послал, а сам к протокам пошел с десятком всадников. Когда отряд преследователей вышел к заброшенному капищу, то никто даже не думал, что древний храм обжит... За это чуть жизнями и не заплатились.

А места эти... Они всегда были нехорошими. И бабки, и ведуны о том говорят. Не ходят сюда ни охотники, ни рыбаки. Хотя протоки хорошие... Сомы должны быть... Бобровые хатки видны. Но места уж очень плохие. Все говорят, а в народе зря болтать не будут.

Рассказчики, не сговариваясь, сплунули через левое плечо. Кухля согласно покивал головой и спросил Захара:

– Чей-то у тебя, паря, говор ненашенской? А этот вообще на половца похож. – Кухля кивнул в сторону Сомохова, щеголявшего по лесу в длинных выцветших шортах.

За Захара, задумавшегося над ответом любопытному смолянину, ответил Костя, прислушивавшийся к разговору.

– Так мы ж уже, почитай, годиков десять как дома не были. Даже не знаем, найдем ли родичей дома. Вот и говор не похож. – Костя кивнул в сторону Сомохова и тихо добавил: – А его сами и спросите, кто в роду до проезжих мужиков падок был: бабка аль прабабка.

Бобр осклабился, а Кухля, до которого шутка доходила дольше, прыснул от смеха.

– Ну ты и скоморошничать горазд, паря. – Бобр одобрительно жажнул Малышева по спине.

Учитывая, что Костя был выше его почти на две головы, выглядело это забавно.

Сломав лед недоверия, Малышев попробовал выяснить текущую политическую ситуацию. Но оказалось, что дружинники, хоть и приехали в Хобург из разных мест, в местной политике разбираются слабовато. Однако в общих чертах словоохотливые гридни²⁹ сумели прояснить соотношение сил на Руси.

Первым, что они сообщили, было имя бывшего киевского великого князя – Всеволод Старый, третий сын Ярослава Мудрого. Старым его прозвали за то, что пережил не только старших своих братьев, Изяслава Новгородского и Святослава Черниговского, но и младших – Вячеслава Смоленского и Игоря Владимировского. Всеволода любили, хотя и не одобряли его заигрываний с немцами и Византией. Рассказ о Всеволоде дружинники закончили новостью, что уж больше года, как помер старый князь. Новгородцы вон голову подняли, свободами в нос тычут. Плесковичи, которые из Пскова, тоже хороши: мыт принимают, а помощь, ежели чего, слать не спешат. Мол, сами справитесь. Совсем распутство. Святополк Изяславович в Новгороде дружину собрал да в Киев и подался еще год назад, стол взял, да и войну степи объявил. Что с него взять?! Молод да горяч. Старый, вона, со всеми в мире был, а новый так сразу воевать начал. С другой стороны, что делать-то: Олег Святославович, еще один из внуков Ярослава, к Чернигову подбирается, на Киев взгляд положил.

Бобр даже возмущенно сплюнул через свои выдающиеся зубы. Был он из-под Суздаля и считал Всеволода своим³⁰. Дальше Захар и Костя слушали о том, что, по мнению Бобра, надо делать с теми, кто в тяжелую годину в спину брата ударить хочет. Кухля согласно кивал головой.

Примерно то же самое поведал Улугбеку и сам ярл Гуннар. Его бург был поставлен Трувором на протоках к Ладоге, чтобы прикрыть Волховской шлях от морских конунгов³¹. Сам Трувор в Изборск пошел, а часть дружины на протоки послал. Основное движение торгового люда шло южнее, через Лугу, но и этот путь не застаивался – то дикие варяги к Волхову пройти пробуют, то торговый гость крюк заложит, чтобы пройти негостеприимные берега Эстланда. Не простаивала и дружина ярла. Да только сейчас время пошло смутное. Как помер Всеволод, так буча началась. Из Тмутаракани, где Олег Святославович сидит уже лет десять, одна весть за другой идет. Бузит оттуда Ярославич с половцами, даром что такого деда внук, бузит да хазар поджучивает. У него жена из Византии, Фифа Музалоновна, так его и греки поддерживают, уж на что Византия обрезанных хазар недолюбливает. Всеволод был мирным князем: с Крымом уж давно войн не было, с Византией дружил. Помер старый князь – кто должен сесть на его место? По Ярославовой лесвице³² получалось, что Святополк Изяславович, – он и сел. Да только Олег со степняками из Тмутаракани к Киеву поближе будет. Да и Чернигов считает его своим, вот-вот княжескую шапку поднесут. А Чернигов – это подбрюшье киевское, считай, вход парадный.

²⁹ Гридни – воины.

³⁰ Ярослав Мудрый, сажая своих сыновей на княжества, пожаловал Всеволода титулом князя в Ростово-Суздальской земле.

³¹ Морской конунг – вождь, не имеющий земли, а только корабль и дружину, т. е. пират.

³² Лесвица Ярослава (*старорус.* – лестница Ярослава) – порядок наследования, при котором киевским (верховным) князем становился старший сын, а если сына нет, то старший внук из всех внуков Ярослава.

Между тем ярл попробовал узнать отношение «полочанина» Улугбека к Брячиславу, князю Полоцкому, да сыну его князю Всеславу по прозвищу Чародей – но наткнулся на непонимание темы. В оправдание своего политического невежества Улугбек начал рассказывать, в каких даях он побывал. Живописно разрисовывая синеву Измайлова моря, он даже описал странное животное элѐфант, у которого два хвоста – спереди и сзади. Одним он ест, а другим, ну... совсем наоборот использует. Ярл Гуннар только головой покачал, когда узнал про размеры сего животного. Улугбек добавил, что были они в путешествии так долго, что даже говор родной забывать стали, не то что князей. Углубляться дальше в расспросы Струппарсон не стал. Может, решил, что не стоит лезть к человеку, который его спас, может, не чувствовал интереса. Но пройти мимо чудесного оружия, которым пришельцы разогнали стражу храма, местный феодал не смог. Тут уж Сомохову пришлось выкручиваться по-настоящему.

Для начала он напустил тумана заявлением, что в землях, в которых они побывали, колдовство так же распространено, как здесь селедка. Потом сказал, что это чудесное оружие они получили в Измайловых землях. Действует оно только в руках людей, способных произнести тайные заклинания. Христианская мораль добралась до маленького бурга на краю Киевского каганата, но еще не пустила корни настолько, чтобы уважение к чужим знаниям заменить неприятием колдовства.

Ярл впитал сказки с молоком кормилицы и даже не усомнился в рассказанном Сомоховым. Единственное, что попросил хозяин Хобурга, – научить его колдовать на таких дубинках, чтобы поражать врагов подобно грому Тора³³.

Археолог постарался уклониться от продолжения этой щекотливой темы. В их положении патронами не разбрасываются, но, даже будь их у него ящик, предоставить винтовку в руки викинга одиннадцатого века? Нет уж! Хватит им и луков.

Улугбек Карлович заявил, что гром действует только на коротких дистанциях и только в руках посвященных. А посвящают не здесь, потому и громовые дубинки такие разные.

Тема была закрыта. Гуннар еще повздыхал. Пару раз намекнул, что парень он не бедный, а за такую «дубинку» и десяти коней или чаши серебряных марок не жалко, но «торговые заморские гости» на попятную не шли. На пути к Хобургу соотношение сил было не в пользу посадника киевского князя, так что «полочанам» пока можно было не беспокоиться. Оставалось надеяться, что гостеприимство не даст хозяину Хобурга в родных стенах добавить к уговорам еще и мечи своих гридней. Впрочем, он видел, какой ответ может быть на примененную силу...

Так за беседой подошли к самому городу.

Хобург оказался небольшим селением на крутом берегу небольшой речки Лупы, впадавшей в Ладогу. По меркам двадцатого века, был он деревня деревней, а в одиннадцатом веке котирировался очень даже высоко. Протекающая мимо него речка вытекала из системы озер между Ладогой и Балтийским морем. По этим водоемам можно было дойти почти до самого моря, что и делали многочисленные купцы, на радость и достаток поселенцев запруживавшие улочки Хобурга каждую весну и осень.

Городок окружал высокий и исправный тын из обтесанных бревен. Над единственными воротами возвышалась деревянная башня. У причальных мостков на реке стояли две пузатые лоды, хотя корабельные сараи могли вместить суда и покрупнее.

Заметив взгляд, брошенный Сомоховым на сараи, ярл разгадал незаданный вопрос и ответил сам:

– Были у меня два драккара... Хорошие: на двенадцать скамей «Рысь» и двадцатискамеичный «Одноглазый Волк». «Рысь» дикие свены в прошлом году спалили, а второй на дальнюю воду пошел, рыбу искать.

³³ Тор – один из богов скандинавской мифологии.

По тому, как ухмыльнулся ярл, Сомохов понял, что рыболовство – не главная статья доходов бурга. Где-то на Ладогe драккар Струппарсона сейчас отлавливает торговых гостей и снимает с них положенный мыт. Если, конечно, сам ярл под шумок с новой-старой властью и неразберихой не послал верных гридней на тяжелом драккаре пощупать прибрежные вольные села за мошну.

Коренастый и бородатый ярл в снятом с тела предводителя охранников червленом джасеране смотрелся гордо и внушительно. Ростом с Захара, самого маленького из своих гостей, он разворотом плеч не уступал и Горовому. Натруженные веслом и секирой волосатые руки викинга бугрились мышцами. Если б не заросшее бородой широкое лицо, Струппарсон напоминал бы борца-классика после выхода на пенсию. Правда, по меркам двадцатого века, борец этот был максимум в среднем весе. Кроме него в группе выделялся еще один хирдман из викингов. Выходцы из русских земель тоже были коренастыми, но значительно пожиже.

Костя, рассматривая дружинников и их предводителя, сравнил бы их с домашними псами и с волками, где за одного волка можно дать пяток собак. Но даже викинги были по сравнению с Малышевым и Горовым коротышками.

«Как подкачанные китайцы», – подумалось Косте, когда он попробовал понять, кого эти воины ему напоминают.

Городок Хобург состоял из нескольких десятков срубов, крытых дранкой. Среди них выделялся дом ярла. Шестистенный двухэтажный дом имел внутренний двор, конюшню и колодец. Кроме того, дом вмещал оружейную, помещения для рабов и кладовую с провизией.

Напротив стояли два больших дружинных дома, деревянная церквушка и гостиный дом. Как объяснили потом местные, в большом дружинном доме жили семейные хирдманы, в меньшем – холостые. Всего дружина ярла насчитывала пятьдесят четыре гридня. В пределах города селились рыбаки, местные крестьяне, промысловики и ремесленники. У входа в городок стояли купеческие дома с лавкой на первом этаже. С обратной стороны города чадили кузнецы. Вокруг городка также виднелись землянки и два десятка бань у самой воды. На взгляд Сомохова, население городка составляло человек пятьсот.

Вопреки распространенным стереотипам, по улицам городка свиньи не бегали. Только орава голых детей и свора лающих собак. Несмотря на прохладную весну, дети носились в рубахах из мешковины, сверкая голыми пятками и коленками. От самых ворот пришедших сопровождали горожане. К дому ярла, перед которым выстроилась дружина, вернувшиеся из поиска гридни подошли в окружении почти сотни человек. Впереди встречавших стояла жена Гуннара фру Ингистид с тремя сыновьями. Большая часть населения городка молчаливо стояли сзади. Взгляды всех пробежали по рядам пришедших, выделяя тех, кто вернулся, и отмечая тех, кого нет.

Струппарсон остановился напротив супруги.

Фру Ингистид, полная, но еще привлекательная женщина лет тридцати пяти, поклонилась и, глядя только на него, спросила:

– Удачной ли была охота, муж мой?

Гуннар пожевал усы и ответил натянуто:

– Мы шли по следам Сигпорсона до самого Кьерского леса, но там коварное исчадьe Локи³⁴ заманило нас в ловушку. Сотня разбойников напала на нас. – Толпа гридней и горожан притихла, ожидая продолжения рассказа. Женщины заохали.

– Но, – ярл повысил голос и торжествующе обвел взглядом толпу, – Тор любит своих детей. Удача нам не изменила. Нет на свете храбрее моих отважных хирдманов! Нет удачливей ярла Хобурга! Мы разбили врага, захватили много оружия и эти чудесные доспехи.

³⁴ Локи – скандинавский бог, отличавшийся коварством.

Ярл провел рукой по джасерану, и вздох восхищения пронесся по толпе при виде такой дорогой добычи. Дружина радостно взревела и начала славить вождя, но ярл прервал ликование.

Пришла пора признать и потери, и он с честью вышел из положения.

– В бою коварством и колдовством враг убил троих моих смелых хирдманов: Уле Весло, Кирку Плешивого и Ярни Лукунга по прозвищу Жук. Это были смелые воины, и погибли они с мечом в руке и кровью врагов на сапогах. Вечером мы будем отмечать эту победу и освобождение торговых гостей из лап разбойников. А также провожать души погибших к Христу в Вальгаллу³⁵.

Ярл обвел взглядом двор и стоящих людей.

– Я все сказал.

Все вопросы были оставлены до пира. Люди начали расходиться, хотя языки у многих чесались от незадаанных вопросов. Остававшиеся в городе хирдманы обступили вернувшихся рядовых дружинников, и Кухля с Бобром тут же затерялись в толпе. Освобожденных торговых гостей все обходили стороной.

На объяснение ярла, откуда в отряде появились новые люди, Сомохов только ухмыльнулся, а более впечатленный речью Горовой досадливо крикнул.

– Это ж что получается, а? Я вас спрашиваю. – Он повернулся к Сомохову. – Не мы эту консерву спасали, а, выходит, он нас от лихих людишек слобонил? Эта, мать его...

Костя, повернувшись к Сомохову, заметил:

– А в летописях скажут, что славный князь Гуннар, в году от рождества Христова одна тысяча девяносто третьем или там девяносто пятом, под своим городом Хобургом разбил несметное войско и освободил обозы полоцкого князя. И побито было не счесть, и в полон взято сверх меры.

Улугбек улыбнулся. Его скуластое лицо прорезали морщинки.

– Да, пожалуй, здесь стесняться в рассказах не принято. Победа должна быть значимой, а добыча великой. Иначе скажут, что удача ушла от тебя. И ты не удачливый ярл, а, как бы это выразиться?..

Костя нашелся быстро:

– Лузер.

Сомохов напрягся:

– Как-как вы сказали?

Теперь улыбался Малышев:

– В мое время широкое распространение получили язык и философия Соединенных Штатов Америки...

Сомохов перебил:

– Это Северных Штатов?

Малышев задумался.

– Ну да... А что, еще есть какие-то Соединенные Штаты Америки?

Сомохов покачал головой:

– В мое время были³⁶. Ну, не важно. Я вас перебил, простите великодушно. Продолжайте, пожалуйста.

Малышев собрался.

– Так вот. У них краеугольный камень жизни – успех, удача. А главное ругательство – лузер, неудачник. Смешно, американский фильм напоминает.

³⁵ Вальгалла (Вальхгалла) – небесные палаты Одина, куда этот бог собирает лучших бойцов после их смерти на земле.

³⁶ Намек на Мексиканские Соединенные Штаты и старое название США – Североамериканские Соединенные Штаты.

Сомохов нахмурился. Горовой даже не пытался следить за нитью разговора. Что касается Захара, то он увязался за кем-то из дворовых девок, объясняя, что неплохо бы и покормить гостей.

Улугбек Карлович переспросил:

– Простите, что напоминает?

Малышев прокрутил в голове, что он знает о начале двадцатого века. Вроде кинематограф уже был.

– Ну, фильм... Синема. Кинематограф.

Сомохов понимающе закивал:

– А, ну да. Синема. А что, уже и в такой глуши, как Североамериканские Соединенные Штаты, кинематографические ленты снимают? Я думал, они больше по производству стали и животноводству специализируются.

Малышев вспомнил о Голливуде и решил закончить экскурс в будущую историю.

– Да уж. Дошел прогресс.

Сомохов все покачивал головой:

– Надо же...

11

Пир

Вечером были похороны хирдманов ярла или, как их стали недавно называть на славянский манер, дружинников.

Христианство все еще было религией немногих. Русь крестилась, но на окраинах все так же почитали древних славянских, а некоторые и неславянских богов, отмечали языческие празднества, совершали жертвоприношения. Тот же Святополк Изяславович, князь Новгородский и наследник конига Киевского, хоть и получил при крещении имя Михаил, был известен более под языческим именем. Говорят, с нехристианским именем князь получил и неумный дух, кидавший его из одной войны в следующую.

Двух погибших викингов готовили хоронить на плоту у берега Лупы. В креслах, прибитых по центру бревенчатого помоста плота, с мечами в руках, обложенные щитами и мешками с зерном и рыбой, они уходили в свое последнее плавание. В городке довольно мирно уживались рядом православный священник отец Варсонфий и языческие идолы. Более половины населения Хобурга крестились и почитали Христа, но сам ярл и большая часть дружины, особенно выходцы из норвежских и шведских земель, продолжали приносить жертвы старым богам – Одину и Тору.

Своих священнослужителей у старой религии в городке не было. Один из хирдманов Струппарсона, высокий седой ветеран многих боев, исполнявший роль жреца, у основания деревянных идолов, стоящих у входа в город, перерезал горло жертвенному бычку. Вместе с первой кровью животного, капнувшей на землю и жертвенный камень, зазвучала песнь старого хирдмана. Двое дружинников из числа ближайших товарищей погибших подожгли плот.

Подвывая и грохоча рублеными словами забытых скандинавских наречий, воин говорил речитативом. Он просил богов за своих друзей, души которых уносились в жертвенном дыму горящего плота в Вальгаллу. Просил Отца воинов принять их, славил их подвиги и смелость, удачу и захваченную в боях добычу. Если бы погиб ярл или кто-либо из его ближайших родственников, то церемония была бы торжественней. Принесли бы в жертву целое стадо коров,

зарезали бы лошадей. Вожди в последний путь уходят в собственных драккарах с умерщвленными рабами и трупами врагов, с золотыми украшениями и лучшим оружием, чтобы предстать перед очами Одина во всем блеске и славе, пировать в его небесных палатах, готовясь каждый день к последней битве мира. Для самых выдающихся возводят курганы.

Простые воины прощались с окружающим миром более буднично. Даже в капище за жрецами не посылали...

Одновременно в городе у церкви отец Варсонфий отпевал Кирку Плешивого. Здесь жгли ладан и свечи, пели псалмы и крестились. Потом процессия из христианского храма двинулась через городок к единственным воротам, направляясь вдоль шеренги идолов языческих богов к христианскому кладбищу.

«Полочане» наблюдали все это действо с большим интересом.

Сомохов и Малышев больше внимания уделяли обрядам викингов. Это объяснялось профессиональным интересом первого и любопытством второго. Горовой, как глубоко верующий человек, считал своим долгом присутствовать на церемонии в церквушке, где поразила всех своей привычкой креститься щепотью и подпевать настоятелю.

Захар увязался за Тимофеем, в котором чувствовал более родственную душу, чем в чудачковатом интеллигенте и фотографe.

После похорон был общий пир. В большом зале дома ярла накрыли стол для дружины, семьи ярла и особо почетных гостей из городка, отца Варсонфия, купцов да старшин ремесленников.

Ели мясо жареного жертвенного быка, рыбу, пареную репу, капусту. Пили настоящую на меду брагу и крепкое ячменное пиво, оставшееся с праздника Середины зимы. Народ здесь не знал удержу и быстро хмелел. По мере увеличения выпитого пожелания мертвым начали сменяться здравицами в честь живых. Подымали рога и кубки в честь ярла, хевдинга³⁷ Святополка, самого кагана-князя Святополка, фру Ингистид, подарившей ярлу таких сыновей, спасенных торговых гостей, выздоровление раненых и прочая, прочая... Речь становилась все более вязкой, как загустевший кисель, а рев приветствий – все более нестройным.

Костя решил, что пришла пора сидевшим беглецам из тайного капища забытой богини обсудить дела свои горькие. Ярл еще раз при всех заявил, что рад освобождению гостей и готов отпустить их, куда те пожелают. Проблема была в том, что «спасенные торговые гости» толком не могли сказать, куда они сами желают отбыть.

Костя промышчал трезвому, как стекло, Сомохову, что есть дело, которое надо решать незамедлительно, и потянул того на двор. Они не были первыми, кто вышел из-за стола. Подышать и отдать дань уважения тыловой стороне конюшни по очереди выходили практически все в зале. Да и что тут такого?

Четверо гостей, увешанных странными амулетами и чудными дубинками, встали и двинулись к выходу. Посадили их, кстати, на почетном месте. Не по правую руку, но недалеко от ярла, а это уже достижение для тех, кто недавно лежал связанными у исчадий Локи.

Никто из дружины, казалось, и не обратил внимания, что здоровенные полочане исчезли из пиршественного зала. Только маленький вертлявый мужичонка, сидевший у края накрытой для всякого пришедшего сброда широкой лавы, натянул трюх поплотней и юркнул следом.

...А говорить им было о чем. Каждый что-либо да оставил в своем прошлом-будущем. Вернуться домой хотели все. Только как это сделать, не знали. Жрецы чуждой богини растворились в просторах Балтийского моря. Искать их за тридевятью землями в абсолютно незнакомой ситуации, не зная реалий существующего вокруг них мира и, что уж там, не имея даже средств, было проблематично. Поэтому общим голосованием при трех «за» и одном «про-

³⁷ Хевдингг (сканд.) – то же, что и уездный князь, но в подчинении у конунга, роль которого играл каган, или верховный князь, Киева.

тив» (Горовой, оставивший в своем времени жену и двух детей, предлагал немедленно идти в погоню за поклонниками культа Архви) было решено пользоваться гостеприимством ярла, пока они хотя бы тут не освоятся. На огнестрельное оружие с тем ограниченным запасом боеприпасов, каким они располагали, рассчитывать не приходилось, поэтому вникать в окружающую реальность надо было по полной программе: быт, язык, обычаи. Весной, которая понемногу вступала в свои права, по словам местных, пойдут торговые караваны в Европу, и им еще представится возможность пристать к одному из них и отправиться на поиски того самого приспособления или волшебства, которое так легко перекинуло их в этот мир.

Глава 2

В путь

1

Следующую неделю четверка «полочан», согласно собственному плану, осваивалась в новом времени. Язык общения, старорусский с вкраплением шведского и немецкого, постепенно становился более понятен, понемногу исчезали акцент и недопонимание. Чтобы занять гостей, ожидающих первого каравана на Запад, ярл предложил им потренироваться с молодой дружиной на ристалище за городом. К его удивлению, гости быстро согласились. Горовой довольно легко вписался в дружину ярла, быстро снискав уважение своей кривой турецкой саблей, передававшейся в роду подьесаула на правах семейной реликвии от отца к сыну. Вместе с ним тренировались Захар и Костя.

В основном при работе с мечом или секирой изучались две методики: работа в строю со щитом и бой один на один. При стеновом щитовом бое в первый ряд становились лучшие воины, способные поражать врага из-за щита мечом или секирой. Второй ряд, прикрывая им головы щитами, бил поверх шлемов и между ног копьями, третий ряд добивал раненых врагов. Техника индивидуального фехтования не отличалась разнообразием. При битве в строю главное было не открыть бок товарища. В бою же один на один основной упор делался на силу и выносливость ратников, когда соперники обменивались чудовищными ударами по щитам, и побеждал тот, чья рука дольше выдержит и чей щит крепче. На вполне обоснованный вопрос Кости о том, как при такой тактике воин будет воевать, когда его щит придет в негодность, старый опытный Бьерн по прозвищу Гусак (за привычку вытягивать шею) ответил, что викинг в поход идет всегда с несколькими щитами. Дружинники с копьями да стрелки тренировались на краю ристалища, используя в качестве целей соломенные чучела. Лук здесь считался больше охотничьим, чем военным оружием.

На лошадях викинги не воевали, чем очень огорчили привыкшего к джигитовке казака. Но и в пешем бою у подьесаула было чему поучиться. Имея преимущество в росте, длине рук и весе перед любым из дружины, казак легко фехтовал своей саблей, которая по весу не уступала большинству мечей гридней ярла. При этом он крутился как волчок, приседал, ухал, уворачиваясь от саженных замахов дружинников, то увеличивая, то сокращая дистанцию. Даже поменяв саблю на деревянный учебный меч, он легко одолел всех молодых, а затем и нескольких старых опытных рубак из телохранителей ярла. При этом наотрез отказываясь взять во вторую руку щит. Тем не менее очень скоро пользу щита доказал ему все тот же Бьерн, заменив меч на длинное копьё с широким наконечником. Не давая казаку сократить дистанцию, он трижды «наколот» его в течение минуты. После таких аргументов Горовой, так же как и все, начал фехтовать со щитом.

Захар отказался осваивать меч. При своем преимуществе в росте он предпочел более простую, но не менее эффективную секиру. Традиционное оружие викингов требовало недюжинной силы, которую те приобретали с двенадцати лет³⁸, участвуя в качестве гребцов в бесконечных набегах на своих драккарах и терроризируя все побережья от Руси до Сицилии. Силы у сибирского промысловика было с избытком даже по меркам двадцатого века. Он довольно легко освоил щитовую рубку «стенка на стенку» и нюансы индивидуального боя на топорах и

³⁸ С двенадцати лет викинг мог участвовать в походах.

боевых молотах. Под одобрительное кряхтение старых гридней, проводящих учения, затупленная секира в руках красноармейца летала как живая, а размеренные удары, которые он наносил по щитам соперников, напоминали работу хорошего лесоруба. Широкоплечие викинги только ухмылялись, когда под ударами Захарового оружия разлетались более хлипкие дружинники из Центральной Руси. Впрочем, молодые викинги держались немногим лучше. Как сказал Слугви Лисица, руководивший обучением молодежи, в бой пускать такого еще рано, годок пусть учится, но если что, то в щитовом строю, может, и выживет.

Хуже всего дела обстояли у Кости. Будучи самым высоким из «полочан», он не мог похватать ни выносливостью и силой Пригодько, ни опытом Горового. От секиры рука его быстро уставала, и, хотя эта проблема могла быть решена длительными тренировками, он остановил свой выбор на мече. В бою этим оружием разница в классе с соперниками по тренировкам для него частично нивелировалась длиной рук, а работа ног напоминала «танец» в дзюдо, где выдвинутая вперед нога также не может быть опорной и должна легко уходить с линии атаки.

Учения шли тяжело. На то, чтобы вырастить хорошего воина, уходят годы, а обучение идет всю жизнь, причем от качества усвоения информации часто зависит и продолжительность самой жизни. Но успехи были. Легче всего шла работа в «стеновом» бою, когда бедро и бок прикрыты щитом соседа, а атака зависит от длины рук и меча. Хуже пока обстояли дела в индивидуальном бою, но работа со старыми гриднями, каждое утро гонявшими молодых дружинников, и по вечерам с Горовым, передававшим товарищам по несчастью основы фехтования на саблях, давала плоды. Тимофей постоянно сетовал на отсутствие возможности тренировок на лошадях, убеждая, что «добрая» лава сметет «энтих землекопов» или «пехтуру», как ветер сдувает листья. Ярл и старшие дружинники посмеивались над этими словами, утверждая, что своим щитовым боем варяги били всю Европу и от добра добра не ищут. К тому же, идя в поход на драккарах (а как же еще ходить в походы?), где уместить лошадей? Все свободное место на кораблях должны занимать еда и вода, чтобы набег был удачен и внезапен, а на обратном пути – добыча и рабы. Такие споры заканчивались чаще всего обиженным сопением казака и довольным хохотом варягов и дружинников.

Старый Спогги Кабанья Нога обычно добавлял, что, если бы воины должны были биться верхом, они бы рождались с копытами и хвостами, а Один, даруя им меч, не забыл бы и о седле вместо задницы, – чем вызвал новый взрыв хохота среди дружины.

Единственным, кто отказался заниматься обучением на ристалище, был Сомохов. Ученый сказал, что будет использовать оружие только для защиты. А для этого ему хватит винтовки и навыков фехтования, полученных в Берлинском университете. Которые он продемонстрировал соратникам, по очереди выбив учебные мечи из рук Захара и Кости.

Большую часть времени археолог проводил в лавках и лабазах торговцев, зимовавших в Хобурге, в беседах с торговыми приказчиками и купцами, пытаясь узнать политическую ситуацию в Европе и разведать пути в Малую Азию. Выходило как минимум два варианта: через Киев в Константинополь, а оттуда через Босфорский пролив или через Геную и Пизу. Первый вариант был короче, но имел существенный недостаток: Византия воевала с арабами, захватившими ее владения в Азии, и поход через Константинополь грозил стать путешествием через театр боевых действий, где первым делом рубят иноверцев, чужестранцев и вообще тех, кто под руку попадет. Второй вариант был более продолжительным, но менее опасным. Хитрованы генуэзцы и венецианцы, конкурируя с византийскими купцами и друг с другом, торговали и дружили с мусульманской Малой Азией, а в том числе и с Эдессом и Антиохией. Кроме того, через Хобург часто ходили караваны в Германскую империю, а через германские северо-итальянские земли более вероятно было благополучно добраться в города-республики.

За время, которое «полочане» провели в гостях у ярла, осваиваясь в новом мире, через Хобург пару раз проходили торговые снеки из русских земель. Но это были свенские или нурманские корабли, продавшие селедку и железо и спешившие домой с пенькой, льном, мехом и

медом. Караваны, идущие в Померанию или Британию, еще только сколачивались на выходе из Новгорода. До монополии Ганзейского союза торговля еще не доросла, но морские конунги по весне сбивались в приличные стаи и рыскали по Балтике, поэтому торговцы пускались в путь только в составе большой компании и с надежной охраной.

В один из вечеров Сомохов предложил провести инвентаризацию наличных вещей, с целью выявления их полезности и, соответственно, ценности для окружающего мира. Питание им предоставлял гостеприимный ярл, при доме которого, кроме них, зимовало десятка полтора гостей. Гуннар следовал древнему норвежскому правилу: жилище, полное гостей, придает блеск роду и возвеличивает хозяина. С едой проблем пока не было, но для похода необходимы были средства, одежда и, наконец, оружие, которое стоило немалых денег. Местные кузнецы ковали неплохие мечи и копейные наконечники, но лучшее вооружение везли из Новгорода, а доспехи – из Алемании, и обходилось это недешево по любым меркам.

Дела были не особенно хороши. Из драгоценностей у них оказалось лишь обручальное кольцо Горового, которое тот наотрез отказался продавать, и золотые крестики ученого и казака. Высоко ценимое тут цветное сукно было представлено в виде выцветших гимнастеров и штанов Горового и Пригодько, так как Малышев по «последней» моде был в суровых джинсах (тоже изрядно выцветших) и льняной некрашеной рубашке. Шортами и английским френчем на выпуск Сомохова можно было прельстить только местное общество авангардных кутюрье. Ввиду отсутствия таковых, одежда ученого была явно невостребована.

Оставались личные вещи. Конечно, продажа даже одной винтовки решила бы проблему наличных, но все постановили, что оружие пригодится им самим. Да и «давать обезьяне гранату», как выразился Малышев, никто не хотел.

Пришлось перебирать вещмешок Захара и сумку Кости, так как только у них сохранилось что-то ценное еще из прошлой жизни. Начали с сидора³⁹ красноармейца. Сомохов, как специалист по окружающей их эпохе, сразу отложил в сторону нож, пару газет, три полных диска к автомату, гранату и пустой кисет из-под махорки. Отсутствие последней особенно тяжело переживали курящие Горовой и Пригодько. Все отложенное на продажу могло поступить только в самом крайнем случае.

В другую сторону, к «ненужным» вещам, были причислены пара грязного исподнего, запасные портянки и подметки к ботинкам. Зато трофейная алюминиевая фляга с коньяком вызвала восторг у Улугбека. С нее был снят защитный матерчатый кожух, и за вечер Захар начистил ее до зеркального блеска.

У Кости половину сумки занимали объективы и фотоаппарат, который было решено оставить себе, пара детективов, запасные карабины для альпинизма, молоток, термос с чаем, пачка револьверных патронов и аптечка. Кроме нескольких змеиных антидотов, там были резиновый жгут, бинты, йод, аспирин, пачка стрептоцида, презервативы и упаковка шприц-тюбиков с сильным антибиотиком на крайний случай. Сомохов радостно присвистнул при виде такого подарка судьбы, и хотя о назначении части лекарств мог только догадываться, но предложить на продажу чего-либо из аптечки отказался – при случае пригодится самим. Зато термос, электронные часы и газовую зажигалку зачислил в фонд высоколиквидных активов.

У Горового, кроме сабли, были только подсумок с семью десятками патронов для винтовки, пачка на двадцать патронов к револьверу и бинокль в футляре. После короткого спора «биноклю» оставили «на потом».

У самого Улугбека Карловича, кроме пробкового шлема, в карманах нашлись две чернильные ручки в футляре, пара блокнотов, наполовину исписанных, и самоучитель турецкого языка выпуска тысяча девятьсот второго года. Какую-нибудь ценность представляли только позолоченные карманные часы на медной цепочке.

³⁹ Сидор – мешок с затягиваемой горловиной. Носится как рюкзак.

К купцам пошли Сомохов и Малышев. Обход торговцев превзошел все ожидания.

Ленивые и нарочито незаинтересованные вначале, они взвивались фонтанами красноречия, когда полочане вставали, чтобы идти к их соседям. Хитом своеобразного аукциона стали термос и зажигалка. Китайский термос с красной эмалью и летящими журавлями был довольно новым и смотрелся еще очень даже презентабельно. А то, что он хранит горячий сбитень⁴⁰ на морозе, делало вещь и вовсе чудодейственной.

К вечеру бородатый купец из Суздаля стал обладателем термоса, а зажигалка ушла к персу, выигравшему спор за нее у пожилого новгородского приказчика. Флягу из алюминия, начищенную Захаром до блеска, оценив по достоинству легкий вес и необычность металла, купил свен. Полочане стали богаче на восемь магдебургских марок⁴¹ и полторы новгородские гривны. Это были не просто хорошие, а очень даже приличные капиталы. За марку давали корову, а за гривну и все три. Больше всего сокрушался перс. Отсчитывая шесть марок за зажигалку, он вздыхал, сетовал на свое невезение и на склочность пришельцев, клялся детьми, что, наверное, придется оставить бизнес и пойти торговать водой на рынке. Сомохов только улыбался. В палатах шейхов в Азии или хаканов в степи немало найдется желающих купить «вечный огонь, запертый джином в сердце легкого багрового камня, привезенного из далекой страны Тхат».

Полутру соратники повторили обход купцов, но уже присматривая товары себе. Торг повторялся, но теперь уже они сбивали цену, а купцы нахваливали свои товары. Нормальным для продавца было при первой малейшей заинтересованности со стороны покупателя бессовестно повышать цену раз в пять по сравнению с той, по которой он в конце концов соглашался отпустить товар. К полудню одежда, в которой жители двадцатого века попали в век одиннадцатый, перекочевала в мешки, и четверка гостей ярла перестала отличаться от окружающих. Были куплены льняные некрашенные рубахи самого большого размера, кожаные штаны с подвязками по паре на брата, крепкие накидки из кожи тюленя для морских путешествий, теплые жилеты с шерстяной подкладкой и свитера, хорошие как зимой, так и балтийским летом. Кроме того, купили широкие ремни с наборными медными бляхами, которые были обязательным атрибутом вольного мужчины. Для Захара и Кости подобрали мечи новгородской стали в красных ножнах, которые были для них только-только по руке и весили не больше полутора килограммов. Горовой оставил себе свою турецкую саблю, а Улугбек вообще отказался от оружия. Он заявил, что привык к рапирам или шпагам, а махать веслом или кочергой не его дело. Еще купили у местных кузнецов по двадцатисантиметровому кинжалу, которые здесь считались «ножиками», свенскую секиру на длинной рукоятке для Захара, пару коротких копий, четыре цветных щита с медными умбонами и по стеганому жилету, обшитому железными бляхами. На шлемы решили не тратить, тем более что и размеров подходящих не было. Обувь каждый предпочел оставить свою, только Сомохову заказали сапоги. Последней закупили разную нужную мелочь: деревянные ложки, заплечные кожаные мешки, треухи из лисы для Кости и Захара, бобровую шапку для Горового и скромную кожаную феску с завязками на алеманский манер для Улугбека.

Вечер в гостевом доме «полочане» встречали полностью экипированные, но значительно обедневшие. Из всего капитала остались только две целые магдебургские марки, и половину гривны разменивали на мешочек серебряных ноготков и дирхемов, которыми здесь расплачивались на постоянных дворах и в харчевнях. Зато уверенности в собственных силах и в завтрашнем дне немного прибавилось.

Не успела молодая луна появиться на ясном вечернем небе, как в горницу вошел один из хирдманов ярла. Воины занимали два дружинных дома, называемых на скандинавский манер

⁴⁰ Сбитень – напиток, сваренный на меду с добавлением трав, пили обычно горячим.

⁴¹ Марка – мера веса, равная в этот период примерно 215 граммам.

«гридами», и по лицу вошедшего было видно, что он не одобряет пришельцев, поселившихся в отдельном гостевом доме, вместо того чтобы с веселыми холостыми молодцами бражничать и играть в кости или в местную разновидность нардов. Так вели себя по большей части только иноверцы и богатые купцы, позванные ярлом в гости. Но на богатых торговых гостей пришлые полочане не походили. Всего-то товаров, что в заплечных мешках, а из оружия – могучие, но вонючие колдовские палки. Каждый викинг знает, что не мужское это дело – колдовством заниматься. Женщины могут быть в этом сведущи, хороший воин – никогда. Да и нормальным оружием полочане владеют как дети малые, только один и может своим кривым мечом махать, да и то со щитом не знает, что и делать. Тьфу, одним словом. Хирдман немного поджимал губы, когда передавал желание хозяина города видеть их побыстрее.

В гриднице, где Гуннар закатывал пиры и принимал гостей, кроме четверки вызванных «спасенных» торговых гостей и самого ярла было двое незнакомцев. Еще днем к причальным мосткам подошла малая торговая снека. С приближением весны со стороны Волхова вот-вот должны были пойти первые торговые караваны, но кому-то явно не терпелось. Дружина на снеке не походила на торговцев или обычную корабельную рать – все как на подбор высокие и широкоплечие, больше на дружинников смахивают, чем на мореходов. Народ у причальных мостков попытался выведать, кто такие да куда путь держат, но те только отшучивались, улыбались да пожимали плечами.

Косте, который днем как раз болтался возле причалов, это не показалось необычным. Ну, решил какой-то купчина сливки снять со свенских или немецких рынков, раньше всех вывалить меха гладкие, да воск, да моржовый бивень. Так ведь и поговорка такая есть: «Кто успел, тот и съел». А охрану крутую набрал, так и видно, что не дурак, – ребята кряжистые. Снека многовесельная, хоть и груженная, а с такой командой на веслах полетит – догони. Да и в стычку с такими орлами морским пиратам лезть не захочется. На снеке человек тридцать – пузатенький корабль, а весел, как у драккара⁴². Хотя морской конунг на то и морской конунг, чтобы гнаться и захватывать все, что на море увидит.

Гости ярла были не похожи друг на друга. Один – дородный купчина, когда-то сильный, как медведь, с годами заплыл жиром, но, видно, хватку не потерял. Одетый в богатый, шитый серебром плащ, из-под которого виднелся бархатный кафтан, с широкой окладистой бородой, доходящей до пуза, он походил на боярина из фильма советской эпохи. Только глазки были не масляно-осоловелыми, а острыми и цепкими, да руки с закатанными рукавами бугрились жгутами мышц.

Второй гость ярла был типичным воином. Видавшее не один десяток битв, огрубевшее от ветра и морских брызг, посеченное шрамами лицо старого рубаки было непроницаемо для эмоций. Одет он был в бархатный камзол с широким кожаным поясом с золочеными или даже золотыми бляхами. Накидка из тюленьей кожи лежала рядом на лавке. Грубые походные кожаные штаны были заправлены в легкие кожаные сапожки без каблуков, обшитые по голенищу синими и красными нитками. Мечи пришедших, лишённые всяческих украшений, были сложены у входа.

Полочане поклонились и стали ждать приглашения.

Гости и ярл пировали, но это был странный пир. В обычае у нурманов, к которым относил себя обрусевший ярл, было кутить часто, приглашая к столу всех гостей и дружину. Таким образом сохранялось единение, и ярл или хельд держался как высший из равных. Сейчас за столом не было ни дружины, ни приглашенных купцов из числа тех, кто остался зимовать в городке, ни родичей ярла.

⁴² Иерархия кораблей у скандинавов была простая: мелкие торговые снеки (экипаж до пятнадцати человек, основной движитель – парус), большие боевые быстрые драккары (экипаж до пятидесяти человек, быстро шел как под парусом, так и на веслах), большие торговые кноры (экипаж до тридцати человек, движитель – парус, весла только для входов в порт).

Гуннар и странная пара в молчании поедали жареных гусей, квашеную капусту, закусывая большими ломтями хлеба. На столе стояла полупустая братина⁴³, открытый бочонок зимнего пива⁴⁴ и блюдо со свенской селедкой.

Ярл жестом пригласил вошедших садиться.

Когда «полочане» расселись вокруг стола, Гуннар собственноручно наполнил братину доверху и, плеснув немного в сторону горящего очага, пустил ее по кругу, провозгласив тост за Одина и Перуна и сына его Христа, приведших этой весной в его дом таких редких гостей.

После того как ножи вошедших присоединились к ножам незнакомцев, разделявавших гусятину, ярл начал рассказывать, зачем позвал полоцких гостей.

– Вижу я, давно вы за морем ходите, многое видели, много знаете, – начал хитроумный ярл Хобурга.

«Торговые гости» только кивнули. Все молчали в ожидании, когда же хозяин дома подойдет к сути собрания, но тот не спешил.

– Видели вы много и странствовали долго, да понял я, что назад домой не собираетесь.

Археолог и казак на правах старших кивнули утвердительно. Ярл помнил объяснения Сомохова о том, что без украденного жрецами капища Архви сокровища, которое странники везли домой из дальних краев, делать им на родине нечего.

Гуннар повел плечами в сторону сидевших и все еще не представленных русичей.

– А вот други конунга моего, славного Святополка Изяславовича, в земли мессенские, что за Померанией, в торговом интересе ехать собрались.

Приплывший гость, похожий на купчину, важно кивнул. Лицо сидевшего рядом воина осталось безучастным, только нож его замелькал быстрее.

– Вот и думаю я, что такие знатные мореходы, выдавшие страны и за Исмаиловым морем, пригодятся друзьям моим, да и вам, вижу, не терпится в погоню за чудом своим пуститься.

Пока «полочане» переваривали полученную информацию, ярл продолжил:

– Добрый купец Онисий Навкратович во всех землях киевских, новгородских да полоцких известен. – Купчина приосанился. – Да и княжий гридень Сила Титович не только в новгородских пределах славен.

Пожилый воин княжеской дружины Сила Титович наклонил голову в сторону местного хевдинга, благодаря его за лестные слова. Но по лицу старого воина было видно, что треп в гриднице его трогает мало. Здесь его не хвалили, а только представляли незнамо откуда прибывшим потрепанным незнакомцам, да еще из Полоцка, с которым у новгородцев старая вражда.

Почему такой известный купец в сопровождении воина из княжеского окружения, не дождавшись большого каравана, поплыл в немецкие земли по опасному Варяжскому морю, Гуннар не объяснил. Только предложил присоединиться к путешествию.

Немного информации добавил купец. Поигрывая своим клинком с насаженной на него гусиной грудкой, он прогудел:

– Широкочтимый Гуннар Струппарсон рассказал нам, что видели вы много пределов земных, да колдовским оружием владеете. Рано мы из Волхова вышли, да не можно нам ждать, пока другие соберутся. В саксонский Магдебург до лета попасть надобнать. А в море сейчас неспокойно. Идти с большой дружиной... – Купец поперхнулся, поняв, что невольно сболтнул лишнего. – Э-э-э... Идти с ратью корабельной – это как мясом свежим перед волками размахивать. А на быстром драккаре поперек моря проскочим враз до Померании, а оттуда до Сак-

⁴³ Чаша, пускаемая по кругу.

⁴⁴ Зимнее пиво – зимой из сваренного пива вымораживалась вода, таким образом, удавалось достигнуть приличной крепости напитка.

сона рукой подать. Гридни у меня славные, да только лишние не помешают. А вы не только воины добрые, так еще и земли видали. Да и по пути нам будет. На караване с вас серебро за провоз попросят, а я за «так» довезу, да еще и прокорм по дороге мой. Ну так что, гости далекие? Пойдет такой расклад? – осведомился купец.

Костя и Горовой только начали мычать что-то в знак согласия, как Захар ответил за всех:

– Чтой-то странные вещи ты предлагаешь, купец. – Он перевел взгляд на Силу Титовича, хотя княжеский воевода делал вид, что его этот разговор не касается. – Предлагаешь нам к себе в охрану пойти, а из жалованья только прокорм обещаешь?!

Ярл ухмыльнулся. А купец только крикнул и по столу кулаком съездил:

– Я, ебарны корец, и без колдовских штучек до Саксона и Мессена дойду, а вы до каравана сидеть здесь будете. Да и то не ясно, кто из купчишек вас на борт снеки пустит. Да сколько гривен за провоз потребует. А я и прокорм даю, и денег не требую. Да...

Но купца прервал старый воин.

Слегка рыкнув в сторону Онисия, как старый вожак осаждает молодого щенка, Сила Титович впервые за вечер сказал свое слово:

– Верно говоришь, молодой вой. Ежели брать кого с собой для охораны или колдовства какого путного, то и предлагать надобнать что-то, акромья кормежки.

Сила Титович замолчал, предоставляя дальнейшее слово купцу.

Тот поскрипел зубами, но видно было, что решение уже принято. И принято не им, номинальным главой и хозяином похода, а командиром собственной охраны.

Через четверть часа условия службы четверки в купеческом походе были оговорены. Кроме еды они получали по четверти магдебургской марки в саксонском порту Хомбурге, а ежели и до Магдебурга останутся с купцами, то еще четверть на всех. В Магдебурге купец собирался остаться до осени, а назад двигать с большим караваном до первых холодов. На том и порешили.

В знак того, что «полочане» приняты в корабельную рать купца, они взрезали себе руки перед идолами из капища и поклялись не жалеть ни живота, ни оружия своего ради купца и его имущества, пока не дойдут они до ворот саксонского города Магдебург. После этого процедура повторилась у стен церкви. Около полуночи гости ярла разошлись.

Четверка ушла готовиться к нежданно свалившейся на них поездке, а новгородские гости – отдыхать от законченной пирушки.

2

Купеческое предложение

Наутро вставших спозаранку товарищей ждал следующий сюрприз. Ночью из рейда пришел драккар ярла «Одноглазый Волк» с четырьмя десятками человек старшей дружины. Теперь воинство Струппарсона насчитывало девяносто четыре человека и выглядело солидно, по местным меркам. Впрочем, в случае военных действий в ополчение собирались все взрослые мужчины из городка, приходили отряды из поселков землепашцев или, как их здесь называли, «бондов», из поселка рыбаков, что стоял вверху по Ладоге, да ушкуйники⁴⁵ с лесовиками. Всего в ополчение могло стать до пятисот человек.

⁴⁵ Ушкуйники – здесь промысловики, занимавшиеся добычей пушного зверя.

Но сейчас хирдманы ярла были заняты другим. Под присмотром Силы Титовича они споро меняли канаты и оснастку паруса, чистили и заново просмаливали бока драккара. Корабль Гуннара Струппарсона возвышался над торговой снекой Онисия Навкратовича, как лесной зубр возвышается над теленком. Узкий и высокий, сделанный для быстрых морских переходов, драккар выглядел рядом со снекой, как матерая хищная касатка рядом с вытянутым на берег мирным толстоватым тюленем.

– Что случилось? Мы что, сегодня не отплываем? – спросил Сомохов.

Сила Титович проигнорировал вопрос и продолжал руководить подготовкой драккара.

– Я вижу, вы тут. Ну, как вам посудина, на которой нам болтаться по Варяжскому морю? – Голос подошедшего сзади купца был низким и гулким. Из-за внушительного живота даже создавалось впечатление, что голос идет из глубокой бочки или подземелья.

Первым смысл фразы дошел до казака.

– Энто что ж, нам на ярловом кораблике в море идти?

Купец развел руками, выражая и смущение, и непонимание. В его исполнении это напоминало игру начинающего актера из драмкружка.

– Да я вот и сам удивлен. Ярл как узнал, что его драккар вернулся, так и говорит, чтобы мы его взяли вместо моей верной «Быстрой свинки».

Купец ухмылялся и похлопывал себя по обширному пузу, затянутому сегодня в кожаный жилет с накладными карманами на немецкий манер.

– Я уж с ним и спорил, и говорил, мол, не надобнать. А он все одно твердит, мол, добрый ты купец, Онисий Навкратович, да на своей снеке по морю не пройдешь. А на моем драккаре быстрее птицы долетишь.

Такая щедрость, по всей видимости, не была для него, как и для Силы Титовича, сюрпризом, а вот Сомохова и Костю Малышева наводила на размышления.

После того как все четверо вернулись в гостевой дом, Малышев озвучил родившиеся у него сомнения:

– Что-то это не похоже на обычную торговую поездку.

Пока он подбирал слова для того, чтобы объединить свои разрозненные подозрения в понятные и логические фразы, ответил Улугбек Карлович. За время, проведенное в гостях у ярла, археолог несколько отдалился от Горового, которому по складу характера и мировосприятия был ближе простоватый Захар, и стал больше времени проводить, общаясь с Малышевым.

– Да уж. Вы, верно, правы. Чтобы купец не дождался каравана в самую опасную пору? Да ему и княжеских дружинников дали под его дурную голову. А потом еще и ярл, ставленник Новгородского князя, свой последний драккар отдал? Тут чем-то посерьезней выгодной торговой сделки пахнет.

Захар, насупившись, молчал, а подбесаул только рукой махнул:

– Я энти политесы не понимаю.

За месяц, проведенный в одиннадцатом веке, Горовой, несмотря на то что вошел в новый мир легче всех, очень сильно переживал разлуку с семьей. Жизнь казачья походная, но всегда есть надежда вновь увидеть родную станицу. А теперь Горового лишили и этой надежды. И подбесаул горел желанием быстрее пуститься в погоню за перенесшими его в этот век колдунами. Всяческие сомнения он отметал как несущественные.

– Ежели нам предлагают идтить за этими басурманами, что нас сюда затянули, то я за, даже ежели нас за собой черт с луной под мышкой позовет.

Малышев не разделял такого настроения. Это была первая размолвка среди четверки ново-явленных «полочан» после их решения во время первого пира у ярла идти за похитителями.

Фотографа, в отличие от семейного реестрового казака, в двадцатом веке никто, кроме родителей, не ждал. Стариков было, конечно, жалко, как и утраченных благ цивилизации, как-то: межконтинентальные путешествия, медицинское обслуживание, центральное отопление и

канализации с унитазами, оснащенными теплыми сидушками. Но зато впереди на его долю приходилось самое большое путешествие, которое он мог себе представить в своей однокомнатной съемной московской квартире. И ни на какие блага он бы сейчас не променял его. Хотя перспектива вернуться или хотя бы иметь такую возможность манила, и манила страстно.

Захар вообще не переживал из-за сложившейся ситуации. Выдернутый из месива Финской войны, он радовался тому, что его никто не заставляет воевать или строить что-то, ему лично не очень нужное, вроде Беломорканала. Возвращаться в свое время он явно не желал. Дед, воспитавший внука после того, как его батька исчез в водоворотах Гражданской, помер. Брат уже может содержать себя сам. Возвращаться к бесноватому, одержимому идеей мировой революции и Коминтерна комиссару Войтману молодому промысловому не хотелось. Ему и здесь очень нравилось. Нравилось озеро, полное рыбы, леса со зверьем, нравились мужики, которые его окружали. Нравилось, что все дворовые девки бросают на него, высокого по местным меркам, весьма недвусмысленные взгляды. Нравилось все, но оставаться тут одному и бросать тех, с кем он был связан, пусть только и веком проживания, он не хотел. Беда породила их и связала, как связывают родственные или дружеские узы.

Сомохову приходилось несладко. Для кого – приключение, для него же это было погружение в то, о чем мечтает каждый археолог. Прошлое, которое он собирал кисточками и скребками по грамму, а потом разгадывал долгими вечерами, – это прошлое было теперь перед ним. Караванные пути, викинги, Киевская Русь, средневековая Европа – хотелось увидеть и ощутить все... И при этом иметь возможность вернуться... Обязательно вернуться – триумфатором... И стать самым большим экспертом по этому культурному и историческому пласту истории. Самолюбие приятно баловали открывающиеся перспективы. И поэтому оставаться в медвежьем углу, когда можно увидеть Европу, посетить Магдебург или древний Гамбург, который здесь называли Хомбург, окунуться в атмосферу Венеции, – эта перспектива была для него слаще самого сладкого швейцарского шоколада и желанней самой прекрасной женщины.

Одно смущало археолога:

– Ну, допустим, милостивые государи, что мы все-таки настигнем наших похитителей и даже, допуская такую возможность, разгромим их в самом их сердце, азиатском логове. Хотя надеяться здесь на то, что огнестрельное оружие поможет нам одержать верх над людьми, которые могут переноситься во времени, для меня, например, не представляется возможным. Но допустим, – Сомохов перевел дыхание, – допустим, мы победили их и захватили статую богини, которую они явно используют как машину для переноса людей и предметов сквозь временные пласты... Машину времени, что ли?! Что мы сможем с ней сделать, как запустим тот механизм, что переносит сквозь эпохи? Даже захвати мы пленных – а я не думаю, что все они умеют управлять этим процессом, – так вот... Даже захвати мы пленных, как мы заставим их открыть нам эту тайну, ежели все они будут выбирать смерть, как тот плененный охранник, зарезанный уважаемым господином Струппарсоном?

Пока Малышев хмурил брови, изображая раздумья по поводу сказанного, а Горовой перебирал вещи в своем мешке, демонстративно делая вид, что его это не касается, Захар стукнул себя по лбу и полез за пазуху.

Покопавшись там секунд десять, он радостно извлек на свет Божий замотанную в старую тряпку латунную табличку. Положив свою находку на стол, красноармеец начал объяснять:

– Я эту железячку около статуи нашел. Думал, вдруг, кто сможет прочесть, что тут за письмена такие. – Он слегка пожал плечами и незаметно шмыгнул носом. – Я б и сам что прочитал, да читать не умею справно. А тут написано так, что я и букв разобрать не мог.

Малышев поднял табличку, но, едва взглянув, у него из рук ее выхватил Сомохов.

Вытянув из нагрудного кармана френча, который он по старой привычке носил под «новой» одеждой, свои очки и водрузив их на кончик носа, ученый принялся изучать текст, найденный Пригодько.

В процессе чтения (было видно, что язык надписи не составляет для него проблемы) лицо археолога то светлело, то хмурилось. Трое остальных жителей двадцатого века внимательно отслеживали эти перемены, но перебивать ход мыслей ученого не решались.

Наконец Улугбек Карлович откинулся к стене, у которой стояла лавка, и глубоко выдохнул. Это послужило сигналом.

– Ну, что там? Как? Что написано?

Сомохов неторопливо снял и протер очки, которые он берег как свое главное сокровище. Он собирался со словами, формулируя в уме и переводя на доступный язык прочитанное и понятное, анализируя неясное. Потом повернулся к Горовому:

– А ведь наши мальчишки молодцами оказались, Тимофей Михайлович. Это от них табличка. Написана на древнеарамейском. Пишут, что, как мы исчезли, они взволновались, но решили ничего не трогать. Ночью отстреливались от всадников Калугумбея, а к утру жандармы подъехали, видимо, кто-то из землекопов постарался, помогли. Статую они в Петербург забрали, про нас ничего не говорили, чтобы за психически больных не приняли, но верили, что вернемся. В тысяча девятьсот семнадцатом году заварушка какая-то началась. Альтман погиб, не пишут из-за чего. Корчагин статую вывез из Питера и припрятал в недоступном месте, сообщает, что капище какое-то старинное по записям нашел. Туда статую и спрятал, а для нас письмо оставил, чтобы, если появимся, в Питер не шли, уходили в Финляндию, там спокойней. – Сомохов покачал головой: – Бред какой-то... А для того, чтобы чужой человек послание не прочитал, Корчагин его на древнеарамейский перевел. А ниже оставил копию текста, что на постаменте у ног статуи был выбит. Этот текст они с Завальней расшифровали. Думают, что все выбитое – инструкция по использованию этой статуи. Расшифровали, но сами побоялись попробовать. Жезл сняли, завернули в тряпочку и со статуей увезли в Питер... Так-с... А, вот! Там хранили жезл отдельно. А как бежать надумали... – Ученый опять сделал отступление: – Тут не очень понятно, зачем бежать-то? Так вот. Как бежать надумали, то жезл рядом со статуей положить собирались, но потом решили, что правильной оставить все как было. И вложили жезл в руку статуи. Но ничего не произошло.

Ученый повернул табличку:

– Это они уже на обратной стороне нацарапали.

Малышев не удержался. Пока степенный подъясаул и сибиряк слушали археолога, фотограф вертелся на лавке ужом:

– Так что там с инструкцией по статуе? Там понять что можно?

Сомохов устало повел головой:

– Я боюсь, они немного напутали. Тут явно просто древние наизидания, то есть поучения опытных жрецов молодым, как обращаться со статуей. Ну вот, вроде: «Вечно живая мать сущего не приемлет, если жезла ее рука человека касается, с оружием или другим железом в храм ее вошедшего». Или еще: «Мать сущего призовет верных для бытия своего и вернет тогда, когда нужда есть в нем для слуг ее. Ибо нет для нее ничего невозможного и ткет она время, как мать ткет полотно для детей своих». Какая же это инструкция?!

Малышев стукнул ладонью по колену.

– Ну, правда ж... – Он повернулся к Захару: – Ты, Захар, когда сюда попал, жезл статуи рукой трогал?

Пригодько замялся.

– Ну... – Бывший красноармеец вспоминал прошлые события так, будто они произошли годы тому назад. – Так оно и было... Рукой, значит... Думал, что вместо фонаря электрического света он мне светить будет.

Костя продолжил допрос:

– А рука у тебя в рукавице была?

Тут сибиряк ответил сразу:

– Да нет. Я рукавицы еще раньше скинул. Коды в подпол энтот полез.

Костя повернулся к ученому и казаку:

– Ну?

Сомохов закивал головой:

– А ведь и верно. Я-то, когда падал, за жезл ухватился, а меня Тимофей Михайлович поддержал.

Малышев посмотрел на казака и уточнил:

– А перчатки или рукавицы у вас на руках были?

Тот хмыкнул:

– Да якие ж пелчатки в степи? Тиж мы барыни какие кисейные?

Археолог согласно закивал:

– Точно. Не было у нас перчаток. И за жезл держались... То есть я – за жезл, а Горовой – за меня.

Они старательно осмысливали услышанное. Заговорили все скопом и тут же замолкли, смущенные. Формулировать выводы взялся Костя Малышев:

– Выходит, перенос во времени осуществлялся тогда, когда человек хватается за палку богини, вложенную в руку статуи или вкладываемую в руку... Причем на руке человека не должно быть перчаток.

Улугбек Карлович возразил:

– Постойте, но вроде бы Корчагин, мой студент, который статую уволок... – Он перевел дыхание. – Так вот. Корчагин тоже жезл в руку статуи вложил... И – ничего? С нами его нет.

Малышев парировал быстро:

– А вы, Улугбек Карлович, посмотрите на дату, когда писалась пластинка.

Улугбек повертел пластинку.

– Ну и что... Подписано декабрем семнадцатого года. – Профессор схватился за голову. – Точно! Зима... Холод! Он наверняка был в перчатках.

Костя обвел взглядом притихших товарищей:

– Ну что же. Завеса тайны понемногу спадает. – Малышев потер руки. – Теперь, по крайней мере, мы знаем, что перенос во времени осуществляется механизмом, а может, и колдовскими силами, заключенными внутри статуи богини.

Археолог поморщился, но Костя продолжал:

– Мы не должны исключать и сверхъестественный вариант развития событий, Улугбек Карлович... Но переносится только человек, держащий жезл голыми руками. Вот!

Горовой молчал. Его и Захара мало взволновало то, что тайна их попадания в нынешний век наконец начинает переходить из раздела колдовства в раздел науки. Красноармеец вообще пропустил выводы Малышева мимо ушей, старательно перебирая содержимое своего мешка в поисках еще чего-нибудь незамеченного или забытого.

Только Сомохов был так же взволнован, как и Костя.

– В принципе, я вынужден согласиться с вами, господин Малышев. Это антинаучно, но... Следуя принципу признания очевидного, каким бы абсурдным оно ни казалось... М-м-м... Табличку эту я почитаю на досуге, может, еще что интересное обнаружу. Я все-таки на древнеарамейском читаю не так, как на русском. А пока, думаю, надо готовиться к отплытию вместе с новгородцами. Парус, что ли, помочь им поставить? Нам теперь есть куда спешить. С колдовством мы еще слабы, а вот с техникой должны справиться...

Отплытие

Отплыли они на следующий день.

Вечером перед походом ярл еще раз предложил продать или подарить ему одну из колдовских палок. «Полочане», естественно, отказались.

Чтобы у гостеприимного, но гордого Струппарсона не возникла идея отобрать ночью колдовские палки силой, Малышев продемонстрировал ему, что эти артефакты будут слушаться только посвященных. Пальнув разок в воздух, он, сдвинув предохранитель, вручил свой револьвер Гуннару с предложением повторить выстрел. После того как ярл минуту безуспешно дергал спуск, Костя забрал револьвер, отжал предохранитель и выстрелил снова. Хозяин Хобурга вздохнул, уточнил местоположение волшебной страны Тихв, где такие изделия делают белые колдуны, и пожелал мореходам счастливого пути.

Отплыли буднично... По утреннему солнцу дружина Силы Титовича с молодецким ухажьем сдвинула на воду отконопаченный и заново оснащенный драккар. После чего все лихо запрыгнули на борт и, действуя веслами, вывели корабль на середину реки. По Лупе драккар шел, практически не используя парус. Течение было небыстрое, тренированные годами походов дружинники держали хороший темп, который для непривычных к гребле «полочан» был просто убийственным.

Днем пристали к берегу и пообедали. Если Горовой и Захар нашли в себе силы присоединиться к костру и похлебать ушицы, то Костя и Улугбек провалялись на первой травке. Вечером ситуация повторилась.

Ужасно ныли намозоленные руки, ломило спины. В поход ярл Гуннар отправил вместе с кораблем шестерых своих хирдманов в качестве проводников и дополнительных гребцов (драккар был на пять скамеек больше снеки). Бьерн Гусак, правивший кормилом, наутро забрал у новичков пару весел, заявив, что, пока привыкнут к гребле, им хватит оставшихся на всех на четверых. А то умрут еще, поди потом ищи в море замену!

Три дня они гребли, сменяясь, а к обеду и ужину начали выходить уже все вчетвером, Бьерн вернул отобранное. К последнему волоку перед Балтийским морем, куда они вышли через четыре дня, руки понемногу привыкли, а спины начали сгибаться.

Балтика в одиннадцатом веке слабо отличалось от века двадцатого. Все те же серые тяжелые облака, свинцово-черные воды и пронизывающий весенний ветер. Тут здорово пригодились накидки из кожи тюленя, купленные перед походом. Толстой, но достаточно мягкой кожей, выделанной руками хобургских женщин, даже местные штормы были не страшны.

С выходом в чистые воды работы на веслах стало меньше, но появились другие проблемы. Более трети экипажа тяжело переносили качку. Дружинники привыкли к плаваниям, но их опыт преимущественно был накоплен в походах по рекам и озерам. В этот же раз князь послал только выходцев из Центральной Руси и Новгорода, пренебрегши большим количеством служивших у него варягов-наемников. Сомохов и Малышев обсуждали это, но прийти к определенному объяснению факта так и не смогли. По какой-то причине молодой князь Святополк Изяславович решил, что ему лучше послужат дружинники, не имеющие корней в землях, мимо которых поплывет судно. Однако на корабле были и варяги: из шестерых воинов ярла Хобурга четверо были родом из фьордов Норвегии и Швеции.

На ночь во время плавания по Балтийскому морю среди местных мореходов было принято приставать к берегу. Некоторые скандинавские дружины плыли и ночью по звездам, но

это было возможно только в чистом море вдали от прибрежных отмелей и подводных скал. Балтику часто штормило, и близость берега давала возможность в случае плохой погоды спрятать товар и судно в каком-нибудь заливчике. Однако это делало торговые суда очень уязвимыми для морских пиратов.

Бьерн Гусак правил судно в чистое море. Он был опытным мореходом и верил в свои силы, но никогда весной не стал бы так рисковать по своей воле. Напряжение было видно и по нахмуренному лицу старого вояки, и по тому, как он покрикивал на скамеечников-гребцов.

Удача сопутствовала «Одноглазому Волку» в его походе. С самого выхода в море дул попутный ветер, море было спокойное, а небо – чистое.

За пять дней, половину из которых Малышев и Горовой провели по преимуществу свесившись за борт, драккар прошел мимо острова Даго⁴⁶, после чего взял влево, стремясь проскользнуть между равно известными плодородными землями и пиратами островом Готландом и берегами Курляндии.

Еще через два дня, когда на горизонте показались берега будущей Калининградской области и Малышеву стало казаться, что он вот-вот увидит Куршскую косу или Клайпеду, драккар опять поменял курс и, приняв вправо, ушел, не сближаясь с берегом, в сторону Борхольма.

4

Любек⁴⁷. Священная Римская (Германская) империя. Харчевня «Весло и Селедка». Два часа до полуночи

Любек еще только приобретал ту славу и ту силу, которые через пару сотен лет сделают его одним из виднейших городов Европы и мира, выдвинув в один ряд с такими гигантами, как Венеция и Константинополь. Почти шестьдесят лет городком, основанным, по преданиям, легендарным князем Любомиром, владели немцы⁴⁸. Они и выстроили из маленькой славянской деревушки известный порт и торговый центр на Варяжском море.

Пять лет назад бодрический племенной князь Генрих отвоевал побережье Вагрии. Он не стал менять установленные порядки в городе, без сопротивления открывшем ему ворота. Только в гарнизоне вместо германцев теперь сидели хмурые даны (мать Генриха была датчанка и в его войске хватало скандинавов) и косматые бодричи⁴⁹, да окрестные крестьяне-вагры⁵⁰ стали смелее чувствовать себя на местном торгу, уже не пряча свои языческие обереги и при случае открыто переругиваясь с проповедниками местного архиепископа. Несмотря на то что ключевые посты в селении, как и большую часть населения, по-прежнему составляли немцы, князь Генрих даже сделал Любек на некоторое время своей столицей.

⁴⁶ Даго – остров Хийумаа.

⁴⁷ Старый Любек, основанный славянами, имел два названия: бодрическое Любеков и немецкое Любек.

⁴⁸ Сами немцы историю Любека начинают с 1143 г., когда граф Адольф фон Шауэнбург (Adolf von Schauenburg) отстроил сгоревшее в войне бодрическое поселение. При этом германские историки стыдливо называют старый Любек славянской деревушкой и связывают название города с немецким словом «Liubice» – прелестный. Прежние жители этих земель, славяне, относили происхождение имени города к его основателю, князю Любомиру.

⁴⁹ Бодричи (др. название – ободриты) – славянский племенной союз на северном побережье современных Германии и Польши.

⁵⁰ Любек находится в древней Вагрии, территории одного из славянских племен, вошедших в бодрический племенной союз.

Харчевня «Весло и Селедка» не была самым популярным местом в городе. Снаружи двухэтажное деревянное здание с оштукатуренными стенами и каменным подмуром было куда красивей, чем изнутри. Проблема заведения была в том, что оно находилось слишком близко к порту, – каждый день здесь вспыхивали драки между посетителями. Дрались и резались до крови пираты и скупщики краденого, портовые воришки и нищие, сутенеры и наемные громилы. Харчевня была одной из самых дешевых и непритязательных. Добрые купцы сюда не ходили, да их здесь и не ждали. Не появлялась тут ни городская стража, ни портовая – дом стоял на незримой черте, разделившей зоны их «ответственности», что и оставляло возможность и начальнику городского караула, и капитану портовой стражи заявлять, что они не считают эту территорию своей.

Вот уже неделю весь второй этаж «Весла и Селедки», за исключением комнаты хозяина, снимали странные посетители. Три каморки, в которые портовые шлюхи обычно водили моряков, занимали иноземный купец и его сопровождающие. Хозяин дома, старый, вышедший в отставку одноногий пират Борг Колдурн, не хотел сдавать помещения гостям на длительный срок. Почасовая оплата приносила солидные барыши, и Борг не желал терять своих клиентов, вернее сказать, клиенток. Но купец сумел предоставить весомые доводы с характерным серебряным звоном. Так что вот уже неделю доступные портовые красотки зазывали изголодавшихся по противоположному полу в здание напротив.

Приехавший купец не был знаком Боргу, да и не интересовал он его. Но даже если бы старый пират захотел разузнать что-нибудь о своем постояльце, его ждал бы провал. За неделю иноземец так и не показался из номера. Только пара его подручных спускалась изредка на первый этаж, вынося ночной горшок да прихватывая из кухни съестное и вино.

Купец назвался Аиэром.

К вечеру седьмого дня явился тот, кого бывший жрец культа Архви, а ныне почтенный герр Аиэр ожидал в таком непрезентабельном месте.

Когда вечерний разгул в кабаке достиг своего апогея, в приоткрытые двери проскользнул закутанный с ног до головы в серый плащ среднего телосложения мужчина. За ним тенью прошестьовали двое телохранителей: широкие клинки скандинавских секир и кольчуги не могли скрыть даже широкие накидки из крашеного богемского полотна. Портовые забияки и прочая шушера тут же притихли и сгрудились в дальнем углу – от суровых бородатых крепышей-нурманов, изредка поступающих на службу в богатые торговые дома или к купцам, люди в здравом уме старалась держаться подальше.

Вошедший в сопровождении двух мрачных головорезов, не спрашивая хозяина заведения, проскользнул мимо стойки с бочонками пива на лестницу, ведущую на второй этаж.

Через минуту, пройдя осмотр, стражи Аиэра, он уже сидел за столом напротив жреца.

– Ну, рад тебя видеть в добром здравии, досточтимый жнец, – просипел невзрачный мужичонка, откидывая полы плаща и открывая взорам собравшихся в комнате дорогой жилет.

– Ты стал щеголем, добрый Пионий? – Аиэр казался удивленным внешним видом вошедшего.

Тот как будто смутился, потом красноречиво постучал по груди, укрытой дорогим алым бархатом. Раздалось характерное металлическое бречание.

– Это всего лишь брига⁵¹та, досточтимый жнец. – Пионий развел руками. – Ты сам назначил встречу в таком месте, где я должен думать о сохранности своего живота.

– О целости твоего живота должен думать я, колос, – сказал Аиэр.

Пионий сглотнул слюну.

⁵¹ Бриганта (бригантина) – доспех, состоящий из кожаного жакета, обшитого снаружи дорогой тканью (бархат или даже шелк) и проклепанного изнутри сложной системой железных чешуек, создающих эффект скрытого бронежилета. Очень дорогая и редкая вещь по тем временам.

– Я не хотел обидеть тебя, мудрый. – Он потер начавшие покрываться потом ладони. – Я преклоняюсь перед твоей предусмотрительностью и знанием. Мы – пыль под стопой Лучезарного, я – лишь никчемный раб в его когорте. Ты – жнец. Я – колос на поле его. Ты говоришь – я внемлю...

В словах Пиония было столько страха, что сидевшие у входа стражники поморщились.

Пионий не отрывал глаз от крышки стола, пока сменивший гнев на милость Аиэр не начал говорить:

– Как дела с Оттоном?

Пионий, получив возможность загладить первое неприятное впечатление, радостно засуетился:

– Я сделал все, как велели. Меня представили ко двору. Оттон стар, а желания его не отличаются от желаний молодого бычка. Он женился, жена моложе его раза в два. Оттон просит вернуть молодость и для этого готов на все.

Аиэр осмысливал услышанное, поигрывая замысловатыми четками. И у стен могут быть уши – эту простую истину открыли давно, и она была актуальна в любое время и в любых широтах. Оба разговаривающих не называли настоящих имен. Масляная лампа на столе чадила и распространяла вонь плохо очищенного масла: жрец Архви недолюбливал восковые свечи.

– А готов ли он предоставить нам свободу на своей земле и возможность ставить наши храмы?

Пионий отрицательно помотал головой:

– Еще нет, о великий жнец. К нему вернулось желание, он снова может многое, но теперь требует вернуть ему еще и молодое тело.

Жрец Архви отмахнулся:

– Ты же знаешь, червь, что это невозможно. Его же подданные не приемлют этого. Чернь восстанет, а знать поддержит. У Оттона и так полно проблем со своими провинциями.

Пионий развел руками:

– Генрих упрям, как мул, ваша мудрость.

Аиэр вскинулся.

– Колос, – прошипел он. – Ты не должен упоминать имя подручного своего даже в моем присутствии.

Пионий сжался. Пересохшее горло спазматически попробовало сглотнуть давно исчезнувшую слюну.

– Простите, досточтимый. Я увлекся. Я слаб.

Аиэр сделал раздраженный жест, приглашая согнувшегося в раболепном поклоне Пиония продолжить.

Тот с трудом вернулся к тому, на чем остановился:

– Пока не дадим молодость его телу, а не только чреслам и желаниям, он не уступит.

Аиэр поиграл четками и кивнул:

– Что ж. Если он настолько глуп, что ему недостаточно только чувствовать себя молодым, то мы дадим ему молодое тело.

Пионий подался вперед, а Аиэр продолжил:

– Дадим, но не сейчас. Через год я пришлю посвященного. Если у него останется желание, мы сделаем то, что он просит.

Старый жрец постукивал четками.

– А теперь ты выслушаешь еще одно задание, колос.

Пионий весь подобрался. Его худая шея вытянулась из воротника бриганты, а кадык заходил настолько быстро, что даже страже у входа было видно, насколько он волнуется.

Жрец говорил медленно, подбирая слова. Его рассказ навевал неприятные воспоминания.

– Мы нашли тех, кто разграбил наш гест на Зеленом острове. Нашли и вернули то, что было утеряно. Это было неправильно, но мы произвели забор тотчас же по получении утерянного. Лучезарный улыбнулся нам... Четверо воинов пришли к нам, но дальше... дальше все пошло... наперекосяк. Местный ярл с воинами вторгся в капище. Его люди разграбили храм Севера, а воины, дарованные нам Архви, попали к нему в руки.

Пионий сглотнул слюну, он слабо представлял, куда клонит старый жрец.

Тот продолжил:

– Ярла зовут Гуннар Струппарсон, а городок, которым он правит, – Хобург. Возьми столько денег, сколько надо, найми тысячу нурманов, и пусть этот городок исчезнет с лица Гардарики⁵² еще до начала лета.

Пионий спросил внезапно осипшим голосом:

– Как я их узнаю?.. Тех, кого я должен отправить в Хель?.. К Архви, то есть?

Жрец передернул плечами:

– Узнаешь... Их тяжело не узнать. Их четверо: первый – грузный усач; второй – хрупкий, высокий, светловолосый, лицом похож на болгарина или угра; третий – с лица померанец⁵³ или гардариканец, кряжистый, но невысокий; четвертый – широкоплеч, высок, похож на нурмана или свена... Впрочем, все они достаточно высоки ростом.

Жрец поморщился, но продолжил:

– У них оружие, которое принадлежит Лучезарному, а их тела должны уйти к Архви. Оружие уничтожишь.

Пионий молчал, осмысливая приказ, а жрец культа богини все говорил:

– Если сделаешь это, станешь серпом.

Пионий подпрыгнул и выгнулся дугой. Разные чувства – от восхищения до подобострастия – пролетели по его лицу, как легкие перьевые облака по летнему небу.

– Можете не сомневаться, досточтимый жнец. Их тела уйдут к Архви, а души к Лучезарному, клянусь серпом, который меня пометил.

Жрец поднялся, давая понять, что разговор закончен.

– Надеюсь, что ты понимаешь, чем клянешься, колос. Ты потеряешь много больше, чем твоя никчемная жизнь, если не выполнишь обещанное.

Но глаза Пиония светились счастьем. Стремясь за порог комнаты, он не обратил внимания на предупреждение, слетевшее с уст старого жреца. Еще раз поклонившись у порога, Пионий юркнул за дверь.

Старый жрец культа неизвестной богини и непонятого бога покачал головой:

– Как ты думаешь, Аиеллу, справится смертный?

Один из воинов у двери только пожал плечами.

Жрец хмыкнул.

– А ведь это лучшее, что у нас здесь есть. И если он справится, быть ему серпом Севера. Аиэр поиграл четками.

– Собирайтесь, утром отплываем.

⁵² Гардарики – страна городов, древнескандинавское название Руси.

⁵³ Померания – территория современной Польни.

На пути в империю

«Одноглазый Волк» легко скользил по свинцовым водам Балтийского моря. К утру десятого дня с момента выхода в море на горизонте появились очертания острова Борнхольм. Судно могло бы идти быстрее, но попутный ветер понемногу ослабевал, а Сила Титович стремился сохранить свою команду свежей, не заставляя гребцов сидеть на веслах по четырнадцать часов в сутки.

То, что на горизонте именно Борнхольм, поведал опытный Бьерн Гусак. По его словам, переход между Ругом, последним островом на пути в Любек, и Борнхольмом был самым опасным. Купцы, пройдя воды у берегов Скандинавии, расслаблялись. А датские и польские каперы этим отлично пользовались. Бодричский князь Генрих и германский император несколько раз снаряжали карательные экспедиции на Борнхольм и в протоки около Руга, но пираты заранее убирались со своих стоянок в сторону Дании и Швеции. Именно поэтому драккар нынче идет мимо Поморья в дальний Любек. Откуда они двинутся малой дружиной по суше до Хомбурга, где на попутных снеках и баржах можно сплавиться по Эльбе и до Магдебурга.

Сомохову план показался странным. Торговля в эти времена шла по руслам рек, потому что перевезти большие грузы по суше, уже практически лишенной римских дорог, было невозможно. Колеса телег застревали в весенней или осенней грязи, копыта коней проваливались в зимнем снегу, а лето было столь коротким, что не принималось в расчет. Поход же Онисия Навкратовича имел конкретные коммерческие интересы. А иначе зачем почтенному купцу плавать за тридевять земель, оплачивая солидную охрану и дорогое судно? Весь товар с драккара из Любека до Хомбурга на телегах не перевезешь... Так не лучше ли его сдать в первом порту, как это делало большинство купцов, или, уже увеличивая риск минимум вдвое, пройти опасные датские острова и зайти в Хомбург по морю?

Улугбек чувствовал: что-то не так. Разговаривать на эту тему с Горовым не имело смысла: казак, как примерный солдат, старался просто выполнять приказы, не обсуждая. По крайней мере, очень старался. А Захар вообще не задумывался о таких нюансах. Впервые попав на море, промысловик наслаждался новыми впечатлениями. Оставались Малышев и дружинники ярла Гуннара. Когда Улугбек поделился своими сомнениями с Костей, тот просто отмахнулся:

– Ты знаешь этих торгашей? – Фотограф уже втянулся в ритм похода. Широкие плечи Малышева, натренированные в детстве и юношестве в спортивных залах, начали опять обрывать мышцами. – Может, он какой-нибудь воск и пеньку скинет в Любеке, а в Магдебург к императору двинет только с мехами? Меха – не воск, одной телеги вполне хватит.

Сомохов почесал вспотевшую и постоянно чесавшуюся под кожаной феской голову. Он такой вариант не рассматривал.

– Вряд ли, – не сдавался ученый. – Что-то я, когда мешки и сундуки перегружали со снеки на драккар, никаких мехов не видел.

Малышев за словом в карман не полез:

– Да что ты вообще в мехах понимаешь, мышь институтская? – Сказано это было веселым тоном, да и нельзя в походе на соседа по весельной скамье обижаться. Слишком скучно в походе, потому что дуреют дружинники, подначивая друг друга время от времени.

Улугбек принял вызов.

– Да уж достаточно, чтобы не просить всю жизнь толстозадых купчих и потертых приказчиков петь «Сы-ы-р», когда твоя башка прикрыта пыльным тюлем, – парировал Сомохов,

налегая на весло. – Я и университет закончил не последним, и историю не только по рассказам монашек изучал⁵⁴. И жизнь не перевернутой в объективе вижу⁵⁵.

Пока Малышев пробовал разгадать, что именно оппонент имел в виду, Улугбек продолжил:

– Кроме мехов, ничего легкого и ценного из Руси не везли.

Костя пожал плечами:

– Ну, ладно. Может, он меха в сундуки засунул. Или даже в Магдебург не продавать, а покупать едет.

Профессор хмыкнул. Такая мысль казалось ему абсурдной.

– Что есть такого в Магдебурге, чего нет в Любеке или Гамбурге?

Продолжить спор товарищам по скамье не дали.

Тут стоявший на носу Сила Титович вскинул ладонь к глазам, всматриваясь в очертания Борнхольма. Десять секунд спустя драккар уже разворачивался в сторону берегов Померании. Под окриком Бьерна гребцы сильнее налегли на весла.

– Что происходит? – Костя толкнул сидящего впереди седоусого крепыша. Тот в ответ только рыкнул и кинул одно слово, которого боялись все купцы от Мавритании до Руси:

– Херсиры⁵⁶.

Сомохов и Малышев дружно налегли на весла...

Старания команды были напрасны. Подошедшие со стороны солнца в утреннем тумане два пиратских корабля беззвучно скользили к судну торговца. Экипажи всех трех судов усиленно гребли, ветер одинаково наполнял паруса, но, в отличие от «Одноглазого Волка», корабли пиратов вышли из своей гавани пустыми и были, соответственно, легче купеческого. За два часа херсиры сократили расстояние настолько, что даже сухопутным «полочанам» стало очевидно, что драки не избежать.

Когда еще через час передний корабль пиратов подошел к драккару русичей ближе чем на три сотни метров, Сила Титович приказал надевать брони.

Гребцы оставили корабль на попечение ветра и Бьерна, держащего рулевое весло. Дружина начала вооружаться. Судовая рать натягивала стеганные жилеты с нашитыми металлическими бляхами, напяливала шлемы. Четверо, включая Силу Титовича, заблестели кольчугами, а Онисий Навкратович приладил на грудь настоящий бронзовый панцирь. Разбирались с бортов щиты, сапоги менялись на схожие с мокадинами очумки (чтобы не заскользить по кровавой палубе), и проверялись острия копий. «Полочане» надели купленные доспехи и расчехлили оружие двадцатого века. С боеприпасами дела обстояли неплохо, но все равно решено было экономить и стрелять по возможности одиночными.

Расстояние между кораблем купца и пиратами сокращалось. Вот уже со стороны херсира полетела первая стрела. Для прицельного выстрела на море было еще далековато, да и качка с ветром вносили коррективы. Но первая стрела пиратов воткнулась в корму драккара всего на локоть ниже борта, за которым стоял Сила Титович со щитом в одной руке и полторным мечом во второй. Какой-то дружинник из судовой рати попробовал ответить стрелой на стрелу, но против дующего в корму ветра лук новгородца оказался бессилён. Стрела русича упала на воду, не долетев двух десятков шагов до драккара херсиров.

⁵⁴ Намек на воскресные школы для рабочих.

⁵⁵ Фотографические аппараты начала XX в. в объективе показывали перевернутый вид фотографируемого объекта.

⁵⁶ Херсир – племенной вождь. Часто употреблялся термин «морские херсиры», т. е. вожди, живущие морским разбоем. В отличие от «морских конунгов», которые могли снаряжать иногда десятки пиратских судов, но обычно не имели собственной земли, херсиры часто имели землю, но предпочитали жить разбоем. Обычно могли содержать один, редко – два корабля. По мере образования крупных государств термин «херсир» вытеснялся из языка, ассоциируясь только с морскими разбоями, и впоследствии трансформировался в привычное «корсар».

Это событие было встречено на пиратском корабле ревом восторга. Горовой зашевелил скулами и шагнул к корабельному воеводе.

– Дозволь, командир, я его осажу, – прогудел казак, показывая дружиннику новгородского князя «англицкую» винтовку.

Сила Титович скользнул взглядом по странному оружию, о котором столько слышал от хобургского ярла, и кивнул: попробуй, мол.

Тимофей отложил щит, намотал ремень винтовки на левую руку, пошире расставил ноги, ловя ритм раскачивающейся палубы, и, затаив дыхание, прицелился. Дружина следила за ним, практически не дыша. Большая часть из них слышала в Хобурге легенды о колдовском оружии полочан, но видела их в бою впервые.

Выстрел грохнул неожиданно. Внимание всех тут же переключилось с Горового на ближайший корабль пиратов. Там после выстрела сперва наступила тишина. Но, не заметив никакого эффекта от колдовского грома, тишину прервал шквал хохота и насмешек разбойников. Стоящий на носу предводитель пиратов в высоком золоченом шлеме потрясал копьем и поносил купеческую охрану, а вся остальная его дружина вторила вождю. Обрывки обидных фраз уже долетали до слуха новгородцев. По палубе пролетел вздох разочарования. Горовой промазал. Это было немудрено на качающейся палубе для казака, предпочитавшего конную лаву окопной войне.

Сила Титович отвернулся к приближающемуся кораблю пиратов. Он уже сожалел о том, что купился на сказки, которыми его потчевал ярл Струппарсон. Боевые колдовские палки, сметающие десятки врагов, оказались вонючими пукалками, способными напугать только коня или ребенка. Ярл говорил, что полочане слабы в рукопашной схватке. Если это так, они станут балластом в предстоящем сражении.

Захар молча отложил свой «Суоми», подошел к Горовому и взял из рук сконфуженного казака винтовку. Восхищенно цокнув, он любовно погладил цевье. Дружина драккара уже вовсю соревновалась в острословии с командой ближайшего херсира, и на «полочанина» внимания никто не обратил. Вот-вот со стороны пиратов посыплются стрелы. Расстояние между кораблями все сокращалось. На пятидесяти шагах стрелы преследователей начнут собирать свой страшный урожай, когда посланцы разбойников будут пробивать шеи и руки корабельной рати, а не бессильно тюкаться в кожу доспехов.

Грохнул винтовочный выстрел, и предводитель пиратов рухнул в морскую воду под киль собственного судна. Крики с обеих сторон смолкли. Пираты сгрудились у борта, высматривая в море своего вожака, а корабельная рать пялилась на Захара, стоявшего у борта. Деловито щелкнув затвором, Пригодько мягко прижал приклад к плечу, спустил курок, и очередной бандит полетел в свинцовые волны. Следующие два выстрела прозвучали с интервалом в три секунды. Один разбойник свалился за борт, а второй – уже на палубу судна. Преследователи попрятались и затихли.

Через двадцать секунд, во время которых корабельная рать и укрывшиеся от пуль пираты молча рассматривали друг друга, а Захар заряжал винтовку, пираты отвернули свои судна с курса драккара русичей и пошли обратно к Борнхольму. Удача похода напрямую связана с удачей предводителя. Ведь он – любимец богов, и если счастье его покидает, хирду хорошего ждать нечего.

Взрыв восторженных криков разорвал остатки утреннего тумана вокруг «Одноглазого Волка».

1939 год. Декабрь. Окрестности Ладожского озера

...Торвал Сигпорсон не был трусом. Когда его глаза запорошила мгла колдовства коварного жреца, он только сжал покрепче зубы и ухватился за рукоятку секиры.

Помутнение произошло внезапно и как-то сразу, без перехода. Будто кто-то хлопнул в ладоши – и вот он, Торвал Сигпорсон, лежит в куче птичьего помета и пялится на статую богини, закинувшую его сюда. Оружие при нем, немного саднит плечо, но, в общем, впечатление такое, будто спал и проснулся.

Торвал поднялся и огляделся. Он был в совершенно незнакомом месте. Викинг похлопал себя по поясу – мешок с серебром альвов был при нем. Ну, хоть в этом удача его не оставила. Несостоявшийся учитель и удачливый вор сплюнул под ноги. Нечего богов гневить – он жив, с деньгами и оружием, а вокруг не видно врагов.

День явно клонился к ночи, и в пещере, где стоял Торвал, с большим трудом можно было различить что-то дальше нескольких шагов. Лучи заходящего солнца еще проникали через единственную щель в стене напротив статуи, но они давали все меньше и меньше света. Последние посланцы скупого светила причудливо играли на изморози, покрывавшей стены, а вечерние блики и тени создавали впечатление, будто статуя движется.

Торвал поежился: было холодно. Настолько, что одетый по-весеннему викинг начал не просто зябнуть, а замерзать. Скитания от Дании до Гардарики приучили храброго наемника переносить морозы, но еще никогда он не встречал их без верхней теплой одежды, хотя и с полным поясом денег.

На полу мелькнул металлический блик. Обостренные рефлекс скандинава сработали раньше сознания: секира вырвалась из петли на поясе и врезалась с чавкающим звуком в червленый кругляш, валявшийся на полу пещеры. Магазин от автомата «Суоми» развалился под молодецким ударом, патроны латунными змейками разлетелись по всему помещению.

Торвал перевел дух. Надо поскорее убираться из этих храмов, от этой странной богини, от этого лютого мороза.

В стене пещеры зияла открытая дверь. Она могла вывести его из пещеры, где хозяйствовала статуя той, которая виновна во всех его последних неудачах, да и в удачах, правда, тоже. Торвал еще раз хлопнул себя по поясу, убедившись, что мешок серебра не оказался мороком.

Для того чтобы пройти по подземному лазу, викингу не понадобилось огня, хотя ночь все сильнее заявляла свои права. Все складывалась бы совсем даже неплохо, если б на выходе его не ждал неприятный сюрприз: у саней под елью сидел незнакомый человек с темными кругами под запавшими глазами.

Торвалу он показался крупным мужчиной в теплом тулупе, но безо всякого оружия. Не обращая внимания на непонятные вопросы невооруженного туземца, Торвал деловито закрыл крышку люка и припорошил швы иголками ели, маскируя лаз. Выход из капища выглядел старым, а значит, нечего о нем никому знать. Чем пригодится эта пещера ему в дальнейшем, викинг не ведал, но верил, что сумеет извлечь из этого выгоду.

Кмет в тулупе что-то повелительно рявкнул. Торвал обернулся.

Станный больной мужик что-то требовал от него, размахивая железной корявой загогулиной, больше подходящей для колки орехов. Незнакомец явно нарывался на неприятности.

Кроме тулупа кмет был одет в войлочные очумки⁵⁷ и странный треух. Несмотря на свой явно болезненный вид, из-за которого, видимо, смерд даже не встал перед воином, появившимся из-под земли, туземец все же держался воинственно. Даже пробовал что-то приказать Сигпорсону, выкрикивая команды на ломаном гардариканском наречии. Этот язык Торвал немного выучил за дни учительства в усадьбе ярла Струппарсона.

Кажется, он требовал от викинга поднять руки. Торвал демонстративно положил руку на нож, висящий у пояса, – дурачок должен понять, что разговаривать в таком тоне с человеком войны небезопасно.

Звук выстрела разнесся по морозному лесу на много километров.

Странная горячая боль пронзила грудь Сигпорсона, его рука рванула и метнула нож. Второй выстрел комиссара Красной Армии Бориса Войтмана тоже был точен. Пуля попала в грудь вылезшего из лаза бородатого коротышки-лучника чуть левее первой. Оба выстрела были смертельными для человека, находящегося в десятках километров от ближайшего медпункта. Выстрелы получились великолепны, но комиссар не смог оценить их. Из его глаза торчала рукоятка тяжелого ножа новгородской работы.

Торвал с трудом мог понять, что происходит. Кмет оказался колдуном. Его корявая рогулька продырявила стеганный доспех нурмана, оставаясь в руках теперь уже мертвого мага. Кровь толчками покидала становившееся непослушным тело викинга, а на глаза начала набегать белесая пелена.

Последним усилием он вытянул свою секиру и поднялся навстречу заходящему солнцу.

«Один! Я иду!» Ему казалось, что он проревел это, как свой зычный боевой клич, но только хрип натужно сорвался с непослушного языка. Напряжение тяжелеющих рук и уже ватных ног, потребовавшееся для этого, подорвало остатки сил, и лучник рухнул в снег. Бороду его приятно холодила слежавшийся наст, покрытый мягким свежим снежком, а губы все шевелились, шепча последний клич уходящего в Вальгаллу... Глаза наливались свинцом, снег казался мягкой медвежьей шкурой, на которой так приятно вздремнуть зимними вечерами.

Норвежец уже не видел, как из-за елей, привлеченные звуками выстрелов, вылетели четверо лыжников в белых маскахалатах, обутом в ботинки со смешно загнутыми вверх носами. Второй раз за двадцать четыре часа он прощался с жизнью...

7

Порт и торговый город Любек. 1095 год

Два дня, до самого Любека, главной темой разговоров на «Одиноким Волке» было колдовское оружие «полочан». То, что после инцидента около Борнхольма Пригодько оставил винтовку себе, а Горовой осваивал «Суоми», только подтверждало слухи, что колдовское оружие слушается одного владельца.

Даже Сила Титович подошел поблагодарить, а Онисий Навкратович, не оригинальничая, предложил купить хоть одну из колдовских палок. Пусть он и не сможет стрелять из нее (а хитрый купец рассчитывал, что дома монахи или волхвы сумеют заставить магическую вещь слушаться нового хозяина), но уж больно вещица редкостная – за такую диковинку и денег не жалко. Когда купец, горячась, довел предложение до пяти новгородских гривен, Сомохову

⁵⁷ О валенках Русь узнает только с приходом татаро-монголов.

пришлось осаживать разошедшегося русича. Тот никак не мог понять, что «полочане» не торгуются и не набивают цену, а просто не желают расставаться со своим имуществом.

Мимо Руга прошли на удивление спокойно. На море было необычно тихо, так что команда большую часть дня проводила на веслах. Через день подошли к порту назначения.

У причальных мостков качались на волнах около трех дюжин торговых кнорров и снек, десятка четыре рыбацких баркасов да пяток драккаров.

Законодателями мод на Варяжском море все еще оставались скандинавы, хотя и прошли те времена, когда выходцы из Норвегии, Швеции и Дании безраздельно властвовали на всех морских просторах «цивилизованного» мира за пределами Средиземного моря.

Особняком у мостков держались несколько кораблей венецианской республики, а у северной части порта, немного в стороне от других, стояла византийская галера.

Естественным сдерживающим фактором в развитии города была близость порта к границам Северной марки⁵⁸, территории языческих славян, по документам входивших в Германскую империю, но на деле упорно не желавших безоговорочно принимать немецкие указы. То, что пять лет назад бодричский князь не сровнял город с землей, было большой удачей. В течение следующих пятидесяти лет Любек дважды разграбят и сожгут, но теперь между славянами и немцами установилось хрупкое равновесие – состояние, которому здорово помогала зимовавшая в Магдебурге императорская армия.

Бьерн Гусак правил «Одноглазого Волка» к свободному месту возле драккаров. Первым на причальный мосток лихо спрыгнул один из дружинников с канатом, но не успел он привязать корабль у причала, как навстречу прибывшим из порта вышла процессия. Впереди ступал важный толстун в бархатном камзоле и в коротком синем плаще с прорезями для рук на плечах. На голове его был надет сложный головной убор: короткую кожаную шапочку, закрывающую все волосы, прикрывал пышный берет с павлиньим пером. Гладко выбритое холеное лицо с аккуратной бородкой и пальцы, унизанные кольцами, должны были указать любому невежде, с каким важным господином тот имеет дело. Для антуража вокруг толстуна крутилась пара клерков помельче, в коротких кожаных курточках, а за спиной топали пятеро портовых стражников, кряжистых бородатых данов в лориках⁵⁹ и с копьями в руках.

Навстречу вышел сам Онисий Навкратович, переодевшийся на подходе к порту в свою лучшую одежду: соболью шубу, золотые перстни, шитую золотом перевязь. Богатый новгородец выглядел не хуже подошедшего к «Одноглазому Волку» германца.

– Кто это? – Костя незаметно толкнул близко сидящего к нему викинга Гуннара. Рыжебородый Слoppi Крючок презрительно фыркнул:

– Мытня⁶⁰.

Пока купец и таможенник обсуждали на палубе погоду и пиратов, двое мытарей обрыскали корабль, проверили каждый сундук, перетрясли каждый мешок. Для записей они принесли с собой дощечки, покрытые воском, на которых делали пометки об учтенных ценностях. Через полчаса дощечки были переданы чиновнику. Тот удивленно поиграл бровями, почмокал губами и назвал первую цифру таможенного сбора. Любек не любил чужих торговцев. Со временем это выльется в монополию Ганзейского союза, первого профсоюза на берегах Балтийского моря.

Онисий Навкратович вздохнул и пригласил гостя дорогого на корму, чтобы обсудить нюансы. Через двадцать минут таможенник покинул корабль со значительно потяжелевшим поясом, а сумма мыта, необходимая к уплате в казну, сократилась наполовину.

⁵⁸ Северная марка – территория древних славян между Одером и Эльбой.

⁵⁹ Лорика – доспех из выделанной толстой кожи, повторяющий формой римские панцири.

⁶⁰ Мытня – таможня (*др.-слав.*).

До вечера на корабле побывали несколько местных купцов, предложивших оптом скупить привезенные товары, пару раз приходили земляки из русских земель, зашли знакомые викинги, признавшие в кормчем Бьерна Гусака, а в корабле – судно ярла Струппарсона. К вечеру команда, за исключением пяти дружинников, оставленных для охраны, и двух подручных купца, была отпущена на берег. Свободный город манил своими харчевнями, гулящими девками, азартными играми и возможностью увидеть что-нибудь новое.

По городу было запрещено ходить с оружием, но безоружными большинство дружинников не было. На поясах и в сапогах оставались приторочены длинные кинжалы и ножи, в рукавах спрятаны свинцовые битки на кожаных или суровых суконных шнурах, кистени. Это было хорошее оружие для удара с лету, но в тесной корчме, заполненной народом, размахнуться кистенем было негде, да и эффект от удара битки в крепкие кожаные куртки был невелик, спьяну же попасть в лоб было довольно проблематично. Куда большим почетом пользовались в здешних местах крепкие полутораметровые палки, используемые в обычное время как дорожные посохи. Путешествовать тогда было принято не с пустыми руками, и если у тебя не висит на поясе меч или секира, то уж метровое полено, скромно именуемое дорожным посошком, в руке быть должно. И от собак наглых избавит, и от людишек надоедливых или до чужого добра охочих.

Перед тем как отпустить команду на берег, Онисий Навкратович прочитал лекцию о «правилах поведения за рубежом» и об «особенностях правовой системы Германской империи». За большинство правонарушений полагался штраф от марки до пятнадцати марок. За разбой – повешение, за кражу – отсечение руки. Нельзя было горланить песни на ночных улицах, драться со стражей, будь то стража порта или города, заирать прохожих и иноверцев.

В страже, кроме детей бюргеров и списанных на берег старых вояк из корабельной рати, служили выходцы из Скандинавии, так что, случись инцидент, малой кровью можно было и не отделаться.

После того как купец настрашал команду, «полочане» выходить всем вместе в город посчитали опасным. Так как за оружие их винтовки и револьверы никто не принимал, взяли с собой револьверы Горового и Малышева, оставив на судне завернутые в промасленную холщовую мешковину винтовки и автомат. Кто-то должен был остаться, во-первых, при арсенале, а во-вторых, на случай, если остальные влипнут в неприятности. Бросили жребий на соломинках, и Малышеву досталась короткая. Он поскрипел зубами, повздыхал, но принял выбор фортуны.

В кабаки, двери которых выходили сразу на набережную, заходить не стали. У этих мест была самая дурная слава, а закончить «экскурсию», не увидев города, не хотелось. После небольшого совещания была принята программа посещения славного города Любек: пройтись до центра к рынку и дому бургомистра, погулять по лавкам в торговом квартале, отведать немецкого пива – и назад, на корабль. Гидом уговорили «поработать» одного из викингов ярла Струппарсона, Хругви Сивого. Побывавший за свою долгую жизнь во всех портах и городах Балтийского моря, старый мореход легко ориентировался в порту и за его пределами. За «полочанам» увязался молодой Бьертмар Ложка, прозванный так за свою серебряную ложку, которую он носил за поясом. Он впервые выехал за пределы Хобурга и тоже нервничал, предвкусывая возможные приключения.

Вылазку в город, в отличие от первоначального плана, пришлось начать с посещения прибрежной харчевни «Селедочный хвост» – Хругви не признавал прогулок на трезвую голову. Утолив жажду парой кружек мутного крепкого пойла, отдаленно напоминавшего портер, команда «Одинокого Волка» двинулась в город.

Средневековый город предстал перед ними в полном «великолепии».

Улочки около порта были застроены двухэтажными деревянными зданиями, нередко с покосившимися крышами и выступавшими из окон дымоходами. Низкие каменные фунда-

менты еле держали на своих плечах расширявшиеся кверху деревянные надстройки, которые нависали над пешеходами и конными, пробирающимися по улицам между кучами отбросов и испражнений, лишь изредка вычищаемых изгоями-золотарями. Кривые и узкие проходы, в которых частенько было невозможно и телегам разехаться, тянулись до торговой площади, едва превосходившей размерами спортивный зал средней школы двадцатого века. По дороге русичи постоянно переступали через потоки вонючей жижи, несшей бытовые отходы, которые вываливались горожанами в узкие желоба вдоль дорог – местные аналоги канализации. Периодически приходилось перепрыгивать через обильно рассыпанные «конские яблоки» и зажимать носы от стойкого запаха, исходившего от куч нечистот.

Дело шло к вечеру. В окружающих домах начинали топить печи, так что к запаху мочи и гниющей рыбной требухи, витавшему в воздухе, добавился дым из низких печных труб. Похоже, не привыкшие к атмосфере «большого города» приезжие своим поведением сильно бросались в глаза окружающим – несколько раз Сомохов замечал презрительно поджатые губы у проходящих.

Одето население Любека было весьма разнообразно. Особенно хорошо нюансы местной моды были заметны на рынке, где можно было встретить и купцов, и немецких рыцарей, и духовенство с зажиточными ремесленниками вперемежку с крестьянами-ваграми и суровыми бодрическими воинами местного гарнизона, щеголявшими длинными, заплетенными в косы волосами и языческими синими татуировками.

До времен, когда шелк придет в массы, оставались еще века. Кто был познатней и побогаче, тот красовался в бархате и парче, нередко расшитой крупными аляповатыми рисунками. Кто победней – носили кожу, цветное сукно. Низшая часть общества рядилась в порванные холщовые некрашенные тряпки, подпоясанные веревками балахоны и рубахи до пят. Мужчины были одеты в разнообразные плащи и накидки длиной не выше колен. Многие носили еще и легкие длиннополые безрукавки, отороченные мехом. Большинство было подпоясано ремнями с медными, посеребренными или стальными бляхами. На ногах помимо штанов разной длины, у которых правая и левая части крепились к поясу отдельно друг от друга, встречались у редких индивидуумов и варяжские цельно скроенные варианты этого вида одежды. Модники из школяров и подмастерьев щеголяли в ярких коротких панталонах, одетых на толстые шерстяные чулки и подвязанных ремешками. Из обуви предпочтение отдавалось невысоким кожаным сапожкам с цветными шнурами или удобным мягким кожаным ботинкам на деревянной подошве.

Редко встречающиеся на улицах дамы из высшего сословия походили на магазинные стойки для одежд, перегруженные продукцией. Женские платья, как и мужские, были до пят. В крое нарядов практически не выделялась талия, а у тех, у кого можно было ее все же предположить, сверху обязательно была надета еще и накидка без рукавов с меховой или просто яркой оторочкой, придававшей обладательнице очарование тумбочки. Вся поверхность тела была закрыта: перчатки, балахоны, платье, шали. Даже шею и подбородок укутывали платки, заправленные в головные уборы таким образом, чтобы скрыть волосы и лоб. Впрочем, шаль, укутывавшая подбородок и нередко нос, имела и практическое назначение, служа обладательнице прообразом марлевой повязки и защищая от окружающих запахов. Общий костюм дамы одиннадцатого века очень напоминал одежду стран победившего ислама двадцатого века. Открытыми руками, шеями и волосами могли похвалиться только гуляющие портовые девки и редкие городские проститутки.

Таким образом, разглядывая и оценивая красоты цивилизации Германской империи и перепрыгивая через продукты ее жизнедеятельности, путешественники и подошли к дому бургомистра. Каменное здание с внутренним двориком и высокими окнами первого этажа производило впечатление маленькой крепости. При подходе к центру города такие здания начинали встречаться все чаще, что говорило о растущем благосостоянии местного населения, но

дом бургомистра был еще и своеобразным общественным центром. Глава городского совета страдал подагрой и нередко занимался делами и принимал просителей дома. Подходы и подъезды были тесно заставлены телегами и подводами приехавших на аудиенцию, а у самого внутреннего двора толпилась разномастная группа, включавшая представителей всех торговых сообществ Любека. Поглазев на оригинальные наряды собравшихся и оценив тюрбаны мусульманской Гренады, шали рахдонитского Прованса, тоги византийцев и кунтуши угров, «полочане» двинулись к торговому сердцу будущего оплота Ганзейского союза – рыночной площади.

Остаток дня до начала сумерек потратили на осмотр товаров, широко представленных на лотках и тележках торговцев. Оценив яркое сукно немецкого производства, посуду, изделия местных кожемяк и пропустив ряды с едой, напоследок русичи заглянули в лавки оружейников, выходившие на торговую площадь. Здесь было на что поглядеть: серебристые и червленые кольчуги, нюрнбергские и испанские доспехи и шлемы различных форм, щиты, мечи, копия и арбалеты, которые запретят на Втором Латеранском соборе через сорок шесть лет как *Deo odibilem*⁶¹, но будут свободно продавать для битв с еретиками. Тысячи мелочей, необходимых добрым христианам, чтобы отправлять на тот свет других добрых христиан, а ежели получится, так и язычников, – все радовало глаз и грозило разорением кошельку прохожего.

Пощупав и приценившись к шлемам немецкой работы, Горовой только вздохнул, сопоставив запрашиваемые суммы с количеством денег в общественной кассе, лежавшей в кармане у Сомохова. За хороший шлем-ведро просили почти марку, а тонкое блюдо с ремешком покупать не лежала душа. Да и шлем пришлось бы ждать долго, так как размера, способного налезть на голову Захара или Горового, у торговцев не было.

Отойдя от оружейного ряда, «полочане» вняли зудежу Хругви, уставшего таскаться по рынку и жаждавшего приключений большого города. Свернув с основной улицы в тупичок, лихая команда «Одноглазого Волка» нашла пристанище для своих пересохших глоток в кабачке «Бочка и Седло», главный вход которого, в традициях безграмотной Европы, украшала громадная бочка с напяленным на нее седлом.

Сей булдырь был типичным заведением того времени, совмещавшим харчевню и постоялый двор с комнатами для приезжих на втором этаже да конюшней во внутреннем дворике. К тому же это был своеобразный клуб для окрестного зажиточного населения, поэтому пропойц, которых, естественно, знали в лицо, старались не допускать даже на порог.

Вечером в кабачке было шумно и многолюдно. Купцы, ремесленники и почтенные горожане спешили отметить окончание удачного дня и вкушать радость общения. Аппетитно шкворчал на вертеле в большом очаге свиной окорок, весело стучали в углу зала харчевни кости. Почтенные жители и гости города Любека отдыхали от тягот будней.

Хругви, бывавший тут ранее, заказывал за всех. Платил, правда, Сомохов. На стол подали пару кувшинов все того же мутного пойла, гордо именуемого пивом, две тарелки вареной рубленой свеклы, приправленной сыром, плоску вяленых рыббин, большой ломоть копченого сала и каравай ржаного хлеба. Трое русичей и парочка скандинавов оккупировали угловой стол, и началось то, что в понимании Хругви Сивого означает «веселье». За полтора часа служба трижды подносил полные кувшины, пока не догадался принести и оставить весь бочонок. Как всегда, сначала сотоварищи прошлись по продуктам питания, а насытив голод, нагулянный по улочкам Любека, приналегли на местный алкоголь. Особенно лихо за это дело взялись викинги. Уже через час молодой Бьертмар пускал пузыри, посапывая в углу, а Хругви пробовал петь старую шведскую сагу о ссоре Старкада⁶² и великанши Ран⁶³. Получалось плохо, но Хругви лихо отстукивал такт кружкой по столу.

⁶¹ Deo odibilem – богопротивное, негодное Богу (лат.).

⁶² Старкад – герой скандинавского эпоса, потомок великанов.

⁶³ Ран – морская великанша.

В углу харчевни, где играли в кости, пару раз вспыхивали перебранки, но в целом в заведении царила мирная атмосфера коллективной попойки.

Захар впервые попал «за границу», и его молодой пытливый ум переполняли впечатления.

– А что, Улугбек Карлович, все большие города здесь такие вонючие? – волновался сибиряк.

Сомохов покачал головой:

– В Европе, пожалуй, все. Систему канализации, которую изобрели и строили в своих городах еще римляне, эксплуатируют только там, где она осталась. В основном, по городам вдоль улиц сделаны стоки, которые работают только тогда, когда идет дождь.

– То-то ж они грязюку развели, смотреть тошно, – проворчал Горовой.

Пригодько поддакнул:

– Точно. Да ладно бы только улицы. – Он понизил голос и махнул руками в сторону зала: – Так ведь и сами смердят, как козлы бородатые.

Сомохов усмехнулся:

– Ну, мыться Европа еще долго не будет.

Словно в подтверждение разговора, к столу подвалил пьяный в стельку ремесленник. Он что-то радостно промычал и, размахивая деревянной кружкой с пивом, уставился на русичей, ожидая реакции. Те молчали. Не дождавшись, немец разочарованно сплюнул и вернулся к своему столу.

– Что хотел-то? – Горовой повернулся к Сомохову, как к единственному в компании, кроме пьяного Хругви, понимающего немецкий.

– Да спрашивал, видели ли мы город краше, чем Любек? – Сомохов улыбнулся.

Горовой осклабился, хлебнул пива и философски заметил:

– Кажный сверчок хвалит свой шесток.

Хмельной Захар покачал головой:

– А по мне, так и пусть, что смердят, а все равно любо. – Он повел руками в сторону города. – У нас вот, в Хобурге в том же, землянки да срубы в елку, а тут и каменные дома, и рынок с иноземцами, и лавки с товарами диковинными.

– Не видел ты городов больших на Руси еще, Захар, – проговорил Улугбек. – Русь же викинги как зовут? Гардарикой, землей городов. А почему? Что они, городов во Франции или Германии не видели? Нет! Тот же Новгород да Киев и покраще, и посильнее здешних столиц будут.

Пригодько пожал плечами:

– Ну, извиняй, Улугбек Карлович. Я ж, как с Подзерска моего в армию меня-то забрали, так, почитай, городов-то и не видел... С заимки, мать их, на факторию шел. Ранней-то дед ходил, а зимой помер дед. Я и пошел, а меня... Из фактории в военкомат да в армию... А потом с вами сюда вот...

Сотоварищи замолкли.

Каждый что-то оставил в своем времени. На фоне впитанного в кровь выпитого пива мысли становились туманными и расплывчатыми, но зато более эмоциональными и душевными. Горовой, тучный здоровяк с обветренным лицом, вспоминая своих деток, даже хлюпнул носом.

Вывел их из молчаливого ступора Хругви. Он на минутку прикорнул в уголке, но, как только «полочане» замолкли, проснулся и, оценив траурное затишье, начал по новой свою песню, громко бухая деревянной кружкой по столу.

Захар очнулся от воспоминаний первым:

– Ну, за деда моего. Знатный дед был. Пусть земля ему будет пухом, а душе – прощение...

Сотоварищи, не чокаясь, подняли кружки и выпили под заунывную песнь Хругви Сивого.

Снова возникла пауза, которую прервал ученый:

– Кстати, давно хотел вас спросить, Тимофей Михайлович, отчего ваш акцент кажется мне таким нетипичным для малоросса? Вроде и русский, но не такой. Похож на украинский, но ведь тоже не совсем правильный?

После секунд десяти чесания заросшего затылка и поскребывания уже отросшей бороды, подбесаул выдал свою версию ответа на интересовавший археолога вопрос:

– Шо-гло, слова... акцент... Так эта... Дед у меня, значит, из-под Витебска был. Там сяло есть, Глыбокае, знатнае сяло, а насупратив – веска Путраница. Вось он оттуда в шахты на заработки шел, уголь, значит, копать. А по дороге к прадеду моему, значит, и заглянул. На Дон, знамо дело. Как он туда попал – то отдельна справа... Вот... В парабки⁶⁴ там пошел, или еще как, то не знаю, а только остался он и на единственной дочке женился. Так прадед его в реестровые и записал. Тятьку, знамо дело, тож в реестровые. Так что на хуторе, когда я родился, я дедом и воспитывался. Тятьку-то, царствие ему небесное, за месяц до моего рождения на кордоне зарубали, а мамка моими родами да и померла. Вот и поднабрался, видаць...

Было видно, что казаку неприятно вспоминать, но он искренне старался объясниться.

– Так шо, так вот... Дедку меня, как мог, воспитау, а шо размовляю неяк не так, так то мне многие казали... А шо мне? Все разумеюць, и добра. – Горовой облегченно выдохнул. – Я в академиях не учився, а на плацу дык кажу так, шо усим все разумела! О!

Сомохов кивнул.

– Понятно. Трясянка⁶⁵, так сказать.

– Га? – не понял опять Горовой.

– Ничего, любезный. Все абсолютно нормально. Легкая смесь наречий, а то я думаю, что это у вас за странный диалект? То ли малоросский, то ли еще какой? Теперь-то понятно.

Тимофей Михайлович кивнул:

– Ну, понятно, так и добра. Наш командир гэту мову балачкой кликау.

...Еще через час, когда служка уже прикидывал, не стоит ли заменить бочонок на новый, Горовой нагнулся к Сомохову и, обдавая перегаром столь же нетрезвого ученого, прошептал:

– Глянь-ка ты, Улугбек Карлович, на того шныря, что в углу каля двери пивко потягивает.

Сомохов сфокусировал взгляд в нужном направлении. До времен, когда в нормальных кабаках к ночи под потолком будут скапливаться тучи табачного дыма, Европе оставалось еще веков пять, но и без курения в зале было так душно, что можно было вешать топор на воздух. Дым из кухни и от очага и испарения скапливались под потолком, создавая легко узнаваемый пьяный чад.

Улугбек всмотрелся в типа, на которого указал Горовой. По виду – обычная портовая шваль. Маленький, тщедушный человек в коротенькой безрукавке сидел и тянул небольшую кружку какого-то пойла, пряча в ней свой крючковатый нос. Кожаная шапочка с завязками практически закрывала лицо, а плащ был откинут назад. На поясе не было ни кинжала, ни приметного кошель.

Сомохов повернулся к Горовому:

– Ну?

Тот так же шепотом добавил:

– Я этого субъекта заприметил, еще когда мы из порта шли. За нами хвостиком плелся, казалупка. – Горовой перевел дух и отхлебнул пива. – Как в шинок зашли, то этот зник, а зараз znovu пришел.

Сомохов отмахнулся:

– Ну, может, соглядатай портовый какой. Или просто карманник.

⁶⁴ Парабак – наемный рабочий при крестьянской усадьбе.

⁶⁵ Трясянка – смесь языков и диалектов (*разг.*).

Горовой покачал головой:

– Так что ж за нами-то топать? – Он махнул рукой. – Окрест хватает и побогаче, и пожиже людишек.

Улугбек напрягся. Если очень постараться, даже в самом алкогольном угаре, можно заставить себя протрезветь на доли секунды. Главное, не растерять эти мгновения на ерунду, а потратить с пользой. Улугбек обрел способность мыслить если не трезво, то взвешенно.

Были они здесь чужие, а неприятности могли получить свои. Кем бы ни был соглядатай, интерес к собственной персоне со стороны незнакомцев практически всегда несет опасность, будь то интерес карманника, ночного грабителя или другого какого представителей любителей легкой поживы.

А силы коллектива таяли обратно пропорционально степени опьянения его участников.

– Собирайся, Тимофей. Будем выходить, держи руку на револьвере.

Когда Хругви и Захар совместными усилиями растолкали прикорнувшего Бьертмара, расплатились с корчмарем и двинулись к выходу, Сомохов посмотрел на место, где сидел мужичок, вызвавший опасения у Горового. Тот исчез...

Обратная дорога к порту заняла меньше времени. Город уже спал, хотя был еще добрый час до звона колокола, возвещавшего полночь и отмечавшего момент, когда ночная стража могла задерживать празднующих гуляк. До обычая устанавливать уличные фонари еще оставались долгие века кромешной темноты, так что единственным светом в наступивших сумерках служили скудные лучи молодого месяца.

Члены команды «Одноглазого Волка» шли к родным бортам драккара. Свежий воздух слегка протрезвил сонного Бьертмара, и Хругви втолковывал молодому викингу на норвежском, что негоже молодым перед какими-то торгашами варягов ославливать. Не можешь пить – не пей! Но падать на стол и спать, когда напротив тебя еще на ногах стоят, викинг «не может».

Бьертмар вздыхал и послушно кивал головой.

До порта оставались только улочка да переулочек, когда навстречу из темноты закоулка вышли шестеро бородачей. Хругви только радостно хмыкнул при взгляде на людей, загораживающих ему дорогу. Но тут сзади захрустел раскиданный мусор. Отрезая отход их пьяной компании, из подворотни появилось еще пятеро хмурых бородатых типов. Незнакомцы были одеты в нестиранные холщовые обноски и разномастно вооружены. У большинства были короткие дубинки, у вожака, стоявшего впереди, блеснул длинный кинжал, у других – короткие копья, а один даже поигрывал заряженным арбалетом. По сложению они тоже различались, как доски в заборе у нерадивого хозяина, – от хилых коротышек до толстых увальней. По сравнению с пришельцами из двадцатого века нападавшие казались заморышами, хотя и вооруженными.

– Ну, гости дорогие. Давайте-ка сюда ваши кошель да портки скидывайте. – Вожак ночных грабителей явно бравировал. Странную смесь немецкого и норвежского, на котором здесь принято было изъясняться, русичи, за исключением Сомохова, понимали с пятого на десятое, но в смысле сказанного трудно было ошибиться.

Хругви еще раз хмыкнул, а Бьертмар с открытой насмешкой разглядывал налетчиков. Даже с учетом того, что корабельная рать была пьяна в стельку, пятеро дружинников легко могли разметать десяток портовых крыс.

– А не пошарил бы ты, сморчок, по своим кошелькам да не скинулся бы славным мирным мореходам на утренний кувшинчик? – Хругви взял переговоры в свои руки.

Впрочем, переговорами это назвать было трудно. Высказав предложение главарю грабителей, Сивый скользнул к нему и, легко отведя нацеленный в грудь кинжал, нанес вожаку бандитов удар кулаком в кадык.

Пока тот, сипя на мостках улицы, пробовал восстановить способность дышать, Хругви уже крошил черепа и конечности портовой швали. Он легко уклонился от арбалетной стрелы, перехватил в воздухе копьё и, используя его как дубинку, гонял ночных «джентльменов удачи».

На другой стороне улочки орудовал посохом Бьертмар.

Горовой, в начале стычки потянувший было из кармана револьвер, вспомнил молодость и рванул в гущу боя. За ним с радостным воем: «Наших бьют!» – влетел Захар, чьи кулаки хоть и уступали пудовым лапищам подьесаула, зато летали с большей скоростью. Численное преимущество было компенсировано физическим превосходством и выучкой викингов, которых с двухлетнего возраста обучали драться с оружием и без. Кроме того, их еще и хорошо кормили всю жизнь, в отличие от субтильных отбросов Центральной Европы, в рационе которых и мясо-то было только по большим праздникам.

Через тридцать секунд все было кончено. Последние из нападавших, способные стоять на ногах, мелькая босыми пятками, разбежались, а на земле ползали и корчились, а где и кулем лежали семеро разбойников. Наподдав напоследок ногой по роже главаря, Хругви мечтательно закатил глаза и, отрыгнув, высказался:

– Ну и славное веселье нонче закатили!

После чего ночную тишь Любека разорвала удалая веселая песня о Сигурде, отымевшем дракона⁶⁶. Предупреждения Онисия Навкратовича были забыты. Через секунду соло Хругви превратилось в дуэт – песню поддержал Бьертмар.

У скамеечников «Одноглазого Волка» ранения были из разряда пустяковых – ссадины да порез на руке у Захара, угодившего под копьё.

Ввалившись на корабль под песню, «полочане», не вдаваясь в объяснения Малышеву, завалились спать.

Легенда о том, как портовая шваль спутала корабельную рать с купеческими приказчиками, еще долго гуляла по портам Варяжского моря, вызывая улыбки у слушателей.

...Ни «полочане», ни викинги не заметили, как всю схватку в проулке в тени за спинами нападавших простоял кряжистый бородач в полной кольчуге и с саксонской секирой⁶⁷ за спиной. Когда стало ясно, что ночные налетчики будут биты практически голыми руками, он усмехнулся и покинул место боя.

Через четверть часа бородач вошел в дверь захудалой харчевни, прошел мимо стойки на второй этаж и вошел в комнату, где его уже ждал, развалившись на скамье, тот самый плюгавый человечек, что вызвал такие опасения у Горового в «Бочке и Седле».

Вошедший окинул взглядом сидевшего мужичонку и выдал из себя:

– Ты ошибся, Мисаил.

Сидящий поперхнулся вином и укоризненно ответил бородачу:

– Я же просил вас, господин Олаф, не называть меня Мисаилом. Мое имя – имя доброго христианина: Михаил.

Вошедший прошел мимо Мисаила-Михаила, грузно сел на скамью и залпом выпил остатки вина из стоявшего на столе кувшина.

– Мне насрать, как тебя сейчас называют. Хоть и Рафаил. Ты стал дуть на молоко. Я из-за тебя протаскался в полной броне полночи.

Мисаил пропустил оскорбления мимо ушей... Даже не удосужившись изобразить обиду.

– Ну и?

Олаф покрутил пустым кувшином, поднял его и вытряс себе в глотку еще пару капель.

– Что ну? Это обычные бродяги. Варяги. Бьются, как варяги, орут в бою, как варяги, даже песни потом вопят те же, что и парни из моего хирда. На колдунов похожи, как волк

⁶⁶ Сигурд, победитель дракона, – герой скандинавских саг.

⁶⁷ Саксонская секира – массивная секира с заостренным наконечником на длинной ручке, прообраз алебарды.

на корову. Никаких бесовских штучек – разметали шваль, что ты набрал по порту, одними кулаками, ругаясь при этом, как ругаются во фьорде, где я родился и вырос.

Сидящий Мисаил замахал руками и, картавя, начал возражать:

– Это и не значит ничего. Они из Хобурга, они высокие, бороды короткие, как будто брили на византийский манер, а что кулаками машут, так и угроза невелика была. Мастер Пионий приказал быть внимательными.

Олаф вздохнул:

– Дурак ты... Но, может, и прав насчет бород. По мне, так варяги – варяги и есть, а что бороды коротки – так не растут, может. Да и пятеро их, а не четверо, и по-нашему ругаться горазды.

Мисаил не унимался:

– Все равно – убить. Убить при первой возможности.

Олаф отмахнулся:

– Да что ты заладил: убить да убить. Иди и убей, раз такой смелый.

Секунду нурман покачал головой, потеревил бороду и продолжил:

– Говоришь, они до Хомбурга и на Магдебург пойдут по земле? – Олаф еще секунду подумал и стукнул кулаком о собственную раскрытую ладонь. – Что ж. Тут и узнаем.

Олаф повернулся к Мисаилу:

– Прибьешься к обозу. Пооботрешься, разведашь. Если и вправду обычные викинги, то из Хомбурга – птицей сюда. Через десять дней хирд идем встречать на Руг и в Хобург. Надо выполнить приказ мастера и снести этот городок с лица Гардарики.

Мисаил сжался под тяжелым взглядом собеседника, но нашел силы пискнуть:

– А если все-таки... – Он исподлобья зыркнул на грозного викинга. – Если я прав и это колдуны?

Олаф дернул плечом:

– Тогда доложишься в Магдебурге мастеру Пионию. Он сам с ними разберется.

Мисаил закивал:

– Мастер Пионий может все. Он управится... Вот только...

Он замолчал. Нурман заметил паузу и вопросительно примолк. Мисаил прогнусавил:

– Только я приметен больно. Думаю, они меня заметили. Как бы не зарезали.

Олаф ухмыльнулся. По его лицу было видно, что такое развитие событий его не пугает.

Мисаил продолжил:

– Пускай лучше Равула идет с язычниками.

Бородач еще шире осклабился, задумчиво окинул взором согнутую фигуру сидящего напротив, выдерживая паузу, почесал живот... Но возражать не стал.

– Может, и верно. Пускай идет. Заодно передаст мастеру Пионию, что хирд уйдет вовремя.

Мисаил громко выдохнул и захихикал:

– За такое и выпить не грешно.

Из-под стола вынырнул пузатый кувшин с вином. Грозное, порубленное шрамами лицо Олафа просветлело. Все решения были приняты, и наступила пора отдыха.

С утра Онисий Навкратович был зол. Едва только солнце вылезло на небосвод, по мосткам, ведущим к «Одноглазому Волку», притопала целая делегация: глава портовой стражи с десятком гридней и плюгавеньким портовым клерком явился выяснить, что за моряки устроили ночью настоящее побоище и непотребное распевание песен, потревожившие мирный сон добрых жителей славного Любека? Тон, которым это было произнесено, не сулил славным мореходам ничего хорошего. Но ни претензии, ни хмурое выражение лица главы портовой стражи, поднятого с самого утра, не напугали новгородского купца.

– Что ж это получается, господин капитан? – веско и размеренно начал новгородец свою ответную речь. – Значит, мои людишки задирать кого по ночам начали? Так, что ли?

Глава стражи кивнул головой.

– А что, и жалобщики, пострадавшие от моих людей, есть, наверное?

Капитан портовой стражи задумался. По лбу офицера пробежали морщины. Через полминуты он вынужден был признать очевидное:

– Наин. Нет потерпевших... Но ваши люди оставили лужи крови. – Капитан заводился. – Значит, будут и потерпевшие. Если выжили.

Видимо, собственные аргументы даже ему показались неубедительными.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.